

Юрий Вийра

Кот Петра Великого,
летающий балкон
и другие

завийральные
истории

Пана, Кема и Я

ISBN 5-7380-0154-0

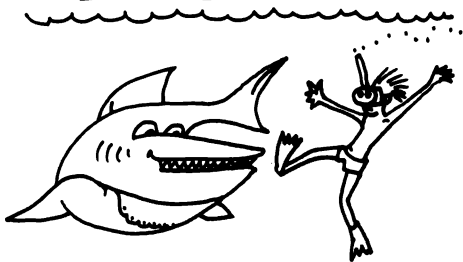

9 785738 001543

Юрий Вийра

КОТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО,
ЛЕТАЮЩИЙ БАЛКОН
И ДРУГИЕ
ЗАВИЙРАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Москва
2001

УДК 821.161.1. Вийра
ББК 84
В43

Вийра Ю.Б.
В43 Кот Петра Великого, летающий балкон и другие завийральные истории. М.: Рудомино, 2001. — 168 с. — Илл.
ISBN 5-7380-0154-0

Увлекательная и веселая книга для семейного чтения.

Удивительные приключения, происходящие с героями, не оставят равнодушными ни детей, ни взрослых. Эта книга научит детей фантазировать, а это первый шаг к настоящему творчеству.

ЗАО Издательство «Рудомино»
109189, Москва, Николаямская, д. 1
ЛР № 070082 от 10.11.96
Подписано в печать 21.06.01. Формат 60х90/16.
Объем 10,5 печ. л. Тираж 3000 экз.

Оригинал-макет подготовлен
Агентством печати «Наука»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ISBN 5-7380-0154-0

© Ю. Вийра, 2001
© Е. Родионов, А. Аёшин,
оформление, 2001
© Рудомино, 2001

Часть I

Кот Петра Великого

Крым

Однажды домовый Нюхля и князь Юрий Долгорукий полетели на воздушном шаре открывать новые земли. Летели, летели и прилетели. Смотрят: какой-то полуостров. Как этот край называется? Поглядел Юрий Долгорукий на землю, прищурился, и в глаза ему бросилась выгоревшая табличка. «КРЫ... М», — с трудом прочел князь.

Так, по недоразумению, Крым получил свое название. На самом деле там было написано: «заКРЫто на реМонт», остальные буквы выцвели.

Москва

Стоял раньше на месте Москвы густой бор, и жили в том бору сто леших. Никого в лес не пускали, пугали, за одежду хватили, пуговицы отрывали. Захочешь в лешего из лука стрелнуть да не сможешь: руки дрожат. А сможешь, так стрела развернется и обратно полетит. Просвистит над ухом и рядом в дерево воткнется. Дерево застонет, заохает: «Ох, умираю! Ой, щекотно!» Притворяется, конечно. А путнику не до смеха. Словом, никто через тот бор не ездил. Один Юрий Долгорукий не побоялся.

Получил он двойку за диктант. Едет из школы мрачный, по сторонам не смотрит. А лешие вокруг скачут, завывают. А князь им: «Отстаньте!» Выехал на поляну и решил: «Тут жить останусь, домой не вернусь, тятя за двойку отшлепает». И построил город, с улицами и переулками, Москвой назвал. Одна улица — Тверская, в Тверь ведет. Другая — Тверская-Ямская, ямой заканчивается, по ней не езжайте. А переулок, где сто леших жили, — Столешников.

Красная площадь

Однажды мамки и няньки привели будущего князя Дмитрия Донского, в то время просто Димку — ему только-только исполнилось пять лет, и он еще не выговаривал букву Р, вместо нее получалось Л, — на башню. Но уже тогда Дмитрий был, как теперь пацаны сказали бы, «крутым малым»: ходил в кожаном жилете, на груди заклепки, на поясе меч, почти настоящий, — берегись, кремлевская крапива! берегитесь, головки чертополоха! держись, хан Мамай, дойдет и до тебя очередь!

Итак, привели мамки и няньки юного князя на башню. Поглядел он вниз, на безымянную площадь перед Кремлем.

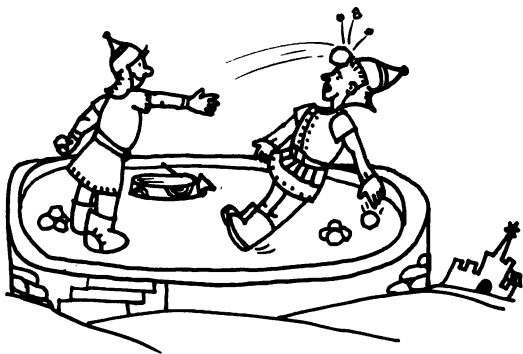
— Нравится? — спросили мамки.

Дима выставил вперед большой палец:

- Во! Классная площадь! Класивая!
  - Что князь молвит? — спросили няньки.
  - Красивая, говорит, красная площадь.
- Так Красная площадь получила свое название.

На Красной площади

Однажды в детстве Юрий Долгорукий и Дмитрий Донской играли в снежки, и основатель Москвы попал будущему герою Куликовской битвы прямо в лоб. С тех пор место на Красной площади, где это произошло, называется Лобным.

Юрий Долгорукий сказал приятелю:

— Извини, я не хотел, — и угостил жевательной резинкой.

Жвачка была иностранная, с надписью GUM. Впоследствии тут выстроили большой универмаг с тем же названием — ГУМ.

По соседству с универмагом расположен Исторический музей, где сохраняются обертка от исторической жвачки и снежки, которыми кидались юные князья.

Китай-город

Однажды Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, и домовый Нюхля, неизменный спутник всех князей московских, удили рыбу на Москве-реке. Нюхля поймал щуку и трех лещей, а князь — хотите верьте, хотите нет —

кита. Андрей завопил: «Кит! Ай!» В последнюю секунду кит сорвался с крючка и ушел на глубину.

В память о невероятном событии на том месте, по соседству с Кремлем, был построен город со стенами и башнями и назван КИТАЙ-городом.

Кремль

Однажды домовый Нюхля предложил будущему князю Дмитрию Донскому:

— Надо бы Вам построить белокаменный Кремль.

— Кремль?! Мне это слово не нравится. Похоже на крем, а я его терпеть не могу, меня от него тошнит.

Князь поругался со своей старшей сестрой — вечно она учит, учит! — и был не в духе. Сестра их разговор слышала. К тому времени она поостыла и решила пойти на попятную:

— Да, мне это слово тоже не нравится. И, пожалуйста, Дмитрий, не ссорься с татарами.

Князь назло сестре тотчас собрал полки, разгромил в пух и прах хана Папая, за ним — хана Мамая, и вскоре на Боровицком холме поднялся белокаменный Кремль.

Площадь у Кремля

Давно это было. Ванюше, внуку царя Иоанна III, еще не исполнилось года, ходить мальчуган не умел и, сидя на лужайке в деревянном мальпшовом манеже, играл с игрушками: лошадками, зайчиками, бегемотиками. Одну за другой выбрасывал из манежа, а мамки и няньки подбирали игрушки и возвращали обратно. А он их снова выбрасывал. Когда мамки и няньки, заболтавшись, забывали поднимать игрушки, Ваня хмурился и грозил кулачком. Мамки и няньки посмеивались: «Ох и грозен наш Иван!» Прозвище к Ванюше прилепилось. Как царя Ивана IV называют? Иваном Грозным, не иначе. А на месте зеленой лужайки, где стоял его манеж, теперь Манежная площадь.

Яуза

Жил некогда в Москве рыбак. Точнее, не совсем в городе, а за рекой, впадающей в Москву-реку. Имя рыбака история не сохранила, а вот три его дочери в истории остались. Звали сестер Аня, Аля и Алла. Или три «А», как их называл князь Юрий Долгорукий. Он за ними ухаживал, но выбора так и не смог сделать. Красавицы были — глаз не отвести. Когда девушки полоскали в реке белье, вода крутом начинала бурлить — то рыбы выныривали, чтобы полюбоваться. Но девушки были строгого нрава, князя к себе не подпускали.

Раз купались в реке, и Юрий Долгорукий подплыл на лодке. Они его так забрызгали, что лодка водой наполнилась. А князь плавать не умел. Чуть не утонул.

Именно в это время он придумывал названия московским улицам, площадям, переулкам. Повсюду за ним следовал стольник и все записывал, что князь скажет. Спрашивает, например, Юрий Долгорукий:

— Куда эта дорога ведет?

— В Тверь.

— Значит, улица Тверская. А эта куда?

— Не знаю, княже. Моросит. Не желаете укрыться?

— Ну, значит, будет улица Маросейка...

Однажды князь встал ни свет ни заря и поехал навестить рыбачек. А стольнику, чтобы знал, где его в случае чего искать, записку оставил. Написал большими буквами и прицепил к столбу у реки: дескать, я у трех «А». А стольник спросонья не разобрался что к чему и принял тройку в записке за букву «З». Велел немедля сделать табличку и повесить у реки. Вот так ЯУЗА получила свое название.

Останкино

Знаете, кто такой стольник? Человек, который прислуживает за княжеским столом. Однажды стольник Юрия Долгорукого расстелил на столе карту Москвы и, высунув от усердия язык, выводил на карте гусиным пером новые названия, придуманные князем: река Яуза, улица Тверская, Воробьевы горы.

— Княже, как это место будет называться? — спросил стольник.

Тут князь укололся проволокой и в сердцах закричал:

— Не мешай! Не видишь разве — человек делом занят!

Накануне основатель Москвы попал в засаду, устроенную Кучковичами, и теперь чинил свою кольчугу.

Кучковичи — родственники боярина Кучки, владевшего Москвой до Юрия Долгорукого. Как рассказывает летопись, Кучка оскорбил князя на пиру, за что вспыльчивый, но хо-

зыйственный Долгорукий велел обидчика казнить, а земли боярина присвоил себе. Кучковичи поклялись отомстить за смерть родственника и повсюду подстерегали князя. Пойдет Юрий в лес по грибы, увидит под березой большой гриб, обрадуется: «О, какой подберезовик!» — и мечом булатным по ножке гриба — вжик! Тогда же складных швейцарских перочинных ножей, с крестом на красной ручке, еще не было, их только почти шестьсот лет спустя Петр I придумал: глядел, как мучается секретарь, затачивая гусиные перья булатным мечом, — и придумал. До Петра I все делали булатными мечами: и масло на хлеб намазывали, и грибы в лесу срезали.

Рубанет, значит, Юрий Долгорукий по ножке подберезовика, а то вовсе и не ножка, а нога сорок третьего размера, и никакого не подберезовика, а двоюродного брата боярина Кучки, который засаду на князя устроил, под гриб замаскировался. Или пустит Юрий каленую стрелу в коршунa, а на землю с верхушки дуба свалится не коршун, а троюродный племянник Кучки с кривым картонным клювом и крыльями самодельными. Или поднимется Долгору-

кий под небеса на воздушном шаре. На княжество свое любит. Вдруг шар начнет терять высоту. Отцепит князь поспешно мешок с грузом. Полетит мешок к земле, а из мешка: «А-а-а!» Вздыхнет Юрий: «Опять засада была!»

Но иной раз и Кучковичам везло, и тогда приходилось основателю Москвы браться за молоток, чтобы выправить вмятину на шлеме, или с помощью плоскогубцев и проволоки залатать прореху на кольчуге. Чинит, значит, Юрий Долгорукий кольчужку, все пальцы проволокой булатной исколот, а стольник не унимается, в карту Москвы тычет и вопрошает:

— Княже, как вы это место назовете, ну, как?

— Отстань-ка! — прошипел князь.

И глуховатый стольник послушно вывел на карте «Останкино» и телебашню Останкинскую перышком пририсовал.

Ель Юрия Долгорукого

У основателя Москвы был пес. Каким представляется княжеский пес? Породистым, конечно. Князь на белом коне, за спиной алый плащ — и стелется по первому снежку пятнистая гончая... Алый плащ у князя имелся, но конь был вороной, а пес — дворняга. Где Юрий ее подобрал, летопись умалчивает. Сначала пес звался Таганом. Уж больно он был похож на подставку для котла. Расставит лапы и стоит, как таган, — терем охраняет. С места не сдвинется, пока хозяин не свистнет. Однажды вышел Юрий на крыльцо. Слышит — снизу писк раздаётся. Заглянул под крыльцо и рассмеялся: «Так ты вовсе не Таган, а Таганка!» — у псины родилось трое щенят.

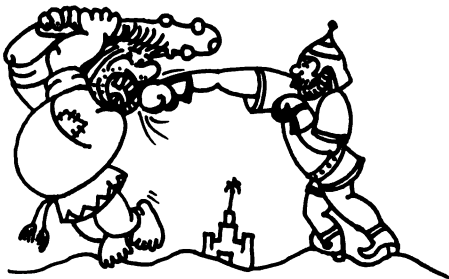
В летний полдень князь часами сиживал на холме в устье Яузы и смотрел на проплывающие ладьи и струги. Собака дремала у ног хозяина и вздрагивала ушами, когда с реки доносились голоса гребцов. Юрий называл это место Таганкой.

А набережную под холмом, где Таганка загнала кота на ель, — Котельнической.

Кот давно слез с елки, и елки этой уже нет лет восемьсот, но всякий покажет, где она стояла. К юбилею столицы решили увековечить местонахождение знаменитой ели. Археологи раскопали остатки гигантского пня, измерили его со всех сторон и подсчитали, какой высоты было дерево. И был выстроен дом точь-в-точь размером с богатырскую ель — в тридцать с лишним этажей! Спросите в любом конце Москвы: «Где высотный дом на Котельнической?» Вам ответят: «Вон шпиль виднеется!» Не забыл князь и верного скакуна. За холмом в лесу была просека, по которой Юрий любил скакать на вороном коне. Теперь это Воронцовская улица.

Воробьевы горы

Однажды Юрий Долгорукий шел по дороге. Вдруг из-за дуба выбежал огромный разбойник и замахнулся на князя дубиной.

— Стойте! — воскликнул князь. — Знаете, кто я такой? Юрий Долгорукий. Руки у меня длинные. Особенно левая.

Зайдите обратно за дуб, и я вас одной левой прямо отсюда, с дороги, достану.

Разбойник спрятался за дубом, а Юрий Долгорукий дальше пошел. Надоело разбойнику ждать, выглянул из укрытия, а князь уже на другую гору взбирается. Догнал его разбойник и снова дубиной замахнулся:

— Обманули?! Где она, ваша левая?

Достал Юрий Долгорукий до разбойника левой рукой:

— Вот она!

Покатился разбойник в канаву и взмолился оттуда:

— Не убивайте — я вам еще пригожусь!

Смутился князь:

— Зачем мне вас убивать?!

Помог разбойнику из канавы выбраться и пошел своей дорогой.

Вскоре основатель города стал давать названия московским холмам, улицам, переулкам. Дошла очередь и до тех гор, где стоял разбойничий дуб. Как эти горы назвать? День думал, два думал — ничего подходящего в голову не приходило. Пошел князь по знакомой дороге, а разбойник его уже поджидает:

— Прослышал я про ваши мучения, княже. Не ломайте голову, назовите горы моим именем. Зовусь я Воробьем-разбойником.

Князь облегченно вздохнул и вывел на карте: «Воробьевы горы».

Лебединое озеро

Было некогда в центре Москвы озеро, и впадала в него речка Неглинная. Жил в озере водяной, а с ним — три дочери, три красавицы, а младшая — краше всех. По вечерам сестры плескались в озере, а утром превращались в лебедей. Как девушек звали, люди не помнят, а Петра-рыбака не забыли.

Полюбил Петр младшенькую, пошел свататься. Водяной решил испытать юношу. Для начала велел выстроить к утру на берегу озера каменный дворец. Поклонился Петр соседям-каменщикам: так, мол, и так, подсобите. Засучили каменщики рукава и сделали все в лучшем виде: от такого дворца сам князь не отказался бы.

Хмыкнул водяной и задал новую задачу: чтоб к утру выковал через речку мост железный. Выручили Петра соседи-кузнецы. Еле успели — утром мост был еще горячий.

Крякнул водяной и пожелал иметь наутро стол, за которым сто человек могли бы разом сидеть и чтоб в столешнице ни единого шва не было. Взялись за дело соседи-столешники. Полночи искали по лесам подходящий дуб, полночи вырубали-выпиливали огромный стол.

Вздыхнул водяной и сказал Петру прийти на заре к озеру: узнает свою суженую — так и быть, его будет. Смотрел Петр, смотрел — не узнать: одинаковые лебеди! И тут одна лебедушка бросилась парню на грудь и превратилась в красную девицу, зацеловала добра молодца, едва очухался. Усмехнулся водяной и благословил молодых.

Много лет прошло с тех пор. Давно нет озера в центре Москвы, речка Неглинная запрятана в трубы и течет под землей, и лишь названия улиц и переулков напоминают об этой истории: Петровка, Кузнецкий мост, Столешников, Лебяжий... Да в Большом театре, построенном на месте Петровского дворца, часто идет балет «Лебединое озеро».

Площадь у трех вокзалов

Была некогда в Первопрестольной у трех вокзалов — Казанского, Ярославского и Ленинградского — парикмахерская. Владел ею француз по имени Поль. Москвичи народ языкастый, любят все иностранное переиначивать на свой манер: был Поль — стал Моль. Тем более, что прозвище

очень к нему подходило: был он из себя какой-то серенький, невзрачный и порхал по парикмахерской, как моль. И надо же: столько лет прошло, а француз не забылся. На витрине его парикмахерской пацаны писали краской из баллончиков: «КОМСО — МОЛЬ». Фамилия у французца такая была: Комсо, Поль Комсо — ударение, разумеется, на последний слог. И до сих пор площадь перед вокзалами называется КОМСОМОЛЬской.

Лубянка

Жили некогда в Москве лиса да заяц. У лисы была избушка ледяная, а у зайца — лубяная. Прошло лето, у лисы избушка растаяла. Ни следа не осталось. А заюшкина избушка еще долго стояла и запомнилась. Спросите у любого москвича: «Где Лубянка, где Лубянская площадь, где Большая Лубянская улица?» Каждый покажет.

Арбат

Дмитрий Донской, победитель татар на Куликовом поле, очень любил стихи Пушкина, особенно «У лукоморья дуб зеленый...». Однажды он встретил поэта и прямо спросил:

— Где вы слагаете ваши бессмертные строки?

— На кровати, — пошутил Пушкин.

А князю послышалось: «на арбате». «Ай да Пушкин! Это-кое сказать!» — подумал Дмитрий Донской и повелел называть улицу, где проживал поэт, не иначе, как Арбат. Так в Москве появился знаменитый Арбат.

Поцелуй Поэта

Однажды домовой Нюхля гулял с собакой по бульвару и встретил Пушкина. Поздоровались. А Нюхля вечно путает имена и отчества. Пушкина он назвал Александром Петровичем. Тот вызвал его на дуэль. Оба выстрелили в воздух. Пушкин целился в облако, похожее на балкон, а Нюхля просто бабахнул, зажмурившись. И сбил воздушный поцелуй, который Пушкин послал Наталье Николаевне на балу два года назад в Санкт-Петербурге. Тогда поэт промахнулся, и поцелуй вылетел в раскрытое окно. Все эти годы Пушкин и Наталья Николаевна спорили. Он говорил, что послал ей поцелуй, а она: «Никакого поцелуя я не получала. Может, вы его не мне послали, а?» — и грозила Пушкину пальчиком.

Поцелуй тем временем совершал беспосадочный перелет из Петербурга в Москву. Грянул выстрел, и поцелуй, кувыряясь, полетел вниз. Пушкин свой поцелуй сразу узнал, подхватил и помчался вприпрыжку на Арбат, к Наталье Николаевне. Даже спасибо Нюхле не сказал. А вежливый Нюхля крикнул ему вдогонку: «Счастливо! Передавайте привет Наталье Абрамовне».

Кольцо Петра Великого

Петр I очень любил стихи Пушкина, особенно поэму «Медный всадник». Еще Государь любил летать на воздушном шаре и на московских барышень из-под небес в подзорную трубу смотреть. А труба у него была хорошая, гол-

ландской работы, с десятью увеличительными стеклами. В сложенном виде она помещалась в кармане, а если трубу раздвигали до конца, то удержать ее могли только десять человек, такой она становилась длинной и тяжелой.

Однажды Петр глядел в подзорную трубу и чуть ее не выронил — такой красавицы он еще не видывал! Быстро выпустил из шара воздух и опустил ее рядом с барышней. Вежливо поздоровался, взмахнув треуголкой, и спросил, не желает ли она с ним на шаре прокатиться. Красавица мотнула головой:

— Я с незнакомыми мужчинами на воздушном шаре не катаюсь!

— Какой же я незнакомый?! — удивился Петр. — Я Петр I. Разве не видно?!

— Ну и что? — барышня вздернула носик. — А я Наталья Николаевна Гончарова, первая московская красавица. Разве не видно?!

Государь кивнул:

— Видно. А если я Вам колечко с бриллиантом подарю, покатайтесь? — и колечко показал.

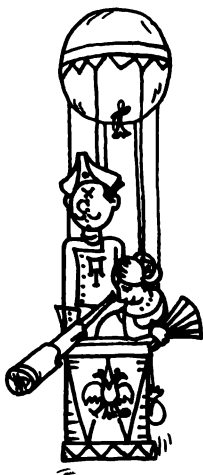
— У меня такое есть. Папенька на именины подарил.

— А если я Вам колечко с двумя бриллиантами подарю, согласитесь? — и другое колечко достал.

— Такое у меня тоже есть. Папенька на Рождество подарил.

Призадумался Петр I.

— А если подарю такое кольцо, какое вы себе даже представить не можете, а?

Наталья Николаевна пожала прекрасными плечами:

— Посмотрим...

Петр встрепенулся:

— Через три дня буду ждать вас здесь в это же время, ладно?

Красавица лишь вздохнула.

Окрыленный Петр помчался во дворец и своим императорским указом повелел садовникам завтра же посадить во-круг Москвы фруктовые сады: «Чтоб на другой день дере-вья зацвели, а на третий — плодоносили!»

Все было выполнено, и в назначенное время воздушный шар опустился на бульваре. Наталья Николаевна уже прогуливалась там, прикрываясь от солнца кружевным зонтиком. Петр протянул руку, желая помочь красавице подняться по веревочной лестнице в корзину воздушного шара. Ната-лья Николаевна спрятала руки за спину:

— Я с малознакомыми мужчинами на воздушном шаре не катаюсь!

Государь рассердился — хотел уже Карлу XII вызов послать. Как извест-но, в Швеции все Карлы — короли, и потому все короли — Карлы. Когда Петр I бывал не в духе, он этих Кар-лов одного за другим на поединок вызывал и побеждал. Например, Карла X обыграл в шашки, а Карла XI отправил в нокаут: серия ударов по корпусу, крюк слева, крюк спра-ва, прямой удар в челюсть... Петр сжал кулаки и задвигал руками, вспо-миная тот бой. Наталья Николаевна почувствовала неладное и решила царя успокоить. Сама забралась по лестнице в корзину и спросила:

— Государь, так мы летим или не летим? И где обещанное кольцо?

Они полетели. Красавица охала и ахала при виде садов, а Петр давал объяснения:

— Это яблонеый сад... Это вишнеый. Вон, кстати, Антон Павлович Чехов на скамейке сидит, новую пьесу сочиняет.

— А кто это там такой смешной, в цилиндре, с черными бакенбардами, тростью яблоки сбивает? — Наталья Николаевна показала пальчиком.

Петр поглядел в трубу:

— Пушкин.

— Дайте! — Наталья Николаевна отобрала у него трубу, раздвинула ее до конца и стала поэта во все глаза рассматривать — то к одному глазу трубу приставит, то к другому. Откуда только силы взялись — труба-то медная, тяжелая?!

— Государь, а можно пониже спуститься. Я плохо вижу, какие у Александра Сергеевича пуговицы на жилете.

— Можно.

— А еще ниже?

— Можно.

— А еще чуть-чуть?

— Нельзя!!!

Корзина зацепилась за макушку тополя и перевернулась. Наталья Николаевна, прихрамывая, заспешила к подруге, чтобы рассказать, как она Пушкина видела.

Ревнивый Петр Великий собрал войска и отбыл под Полтаву, где стояла армия Карла XII. Известно, чем это для Карла закончилось — его унесли с поля боя на носилках. А на месте тех садов теперь широкая улица. Называется она Садовое кольцо.

На дачу

Антон Павлович Чехов обогатил Москву и Подмоскowie новыми названиями. Как до него называлась железнодорожная платформа Беговая? Да никак. А Чехов снял дачу в Звенигороде и каждую пятницу, увешанный свертками и шляпными картонками, спешил на эту платформу, чтобы успеть на электричку.

Однажды народ спросил:

— Вы куда, Антон Павлович?

— На Беговую, — ответил на бегу автор «Чайки» и «Вишневого сада».

С тех пор в народе платформу иначе не называют.

В другой раз ехал он на дачу и задремал. А напротив на скамейке клевала носом какая-то баба в платочке, и на коленях у нее была квашня с тестом. Замесила баба тесто и повезла куда-то. В дороге тесто поднялось и переползло из квашни на колени Чехову. Пришлось отскабливать его перочинным ножиком и носовым платком брюки оттирать. Железнодорожная платформа, где это приключилось, называется теперь Тестовской, а другая, где брюки удалось очистить, — Отрадное.

В то лето в Москве стояла страшная жара. В вагоне поезда было душно и дымно — в Подмоскowie горели леса. И Чехову вдруг привиделось в окне ГОЛОЕ ЛИЦО графа Льва Николаевича Толстого:

без бороды, без усов. Чехов в ужасе затряс головой и с дрожью в голосе произнес:

— Чур меня! ГОЛИЦЫНО!

Кунцево, Одинцово, Жаворонки — тоже он придумал.

Чистые пруды

Если Пушкин на всех наскакивал, то Абрамов, наоборот, вечно куда-то сам падал. Причем падал удачно, без увечий, даже без единой царапины.

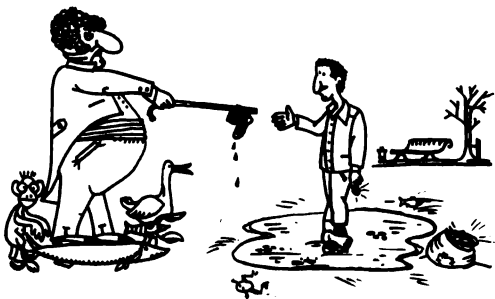
Однажды он свалился в колодец. Колодец был глубокий и узкий, а на дне ползали змеи. Гады оказались ядовитыми, редкого вида, занесенного в Красную книгу. Так Абрамов передавил их всех при падении, за что защитники окружающей среды очень его бранили и советовали носить очки.

В городе он падал в канализационные люки. Шли они как-то раз с Яковлевым — кто же Яковлева не знает, этого стервеца?!, — и вдруг Абрамов увидел впереди открытый люк. Он попятился и свалился во второй люк. Проточные воды вынесли его к первому люку, из которого он благополучно выбрался. На что Яковлев справедливо изрек: «От судьбы не уйдешь» и процитировал «Черную курицу» Погорельского: «Таким образом Чернушка спасена была от жестокой и неминуемой смерти». Абрамов поспешил постучать по дереву и трижды сплюнул в лицо пролетавшей мухе це-це, за что опять был обруган защитниками окружающей среды.

На другой день они летели вместе на аэроплане. Яковлев сказал другу: «Спорим, если ты сейчас упадешь на землю, то разобьешься в лепешку». Ударили по рукам. Абрамов полетел вниз и угодил в грязный пруд. Этих прудов там было несколько, и они были такими грязными, что в народе их прозвали Погаными. Раскинув руки и ноги, Абрамов шлепнулся в самый глубокий, заполненный до краев тиной и ряской, и вся эта жижа вместе с лягушками и

жабами выплеснулась из берегов, а наш герой остался лежать на чистом желтом песочке.

Тогда москвичи и гости Первопрестольной имели привычку бросать в этот пруд серебряные и медные монетки, кто сколько сможет, чтобы уберечься от сглазу и порчи. Так Абрамов набрал целый мешок монет. Воды стали возвращаться в свои берега, и Абрамов, сгибаясь под тяжестью ноши, покинул ложе пруда.

При падении он потерял один носок. Носок, представьте себе, нашелся. В этот час по бульвару прогуливался Крылов. Вдруг сырный дух его остановил. Увидел Баснописец носок, подцепил тростью и вернул владельцу со словами: «Какой носок! И, верно, ангельский быть должен второй носок!» Абрамов помахал стервецу Яковлеву носком и воскликнул: «Ну что, разбился я в лепешку?! Фигли!» На что Яковлев ответил с аэроплана: «Вот ты и придумал подходящее название для нашего журнала. Сколько у тебя в мешке денег?» Абрамов пересчитал монеты. Яковлев почесал в затылке и кликнул меценатов: «Ау, меценаты!» Откликнулись двое: один российский инженер-изобретатель, построив-

ший новый аэроплан-истребитель, и богатенький американец, владелец фирмы по пошиву штанов для ковбоев.

Денег меценаты добавили, но поставили условие: названия истребителя и фирмы штанов должны входить в название журнала. Так в Москве появился журнал «Фигли-Мигли» и Поганые пруды превратились в Чистые.

Чистопрудный бульвар

Однажды Яковлев сидел в редакции и мрачно грыз ногти. Вдруг дверь распахнулась и в комнату влетел Абрамов. Яковлев очень обрадовался и воскликнул: «Спасибо, друг, что зашел! Я не мог выйти — дверь заклинило». Яковлев убежал, а наш герой сел редактировать очередной номер «Фигли-Мигли». Вдруг из-под его стола донеслось тиканье. Абрамов заглянул туда и увидел бомбу. «Здесь редакция, а не арсенал», — подумал Абрамов и выбросил бомбу в окно. Бах! Воронки, образовавшиеся на месте взрыва, стали прямо на глазах наполняться чистой родниковой водой и вскоре превратились в живописные пруды, с плакучими ивами и белыми лебедями. Москвичи, не долго думая, окрестили их Чистыми прудами. Так у редакции «Фигли-Мигли» появился нынешний адрес: Чистопрудный бульвар, 12-А. «А» — первая буква фамилии Абрамова.

В один прекрасный день мэр Москвы прибил к стене табличку с новым названием бульвара. Яковлев подавал гвозди, а Есеновский читал свою оду в честь мэра. Поэт волновался и поэтому часто оговаривался:

Бомба на Юру упала с небес,
Юра взорвалась, а бомба исчез,
Нет, Бомба взорвалась, и Юра исчез.
Остались от Юры лишь белые ножки,
О, белые ночи! О, белые ножки!
Они лежали на травке немножко,

Встали, стряхнули росу,
Пальцем большим почесали в носу.
Нос не исчез, не растаял, как дым,
Носик остался совсем молодым.
В школу ходил, и ходил на каток,
Нюхал носки и сморкался в цветок,
...Извиняюсь,
Нюхал цветы и сморкался в носок,
...То есть, простите, ...в платок.
Нюхал шашлык, выбирая кусок,
Нюхал и нюхал и скоро разнюхал,
Куда залетело Юрино оху.
Оху по-новогвинейски — ухо,
Мне говорил Маклай-Миклухо.
Следом нашлось остальное:
Оху второе упало в Ханое,
Грыжа — в Париже,
О, крыши Парижа! О грыжи Парижа!..

И так далее.

Есеновский читал долго, до темноты, последние строки уже при свете фонарей. Единственным человеком, дослушавшим оду — там еще вертелось полдюжины бродячих собак, — был Абрамов. Поэт обещал отдать ему рукопись после чтения. В конце оды все части тела съезжаются в Москву и хирург Боткин сшивает их белыми нитками. Юра резвится на лужайке, шевелит ушами, словно зайка, и распевает: «О, лужайки! О, Лужков!»

Таганрог и Таганка

Абрамов вечно всюду опаздывал. Даже на собственные похороны опоздал на целый час. Прибежал, а гроб уже в землю опускают. Абрамов, конечно, расстроился, портфелем размахивает. Яковлев пристыдил друга: «Ты не в изда-

тельстве, а на кладбище. Веди себя прилично. И в следующий раз, пожалуйста, не опаздывай». Абрамов пообещал. И, разумеется, не сдержал слова.

В следующий раз была его свадьба. Прибежал, а невеста с Яковлевым из церкви под ручку выходит. Абрамов к ней по фамилии обратился: «Сидорова, ты на меня не сердишься?» А она глянула свысока и ответила: «Я теперь не Сидорова, а Яковлева». Расстроился Абрамов и нищенке на паперти четвертной подал — деньги по тем временам большие: за двадцать пять рублей двух дойных коров можно было купить. Сбросила нищенка с себя тряпки... и оказалась Императором Александром I.

Победитель Бонапарта в таком виде часто по Первопрестольной расхаживал. Кто на нищенку внимание обращает? Говорят при ней все как есть. А Император на ус мотает: где какая несправедливость происходит... Или загримируется под поэта Жуковского и ходит с кружкой: деньги на Лицей собирает. Многие не скупились. Один Яковлев ворчал: «Мне бы кто подал», — и отворачивался. И так искусно Император гримировался, что однажды сам автор «Светланы» его за себя принял, последний червонец отдал и автограф попросил...

Скинул Александр I нищенское платье и обратился к Абрамову: «Хотите, я вас министром или сенатором сделаю?» Испугался Абрамов:

— За что?!

— За щедрость.

Абрамов вежливо отказался и попросил:

— Государь, дайте совет. Есть у меня один порок — я вечно опаздываю. Вчера на дуэль с Яковлевым опоздал, сегодня — на свою свадьбу. Пришлось Яковлеву на Зое жениться...

Улыбнулся Император:

— Какой же это порок? Это судьба. Вчера она вам жизнь сохранила, сегодня — свободу. — Глянул Александр I на часы. — Ой, я тоже опаздываю! — Всучил Абрамову толстую пачку ассигнаций, подозвал карету и помчался на вокзал. Успел-таки в последний момент на поезд. Приехал в Таганрог и там вскоре скончался.

А наш герой на Таганку побежал, на свидание с одной барышней. Опоздал, конечно. Прождал под часами до темноты, собрался уже букет в урну выбросить, а тут она прибежала. «Извините, — говорит, — за опоздание. У меня будильник сломался». Какой будильник?! Будильников тогда еще и в помине не было, не придумали. Простил ей Абрамов маленькую ложь: уж очень барышня очаровательная, и фамилия красивая — Петровская-Разумовская, графиня, разумеется.

Крепость на Неве

Однажды Петр I построил ботик — большую лодку такую, с мачтой, чтобы грести или под парусом ходить. Петр, он вообще до всего любил доходить своим умом и делать собственными руками. То корабль построит стомачтовый, то пароход изобретет, подводную лодку или швейную машинку «Зингер». Словом, построил Петр ботик и поплыл по Неве. Плыл, плыл и доплыл до какого-то острова. А там, на пляже, двое малолеток крепость из песка построили: со рвом, полным воды, со стенами, утыканными палочками — пушки, значит. И одна пушечка из сучка на стене стоит, чтобы бабахать в полдень, время жителям указывать, — понарошку, конечно.

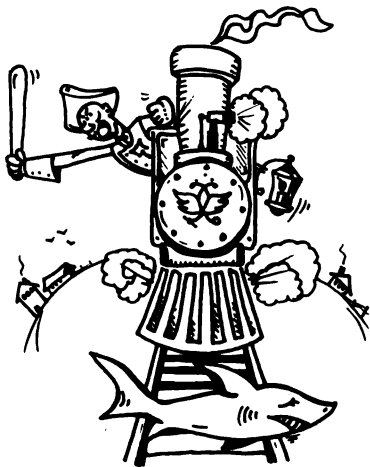
Залюбовался Петр: хороша крепость! А дай, думает, тоже здесь крепость построю, не хуже, только настоящую. Достал из ботика строительные инструменты — и работа закипела. А малолетки ему помогали: песок в ведерке носили,

камешки для стен собирали. Построили крепость. И с названием голову не ломали. Юных помощников Петра I звали Петей и Пашей... и крепость, значит, Петропавловская.

Из Москвы в Петербург

Однажды Петр I надумал проехать из Москвы в Санкт-Петербург по железной дороге. Он любил все делать своими руками. Сделал рельсы, напилил шпалы, изобрел паровоз, сам его склепал, загрузил уголь, взял с собой дьячка, чтобы все по дороге записывал, — и вперед.

Ехали, ехали и вдруг — стоп машина. Что такое?! На рельсах какие-то обломки валяются. На одном обломке надпись: «Т, верь». На другом: «Здесь был Вася». Петр погрозил кому-то кулаком — в кустах затрещало. Поднатужился и скатил обломки с пути. А дьячок по буквам переписал в тетрадь:

«Тверь». Поглядел на часы и приписал: «Стоянка 2 минуты». Покатили дальше. Паровоз летит, дым из трубы валит, искры сыплются, а Петр из окна высунулся и декламирует во все горло:

«Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!»

Ехали, ехали, ехали — выдохся Петр. Пот со лба течет, рубашка к телу прилипла. Остановились. Государь соскочил с паровоза, огляделся, вздохнул полной грудью — благодать! Искупались в речке, земляники поели, лесной малины. Петр трубку выкурил и велел дьячку написать: станция Благое. А дьячок пишет: Бологое. Ну что с него возьмешь: двоечник, в каждом классе по два года сидел, даже в первом. Петр тут же срифмовал: «Дорогое Бологое — полдороги до Москвы!»

Поехали дальше. Вдруг — что за напасть?! На путях акула лежит, зубами клацает. Петр изловчился, схватил ее за хвост и ка-ак зашвырнет в Средиземное море — брызги до самого неба взлетели! А дьячку сказал: «Станция Акуловка». Дьячок от усердия язык высунул и выводит: Окуловка. «Акула, между прочим, через А пишется», — Петр подсказывает. «Извините, — дьячок говорит, — но у меня заглавная А всегда какая-то кособокая получается». Петр только вздохнул.

Едут. Вдруг дьячок объявляет: «Станция Малая Вишера. Стоянка одна минута». Петр удивился: «Почему Вишера? И почему Малая?» А дьячок свою запись показывает: «Смотрите!» Прочитал Петр. Действительно, Малая Вишера. Дьячок нос задрал: «Ни одной ошибочки!» Петр поскреб в затылке: «А, тогда понятно. Молодец!»

Проехали Малую Вишеру. А там до Питера рукой подать.

Приют убогого чухонца

Жили некогда три брата, три чухонца. А чухонцы, как известно, народ неторопливый, немногословный. Сидят, бывало, братья в пивной. Сидят, молчат, пиво потягивают. Спустя час старший брат оторвется от кружки и скажет: «Хо...» «Хоро...» — согласится средний брат: мол, хорошее пиво. А младший, самый разговорчивый, предложит: «Еще по кру?...»

Однажды в их края пожаловал Петр I. А братья, как обычно, рыбу ловили. Каждый в своей реке. Государь подошел к старшему и завел разговор:

— Как жизнь, чухонец?

Молчит старший брат. Думает, что ответить.

— Как река называется? — Петр спрашивает. Молчит чухона. Наконец, отвел взгляд от поплавок и разомкнул уста:

— Нева... — мол, неважно живем.

Петр записал в блокнот и направился к среднему. Угостил табаком, сел рядом и тоже на поплавок устался. Когда чухонец выкурил трубку, Петр спрашивает:

— Ну, как табачок?

Чухонец молчит.

— Как эта речка называется?

Молчит.

— Ну, как???

— Не в ка... — отвечает средний брат, — мол, не в кайф: слабоват ваш табачок.

Записал Государь ответ среднего брата и к младшему зашагал. На этот раз решил не тянуть резину и сразу взять быка за рога.

— Как река называется?

Младший брат оглядел Петра с головы до ног и сказал:

— Царь, а не знает адрес музея-квартиры Пушкина?! Набережная Мойки, 12. Запишите, не забуду...

Так на карте Санкт-Петербурга появились названия Невы, Невки и Мойки.

Екатеринбург

Петр I был очень любознательный человек, про все на свете хотел знать. Однажды спрашивает Ермака:

— Вот ты, казак, в Сибири был. Скажи, есть там горы?

— Есть. Уральские. А край тот называется Уралом.

— Почему он так называется?

— Они там по любому поводу «ура» кричат. Зовет жена мужа обедать, щи хлебать. Муж бежит и «ура» кричит. Бежит малое дитя на горшок — тоже «ура» кричит. Такой, значит, боевой народ.

— Урал... А почему «Л» на конце пишется?

— Ох, до чего же Вы, Государь, любопытный! Так и вприсак попасть можно. Знаете, как расшифровывается слово «ДУНЯ»?

— Нет.

— «Дураков У нас Нет».

— А «Я»?

— А разве Вы, Государь, ду...

Ермак вовремя остановился.

Петр погрозил ему кулаком:

— За такие шуточки... Ну да ладно. А города там есть?

— Есть. Екатеринбург, например.

— А почему он так называется?

— Не знаю, — честно признался Ермак.

— А я знаю! Петр I расхохотался и велел позвать Марту, свою невесту. — Марта, готовься к свадьбе...

— Ура! — завопила Марта.

Петр поглядел на нее внимательно:

— Ты, случаем, родом не с Урала?

— Найдн, — Марта сделала на всякий случай книксен.

— После свадьбы будешь зваться по-иному, не Мартой — Императрицей Екатериной Первой. Поняла?

— Варум, Питер? Почему?

— Пусть думают, что Екатеринбург назван твоим именем.

— Питер, почему Екатерина Первая? Кто есть Екатерина Вторая?

— Не есть, а будет. Если есть Екатерина Первая, то обязательно должна быть Екатерина Вторая Великая. Логика истории. Понимаешь? Это еще больше запутает дело: так в чью же честь назван Екатеринбург, в твою или Екатерины Великой?

— Хочу быть Екатериной Великой! — закапризничала Марта.

— Нет! — Петр топнул ногой. — Хватит в нашей семье одного Великого.

Сказал, как отрезал. И спрашивает Ермака:

— А чем, кроме названия, знаменит этот Екатеринбург?

— Там издается журнал «Уральский следопыт», — ответил, не задумываясь, покоритель Сибири.

У Петра в глазах потемнело:

— Как?! Свой журнал?!

На следующий день в Санкт-Петербурге вышел первый номер первой российской газеты — «Санкт-Петербургские ведомости».

Ножницы Петра Великого

Петр I был большой изобретатель. Чего он только не изобрел! Ножницы, например. А что делать с ножницами в Санкт-Петербурге? Бороды боярам стричь. Они у них длинные были, до пупа. Подойдет Петр к боярину, на небо покажет: «Смотрите — птичка!» Боярин голову задерет, а Петр — чик, и нет бороды. Через неделю в Питере ни одной боярской бороды не осталось. Что теперь делать? Стал боярышням юбки укорачивать. Подойдет, запоеет «Барыню». Девушка кружится, платочком машет, а Петр — чик-чик-чик. Отойдет и скамандует: «Идите, красавица, загорайте!» Очень скоро все девушки по Невскому в коротких юбках щеголяли. Чем теперь заняться?

Изобрел Петр I воздушный шар и полетел куда-то. Летел, летел и долетел до какого-то большого острова. Спустил якорь, съехал вниз по веревке, ножницы наготове держит. Огляделся и глазам не поверил: народу — тьма-тьмушая, и все — бритые, на подбородке ни волоска. «Это что, Британия?» — спрашивает. «Да, Британия, — отвечают и носы задирают, — Великобритания!» Петр пожал плечами: «Ну и что?! Я тоже Великий». Делать нечего — полетел дальше.

Перелетел через пролив. Видит, ребята в школу спешат, и у всех за спинами ранцы. «Это что, Ранция?» — кричит сверху. «Да, Франция», — ребята пищат, и каждый из ранца рогатку достает. Петр быстренько отрезал мешок с песком, шар взмыл под небеса и помчался дальше.

Через минуту посмотрел Петр в бинокль и зажмурился: голые жители! Голый мельник тащит мешок с мукой. Его

голая жена кормит на дворе кур. Голые дети в песочнице лепят куличики. Ясное дело: Голландия! А за каналом урожай собирали: тюльпаны топором рубили. Экое варварство! Спустился Петр и — чик-чик-чик-чик-чик — за сорок минут аккуратненько срезал ножницами все тюльпаны. Голые голландки только глазами хлопали.

Оттуда — прямо домой. Сколько можно путешествовать?! Да и бороды у бояр, небось, до пупа отросли. Чик!

Кот Петра Великого

Был у Петра I кот. Сибирский, пушистый, белый как снег. Его для царя Ермак вез. Сам утонул, кольчуга на дно утащила, а кот выплыл и доставил Петру донесение о покорении Сибири. Кот был совсем дикий, царапался, но Петр его очень любил.

Однажды в конце мая царская семья переезжала из Зимнего дворца в Летний. За городом вдруг спохватились — нету кота в карете. Видимо, удрал в суматохе, когда грузились. Петр страшно расстроился и велел развесить по всему городу объявления с приметами кота: кто его вернет, получит царское вознаграждение. Много котов принесли — и никого похожего. Тогда барабанщик стал по городу ходить, царский указ читать — не все же грамотные. Еще больше котов притащили, но не было среди них любимца Петра I.

Рассвирепел Государь и объявил войну Швеции. Двенадцать королей — двенадцать Карлов победил. Одного на шпагах: ка-ак даст — у того шпага на куски! Другого на дубинах: ка-ак вдарит — у того дубина в щепки! Третьего на подушках: ка-ак влепит — у того в руках только наволочка осталась! С Карлом XII пришлось, правда, повозиться...

А тут гонец из Петербурга: видели, мол, кота на острове за Невой. Петр все бросил и помчался домой. Прискакал, прыг в лодку — и на остров. Всю ночь искал — благо, ночи

летом в Петербурге совсем светлые. Ходил, звал, лопухи раздвигал — и нашел-таки. Бедный кот! Во что он превратился?! Кожа да кости.

Петр принес его во дворец, накормил, напоил. И что вы думаете, этот паршивец первым делом выкинул?! Чернильницу опрокинул. Но предусмотрительный Петр I успел убрать со стола карту Санкт-Петербурга. Пока кот спал, на карте появилась новая надпись — дотоле безымянный остров получил название Васильевский. Кота же Василием звали.

Пес Петра Великого

Петр I очень любил изобретать. Чего он только не изобрел! Пароход, паровоз, пылесос, пулемет, патефон, прививки, портативную пишущую машинку — это только на «П». Но не думайте, что все его изобретения можно было зараз увидеть: пароход — в порту, паровоз — на вокзале, а в Зимнем дворце патефон наяривал «Дубинушку» в исполнении Шаляпина. Увы, Государь изобретал по очереди. Изобретет, к примеру, пароход, покатается на нем по Неве туда-сюда. Надоест. Приделает колеса — получится паровоз. Поездит из Петербурга в Москву и обратно. Надоест. Переделает паровоз в точилку для карандашей. А карандашей тогда и в помине не было. Поэтому через день-другой точилка превратится в пулемет. Пулемет в швейную машинку. Швейная машинка — в пишущую. И так далее.

От зари до зари Петр изобретал, но не забывал дважды в день выгуливать свою собачонку. Это была самая обыкновенная дворняжка, черная как смоль. «Ты у меня дворянских кровей, да?» — говорил Петр, почесывая псу живот, а пес сучил ногой и улыбался. Однажды поздно вечером пошли они гулять и столкнулись нос к носу с огромным разбойником по кличке Потемкин Таврический. Потемкин — потому что грабил в потемках, Таврический — потому что родом из Таврии, так раньше назывался Крым.

Если Петр I имел рост под три метра, в Зимнем дворце до потолка рукой доставал, то Потемкину, чтобы попасть в залу, пришлось бы встать на четвереньки. Днем этот верзила где-то прятался, а вечером выходил на разбой и никогда не возвращался без богатой добычи. В народе говорили: «У нас, в Питере, два царя: днем — Петр, ночью — Потемкин».

И вот они встретились. Стоят друг против друга, а собачонка поводок натянула и заливается как сумашедшая.

— Она у вас... не того... не бешеная? — Потемкин спрашивает.

— А что?

— Мне мама в Крыму говорила, что если бешеная собака укусит, то сорок уколов делают. А я с детства уколов боюсь!

— Вам и одного хватит!

Петр выхватил шпагу и кинулся на разбойника. Потемкин отмахнулся дубиной, и шпага со звоном полетела в кусты.

— Покажите справку, что вашей собаке сделана прививка от бешенства! — потребовал Потемкин.

— Какую справку?! Какие прививки?! — Петр рассвирепел. — Начало восемнадцатого века! Крутом дикость, крепостничество! Никто зубы не чистит!

— Ах, так! Тогда я пошел. Больше вы меня не увидите!

Потемкин скрылся вдали.

Петр покачал головой:

— Нехорошо как-то вышло, да? Обманули человека. У тебя же все прививки сделаны — я их на прошлой неделе избрал. Ну да ладно.

Государь потрепал собачонку по загривку:

— Ты молодец, Смольный! Не испугался. У меня, признаюсь, коленки тряслись. Вернемся — колбасой накормлю. А это место с сегодняшнего дня велю называть Смольным, чтоб не забывали о твоём подвиге...

Не забыли.

А Таврический сад, Таврический дворец, Таврическая улица в Петербурге — память о Потемкине.

Невский

Петр I не любил драться, но приходилось. Каждый Божий день. Оденет, бывало, простое платье — плащ да шляпу, голову в плечи втянет, ноги в коленях согнет, чтобы не узнали — Государь имел рост под три метра — и гуляет по городу. А гулял он обычно вечером, после одиннадцати, раньше некогда было.

Идет раз по темному переулку. Шпана его приметила, из подворотни вылезла:

— Ей, шляпа, угости сигаретой!

— Я трубку курю.

— Молодец какой! Говорят, трубку курить не так вредно, как сигареты или папиросы, да?

— Да, я тоже об этом слышал.

— А если бы сигареты были, угостил бы?

— Конечно.

— Братцы, да он нас готов в могилу загнать. Бей его!

Пришлось Петру пустить в ход свои пудовые кулачища.

На следующий вечер забрел в другой темный переулок.

Дорогу перегородили трое:

— Ей, шляпа, гони сигарету!

— Я трубку курю.

— Шляпу надел, трубку куришь и считаешь, что самый умный, да? А мы, значит, дураки?! Он нас, братцы, оскорбляет. Бей его!

Пришлось подраться.

На третий вечер опять нарвался на хулиганье:

— Ей, шляпа, дай покурить!

— Я трубку курю.

— Врешь. Выверни карманы!

Петр показал кисет и кошелек с деньгами.

— Дай!!!

Ка-ак дал им! Надолго запомнят.

На четвертый вечер идет, гуляет, свежим воздухом дышит. Вдруг из кустов какая-то фигура:

— Извините пожалуйста, у вас нет сигареты?

Петр, не долго думая, врезал тому хорошенько... и запрыгал на месте, на кулак дует:

— Вы что, железный?

— Не, на мне кольчуга и панцирь... Синяк все равно будет... Вы первым начали. Теперь моя очередь...

Покатился Петр кубарем, ломая деревья. А за Мойкой тогда еще лес стоял. Просеку проломил, прямую, как стрелу. Усмехнулся Петр I: «Готовая улица. Даже не улица, а целый проспект»...

Кто же был этот богатырь? Легенда гласит, что Государю явился сам Александр Невский. Якобы поэтому проспект, проложенный Петром, называется Невским.

Литейный

Петр I всем искусствам предпочитал пушечную пальбу. Проснется утречком в Зимнем дворце и первым делом из пушечки бабахнет. Зубы почистит — бабахнет. Ледяной водой ополоснется — бабахнет. Ровно в полдень поднесет фитиль к пушке: «Бабах!» — дескать, петербуржцы, проверьте ваши часы. Хорошо Государь придумал, да?

Одно плохо: для настоящей пальбы требуется много пушек, а с металлом у Петра туговато было. Зато на каждой колокольне висело по колоколу, а колокольнями вся Россия утыкана. Сообразительный Петр велел колокола поснимать, расплавить, а из полученного металла выплавить миллион пушек. Побабыхал от души, так что в ушах зазвенело.

Заодно и соседского Карла проучил: корабли шведские потопил, конницу развеял, пехоту в бегство обратил, а самому Карлу по шее надавал, чтоб не зарился на российские земли. Пора викторию праздновать, победителей с музыкой встречать. Пушки расплавили, колокола отлили, по местам развесили. «Дзинь-дзинь-трень-брень!»

Вскоре старший брат первого Карла, тоже Карл, с войском объявился. «Кто моего брата обидел?! Да я три недели со шведской стенки не слезал, брюшной пресс так накачал, что любому руки-ноги повыдергиваю!» — похваляется, значит. «Это мы еще посмотрим, кто кому что повыдергивает!» — Петр отвечает и рукава засучивает. А пушкарки уже пушечки на боевые позиции выкатывают, еще тепленькие. У литейщиков передышка. Сидят на завалинках, покуривают. По одну сторону литейные дворы, по другую сторону литейные дворы, а проспект — Литейный. Кто же его в Петербурге не знает?! Вот Невский, а вон Литейный.

Часы Петра Великого

Петр I жил во дворце по-простому, по-походному. Бросит в угол охапку сена, плащом накроет — постель готова. Ел из котелка, хлеб резал шпагой, мясо брал руками, свечи тушил из пистолета. Всем искусствам предпочитал пушечную пальбу. Встанет чуть свет — первым делом бабахнет. Зубы почистит — бабахнет. Ровно в полдень: «Орудие, пли!» Сам себе скомандует и бежит проверять часы: спешат или отстают. Каких только часов у него не было! На дворе — солнечные, в ванной — водяные, в песочнице — песочные и так далее. А механических! Самые махонькие — с рисовое зернышко. Готовил однажды к Пасхе плов, упали часики в казан и потерялись. Другие часы были с грецкий орех. Принимал как-то важного заезжего грека, похвастался, а тот не понял, сжал часы в кулаке и раздавил. Были еще часы с куриное яйцо. Так

Государь спросонья варил их десять минут в подсоленной воде на слабом огне — любил крутые яйца. Испортились, конечно.

А сколько больших часов имелось у Петра Великого: что там Царь-пушка и Царь-колокол! Ох-ох... От самых больших часов только часовая стрелка осталась — в Петербурге ее называют Стрелкой Васильевского острова.

Канал Грибоедова

Однажды Петр I прогуливался по Петербургу. Вдруг на него из-за угла наскочил Пушкин. От неожиданности Государь остушился и свалился в канаву.

— Дурацкий канал! — проворчал Петр I. Он недавно вернулся из Голландии и все называл на европейский манер.

Спустя несколько дней на том же месте прогуливался Грибоедов. История повторилась.

— Дурацкий арык! — проворчал Грибоедов. Он недавно вернулся из Персии и все называл на азиатский манер.

— Не арык, а канал Грибоедова! — поправил Пушкин, давьясь от смеха, и помог другу выбраться.

Так канал Грибоедова получил свое название.

Тезки

Пушкин и Грибоедов имели одинаковые имена и отчества, поэтому их часто принимали одного за другого. Автор «Горя от ума» был высокий и очкастый, а Пушкин, наоборот, маленький и без очков. Но если Пушкин вставал на цыпочки и надевал очки, а Грибоедов ходил на полусогнутых ногах, втянув голову в плечи, то поэтов можно было запросто принять за братьев-близнецов или родных сестер, если бы они переоделись в женское платье. Тезки этим сходством, разумеется, пользовались.

Требуют, например, Пушкина во дворец — идет Грибоедов. «Что за возмутительные стихи Вы изволили написать!» — ругается Николай I. Грибоедов сощурился — он же очки снял — пробежит глазами по строчкам и мотнет головой: «Не я писал». И такая у него при этом честная-пречестная физиономия, что император смутится: «Извините, Александр Сергеевич, ошибся».

Или надо Грибоедову в Турцию ехать, мирный договор подписывать. Там наши войска терпят поражение, а подкрепления все нет и нет, и боеприпасы на исходе. Условия договора самые унижительные: пол-России басурманам отдать, флот в Черном море затопить, крепости срыть. Подписали договор, а на следующий день, получив подкрепление и боеприпасы, наши пошли в атаку, пол-Турции заняли, самого султана чуть в плен не взяли. «Какое коварство! — турки вопят. — Вы же договор подписали!» Мы им договор под нос: «Чья подпись внизу стоит?!» Турки по буквам прочитали: «А.С. ПУШКИН». Новый договор составили, выгодный для России. Грибоедов, теперь уже настоящий, свою подпись подмахнул, а турки считали: вместо паши какого-то переодетого полутрамотного водоноса подсунули, еле-еле расписался. На рассвете кинулись турки в наступление и попали в засаду: многоопытный Грибоедов их лжепашу сразу распознал... Ну и так далее.

Сколько ни притворялись Пушкин с Грибоедовым, сколько ни маскировались — жен не проведешь. Танцует, бывало, Наталья Николаевна на балу с Александром Сергеевичем и жалеет его:

— Ох, и тяжело Вам, наверно, в таком скрюченном виде и без очков долго находиться, а?

— Ничего, потерплю, — Грибоедов отвечает.

— А где Пушкин? — Наталья Николаевна интересуется.

— Записку прислал, что задержится. Ко второму танцу обещал быть.

А в кресле у стенки красавица Нина, жена Грибоедова, очередному генералу отказывает:

— Извините, я танцую только с мужем. Вот-вот должен подойти: все дела, дела...

Генерал понимающе кивает:

— Государственные!

Стоило дирижеру поднять палочку, чтобы начать новый танец, — Пушкин тут как тут. Подхватил свою Натали, Грибоедов — Нину. Вальс в Аничковом дворце! Что может быть прекрасней!

“День знаний”

У Пушкина в Петербурге был двойник: такого же росточка, с такими же бакенбардами, и даже фамилия у него была схожая — Ушкин. Их часто путали. Пушкину это надоело, и он приобрел на Сенном рынке за три копейки игрушку — маленькую деревянную пушку. Впредь без пушечки он из дома не выходил и возил ее за собой на веревочке. Все знали: с пушкой — Пушкин, без пушки — Ушкин.

Грибоедов тоже хотел, чтоб его сразу узнавали. Для этого автор «Горя от ума» носил под мышкой большой белый гриб из папье-маше, шляпка гриба была сбоку объедена.

Двойник Крылова звался Рыловым и проживал на одной улице с баснописцем. При встрече Крылов упрямо величал его Рыловым, с ударением на первый слог, и слово «рыло» вставлял чуть ли не в каждую басню: «Как смеешь ты, наглец, нечистым РЫЛОМ здесь чистое мутить питье мое с песком и с илом?» Крылов и Рылов были похожи как две капли воды. Бывало, сталкиваясь на улице с двойником, Крылов начинал поправлять прическу, принимая Рылова за свое отражение в зеркале. Выход из положения подсказал Пушкин и самолично прикрепил к плечам приятеля два белых крыла, сшитых из накрахмаленного полотна.

Свою пушечку Пушкин приобрел первого сентября. По дороге с рынка поэта обступили дети и стали канючить:

— Дяденька, дайте с пушечкой поиграть!

Пушкин их прогнал и тростью погрозил:

— Будете знать, как приставать к прохожим!

С тех пор школьники называют первое сентября «Днем знаний».

Верблюд Поэта

Однажды Петр I гулял по городу. Вдруг видит: Пушкин на верблюде едет — Грибоедов ему из Персии привез. А Петр никогда живого верблюда не видел, только на картинке.

— Дай покататься! — просит.

— Не дам. Сам еще не накатался.

— А я тебе дам из пушки бабахнуть.

— Давай.

Бабахнул Пушкин из пушки, не слезая с верблюда, и ускакал.

— Стой! — Петр кричит вдогонку. — Я тебя с первой петербургской красавицей познакомлю!

Пушкин верблюда осадил:

— Давай.

Подав Петру руку, помог забраться на верблюда. Поехали. Пушкин впереди, между первым и вторым горбами, Петр сзади, между вторым и третьим. Приехали. Наталья Николаевна Гончарова у окошка сидит, косу заплетает. А внизу Лев Николаевич Толстой пашет... ну, делает вид, что пашет, а сам с окошка глаз не сводит. Дальше, у забора, Антон Павлович Чехов какого-то приятеля — больно лицо знакомое — лечит. «Гланды вырезаю», — говорит. На пациента — ноль внимания, по локоть в ухо залез. Приятель молчит, перед красавицей слабость проявить стыдится. Подъехали поближе. Пушкин глаза на окно поднял, за сердце схватил-

ся — и хлоп с верблюда. Петру только этого и надо было. Теперь катайся сколько хочешь.

«Медный всадник»

Однажды Петр I гулял по городу. Видит: Пушкин и Наталья Николаевна едут на слоне, подарке Грибоедова. Сначала автор «Горя от ума» привез Пушкину из Персии верблюда, а на свадьбу подарил слона. Петр I никогда в жизни слона не видел, только на картинке.

— Дайте покататься! — просит.

Смеются молодожены. Настроение у них хорошее.

— Я вам на ботике дам покататься! — такая лодка у него была.

Смеются.

— Из пушки дам бабахнуть!

Смеются. Петр рассердился. Хотел уже Карла одиннадцатого... или тринадцатого на бой вызвать: он за последнее время столько этих Карлов победил, что со счета сбился. Наталья Николаевна позвала:

— Забирайтесь к нам, Государь. Всем места хватит.

Поехали втроем. На набережной графа Льва Николаевича Толстого встретили. Он какой-то мамочке объяснял, как грудью младенца правильнее кормить. Увидел слона, за голову схватился: «Если такого в плут впрячь!» Подобрали Толстого. Поехали дальше вчетвером. Вдруг из кустов Антон Павлович Чехов выскочил, в руках зуболюбные щипцы сверкают. Слон испугался и встал на дыбы. Граф Толстой дал деру. Пушкин и Наталья друг дружке в объятия свалились. Один Петр на слоне усидел. Возгордился Петр I. Повелел на том месте памятник себе поставить. Екатерина II подсчитала, сколько меди для слона потребуется, и схитрила: Петра на коне изобразили.

Миллионная

Петр I очень любил фотографировать. С утра до вечера щелкал и щелкал, а по ночам ослеплял прохожих фото-вспышкой. Однажды поглядел на счетчик кадров и увидел цифру 999 999. А через минуту встретил на улице очаровательную барышню. Навел немедля аппарат и щелкнул. Есть миллионная фотография! Государь расцеловал красавицу и пообещал выполнить любое ее пожелание. Барышня потупила глазки и пожелала, чтобы место их встречи навечно осталось в истории.

С тех пор эта улица называется Миллионной. Если вы бывали в Петербурге, то обязательно ходили по ней. Начинается она от Летнего сада и кончается у Дворцовой площади. На Миллионной находится Мраморный дворец и Новый Эрмитаж с Атлантами. Здесь, в доме на углу Миллионной и Мошкова переулка, жил сказочник Юрий Вийра, ставший свидетелем исторического снимка.

Велосипед Петра Великого

Однажды Петр I изобрел велосипед. Самый настоящий, двухколесный, с педалями, но без тормозов. Сколько Император ни бился — тормоза не изобретались. Фару изобрел, насос изобрел, заодно придумал складной ножик с отверткой, чтобы велосипед чинить, а тормоза — ну, никак! Махнул Петр на них рукой и стал учиться ездить. А это оказалось совсем непросто. Сядет в седло, оттолкнется, проедет несколько шагов и валится набок. Поставил по сторонам придворных, чтобы поддерживали. Бедные придворные! Петр, как известно, был ростом под три метра и весил, как все шведские Карлы вместе взятые, от Карла I до Карла XII. И велосипед выковал себе под стать, не один пуд железа потратил. Придворных придавил — не счесть. Но рано или поздно научился ездить.

И так это занятие ему понравилось, что не расставался со своим «железным конем» даже ночью. Велосипед стоял у него в спальней. Среди ночи, бывало, встанет Государь, шины подкачает, блестящий никелированный руль погладит и уснет с улыбкой на устах. А днем гонял по всему городу: в Сенат, в Синод, в Адмиралтейство... Летит, пригнувшись, если спешит, или катит спокойно, руки на груди скрестит, за руль не держится и трубкой попыхивает, голландский табачок покуривает. Хороша жизнь! Одно плохо — как останавливаться без тормозов на полном ходу?! Петр нашел выход. Самолично накосил гору сена и расставил стога по городу. Место, где находился самый большой стог, с тех пор называется Сенной площадью.

Научившись хорошо ездить, Петр велел придворному скульптору увековечить сцены «укрощения железного коня». Скульптор был не русский, половины слов не понял и сделал все не так. Только представьте себе: Петра Великого изваял чуть ли не голым, а вместо велосипеда отлил бронзового коня!

Будучи в Санкт-Петербурге, прогуливаясь по Невскому проспекту, вы не пройдете мимо этих скульптур — залюбуетесь. Стоят они на Аничковом мосту. А скульптор барон Клодт создал потом много прекрасных конных статуй. Например, над входом в Большой театр в Москве. Видели?

Как Петр Великий футбол изобрел

Петр I очень любил путешествовать. Наденет простое платье, возьмет в руки посох — и в дорогу. Где он только не был? В Англии, Голландии, Дании, Франции...

Как-то раз Петр I изобрел велосипед. Самый настоящий: двухколесный, с фарой, чтобы в темноте ездить. А шины чем подкачивать? Насос изобрел с резиновой трубкой. Задумался Государь: куда бы еще этот насос приспособить?

И придумал. Сшил из обрезков кожи мяч, запихнул внутрь резиновую камеру и накачал насосом. Ударишь по мячу — далеко улетит и не утонет, если в реку упадет...

Сперва катался Петр I на велосипеде по Санкт-Петербургу. Надоело. Петербург хоть и столица, но город маленький. «Съезжу-ка я в Польшу», — решил Государь. Надел простое платье, повесил на руль сетку с мячом — и закрутил педалями. Подъехал к границе. А там какие-то чужие солдаты, не поляки; у каждого на спине цифра двенадцать написана. Закричали солдаты:

— Стой! Стрелять будем!

Остановился Петр. Они стрелять начали. Государь за велосипедом укрылся.

— Ну, настрелялись? — спрашивает, когда дым рассеялся.

— А теперь отвечайте, кто вы такие и зачем сюда поставлены?

Отвечают:

— Шведы мы. Наш король Карл XII завоевал Польшу и строго-настрого приказал никого в Польшу не пускать.

— А если я желаю в Варшаву на велосипеде прокатиться?

Почесали в затылках и посоветовали:

— Поезжайте на юг. Может, солдаты Карла XI вас пропустят.

Послушался Петр. Все в точности повторилось. Только у солдат на мундирах была цифра одиннадцать.

Дальше были посты Карла X.

— Стой! Стрелять будем!

Государь не стал останавливаться — пускай пули поберегут — и продолжил дорогу на юг. Отъехал с версту, а там все двенадцать Карлов военный совет держали. Петр им свой кожаный мяч показал и предложил:

— Постройте на границе стенку. Пробью ее мячом — в Польшу меня пропустите. Договорились?

Усмехнулись короли:

— Давай, — они же не ведали, с кем дело имеют.

Стали короли на границе «шведскую стенку» ставить. Они ее с собой в обозе возили, чтобы по ней лазить и силу развивать. Петр головой замотал:

— Вы меня не так поняли. Станьте плечом к плечу — чем не стенка?! А я по мячу ногой ударю. Ясно, Ваши Величества?

Вздохнули короли:

— Ясно, — и поплелись к границе. Выстроились.

Пока Государь разбежался, Карл XII в Турцию удрал. Осталось одиннадцать Карлов, у каждого свой номер на спине. Петр их мячом разметал. Один Карл даже на польском троне побывал. Залетел через окно во дворец и плюхнулся на бархатный золоченый трон. В полете потерял треуголку и завитой парик. При виде лысого короля варшавяне кричали: «Гол! Гол!» Пришлось посрамленным шведам убраться восвояси. А Петр I всю Польшу на велосипеде исколесил. Красивые там места!

Каша Петра Великого

Петр I жил во дворце по-простому. Охапка сена заменяла постель. Вместо дорогих фарфоровых сервизов — солдатский котелок с надписью «Петрь».

Всем кашам Государь предпочитал перловую. Проснется чуть свет, потянется, сено из волос повытаскивает — а повар уже горячую перловку несет. Заберет Государь котелок, масло ложкой размешает и на полку уставится: что бы ему почитать за завтраком? Выберет учебник по бомбометанию, прочитает за кашей от корки до корки — и в тот же день так искусно забросает бомбами шведскую крепость, что осажденным ничего другого не останется, как сдаться.

В другой раз вызубрит учебник по астрономии, а заодно полистает руководство по столярному делу — и ночью, про-

кладывая курс по звездам, прокрадется на своем ботике в шведскую гавань и потопит все корабли, отпилив у них кили или просверлив дырки ниже ватерлинии. И так день за днем.

Карл XII тоже был не прочь перловкой подкрепиться — ан нет! Только за кашу примется, ложку ко рту поднесет — ему докладывают: русский царь такую-то крепость взял, столько-то кораблей отправил на дно. У короля сразу аппетит пропадет — отодвинет тарелку и салфетку в угол зашвырнет. А если не поест с утра перловки, откуда силы возьмутся?! Кончилось тем, что Карл XII еле ноги унес из-под Полтавы.

По такому счастливому случаю Петр I затеял превеселую дружескую пирушку. Стол ломился от мед-пива, а за столом сидели поэты. Поэты поднимали чарки и читали стихи, воспевающие перловку: «Повисли ПЕРЛЫ дождевые, и солнце нити золотит». Дело было в начале мая, за окнами дворца грохотал первый весенний гром.

Имени Петра Великого

Однажды «митьки» шли поздно вечером по набережной и встретили Петра I. Петр всегда в это время своего пса выгуливал. Это была обычная дворняга, Государь ее на улице подобрал и назвал Смольным — пес был черный, как смола. Такие дворняги самые умные: все понимают и все знают. Во время прогулки пес никого к хозяину не подпускал: натянет поводок и гавкает, что есть мочи. А тут молчит, чуть ли хвостом не виляет. Удивился Петр: «Кто же это такие, если ты на них не лаешь? Неужели «митьки»?!» Пес молчит. И «митьки» молчат, оробели — еще бы, такая встреча! «Молчание — знак согласия, — изрек Петр и рассмеялся, — Ха-ха-ха!»

Петра I не зря Великим прозвали. Он во всем был велик: и в делах государственных, и ростом великан, под три мет-

ра, и смеялся очень громко. От его хохота, бывало, во всех царских дворцах стекла вылетали: и в Зимнем, и в Летнем, и в Демисезонном. «Митьки» еле устояли. Вцепились в си-ние полоски на своих тельняшках — иначе бы унесло. От-смеялся Петр и спросил:

— А водку вы еще пьете?

— Помаленьку. Возраст уже не тот. У нас, кстати, бутыл-ка с собой. Не желаете? — осмелели «митьки».

— А у меня при себе очень кстати стаканчик складной, медный, голландской работы, ха-ха-ха!

Пришлось «митькам» снова за полоски держаться. По-сидели потом на скамейке, бутылку распили, покурили, а Петр им про свои планы рассказывал:

— Вон там, за Невой, Университет будет, а там — Кунст-камера.

«Митьки» кивают:

— Да, Кунсткамера имени Петра Великого РАН.

— Моих ран? Этой что ли? — Государь палец показал со све-жей царапиной: колбасой Смольного угощал и порезался.

— Нет. РАН — это же Российская академия наук.

Посмеялись вместе.

Поэт и царевна

У Пушкина была мечта — сто раз поцеловать царскую дочь: пятьдесят раз — в одну щеку и столько же — в другую. Он даже поспорил с Грибоедовым, что сделает это.

— На что спорим? — спросил автор «Горя от ума».

— На карманные часы, — ответил Пушкин. Часы у него были обыкновенные, с римскими цифрами на циферблате, зато они играли мелодию романса «Я помню чудное мгновенье».

А у Грибоедова были особенные часы, с арабскими циф-рами, — он их из Персии привез.

Поэты ударили по рукам...

Однажды Пушкин проходил по Дворцовой площади и увидел в парке царевну. Она прогуливалась среди клумб, прикрываясь от солнца белым кружевным зонтиком. Не долго думая, Пушкин перемахнул через ограду, подлетел к девушке и принялся ее быстро целовать.

Царевна поначалу растерялась и воскликнула:

— Александр Сергеевич, сколько можно?!

Пушкин объяснил, сколько ему нужно ее поцеловать, и попросил вести счет. Минут через пять он, запыхавшись, спросил:

— Сколько еще?

Царевна ответила:

— Тридцать шесть с половиной. Один разок вы чуть не промахнулись.

А царевна была в парке не одна. Ее охраняли три гвардейца. Они прятались в кустах цветущей сирени. В эту минуту охрана наконец опомнилась:

— Что творится?! Царевну целуют!

Выбрались гвардейцы из кустов и, размахивая саблями, звеня шпорами, погнались за Поэтом. А Пушкин был маленького роста и посему бегал не быстро. К тому же он был большим модником и носил высокий, как паровозная труба, цилиндр. Цилиндр цеплялся за кроны деревьев и мешал Пушкину бежать. Гвардейцы почти догнали Поэта, они гонялись за ним вокруг клумбы, но тут на выручку пришла царевна: вынула из сумочки ключ и отперла калитку. Пушкин выскочил из калитки и столкнулся с Кургузовым. Тот шел по Дворцовой площади и вертел головой, высматривая, у кого бы узнать время. Кургузов был тогда еще бедным сочинителем и не имел карманных часов. А ровно в восемь часов вечера они с супругой купали своего полугодовалого сына. Поэтому Кургузов спрашивал у всех, который час, чтобы не опоздать на купание. Пушкин вспомнил об этом и сказал Кургузову:

— Между прочим, сейчас без десяти восемь.

На самом деле было всего-навсего три часа дня. Тот ужаснулся:

— Не может быть! Мне же через десять минут надо быть дома!

Пушкин протянул ему свой цилиндр — Кургузов по бедности ходил круглый год с непокрытой головой:

— Наденьте, голову напечет.

Кургузов напялил цилиндр и кинулся бежать — он снимал квартиру на окраине города, в трех верстах отсюда. А Пушкин юркнул за Александрийский столп. И тут из царского парка появились гвардейцы:

— Где этот, в цилиндре? Куда подевался?

Пушкин вытянул из-за столпа руку и показал на убегающую фигуру. Гвардейцы увидели знакомый головной убор и бросились в погоню. Из-за отсутствия средств Кургузов любил ходить пешком, поэтому ноги у него были очень сильные. Разумеется, гвардейцам было за ним не угнаться. Возле Казанского собора они потеряли цилиндр из виду и уселись отдохнуть у фонтана. А Пушкину с царской дочкой было не до отдыха. Царевна подставляла то одну, то другую щечку и считала:

— Восемьдесят шесть, восемьдесят семь, восемьдесят восемь... И, наконец — сто!

На радостях Поэт чмокнул ее в сто первый раз и отправился в трактир разыскивать Грибоедова.

Поэт и царь

Однажды Пушкин опять что-то натворил, и царь посадил его в тюрьму.

— И сколько мне здесь сидеть? — спросил Пушкин.

— Пока не осознаете своей вины, — ответил царь.

Тюрьма находилась в подвале дворца, прямо под царскими покоями. От нее было два ключа: один — у Государя, второй — у тюремщика.

Через несколько дней Государь решил навестить узника. Он открыл шкафчик красного дерева, где хранились ключи от всех помещений Зимнего дворца. Ключа от тюрьмы на месте не оказалось. В кабинет вошла царская дочь и спросила:

— Папа, о чем ты задумался?

Государь махнул рукой:

— Да ерунда! Ключ от темницы куда-то подевался.

— Может, он за диван завалился? — сказала царевна. — Помнишь, ты целый день искал свою саблю, а она за диваном лежала.

Государь заглянул за диван — ничего, кроме пыли и фантиков от конфет, там не было.

— А ты внимательно смотрел в шкафчике? — спросила царевна. — Можно я сама посмотрю.

Она открыла дверцу и воскликнула:

— Вот же он! Ты нечаянно повесил его вместе с ключом от тронного зала.

Государь взял ключ и отправился в подземелье. Пушкина он застал за работой. На столе высилась стопка исписанных листков. Государь протянул руку к бумагам:

— Можно посмотреть?

Пушкин кивнул:

— Пожалуйста. Только это еще черновики.

Государь прочитал первое стихотворение и прочувственно вздохнул: стихотворение было про любовь. На полях страницы Поэт изобразил стройные женские ножки в туфельках с бантиками и профиль носастой девушки с кудрями до плеч. Государь пригляделся и ахнул — то был портрет его дочери! И такие туфли с бантиками царевна получила в подарок на именины! Государь потряс бумагой:

— Что это такое?!

Пушкин оторвался от работы и замотал — головой:

— Не осознал. Некогда было.

— И откуда здесь взялся рояль? — Государь указал на белый рояль, которого в темнице никогда раньше не было и быть не могло.

Пушкин пожал плечами:

— Не знаю. Я сам его первый раз вижу.

На рояле лежали ноты. Государь прочел вслух:

— Грибоедов. Вальс. — И удивился. — Он что, еще и музыку сочиняет?

— Кто? — спросил Пушкин.

— Грибоедов Александр Сергеевич.

Пушкин радостно потянулся к Государю:

— О, да мы с вами тезки! Я тоже Александр Сергеевич.

Государь отпрянул и погрозил Поэту кулаком:

— Пушкин, не валяйте дурака! Вы еще скажете, что фамилию Грибоедов первый раз слышите.

Пушкин сказал:

— Второй раз. Вы назвали эту фамилию дважды.

Государь стянул с люстры розовый шарф и показал Пушкину:

— Это чей? У моей дочери такого нет.

— Нет, так будет. Забирайте. Я куплю Лизавете другой, шелковый.

Государь возмутился:

— Какой еще Лизавете?!

У Пушкина округлились глаза:

— Вы не знакомы с дочкой тюремщика?! О, предобрейшее существо! Я посвятил ей стихотворение. Прочитать?

Государь отмахнулся:

— Не надо. А бубен на стене тоже ее?

Пушкин расплылся в улыбке:

— Нет. Бубен цыгане забыли. Они тут две ночи подряд пели и плясали. Кстати, я про них поэму начал писать. Хотите, прочитаю?

Государь мрачно кивнул:

— Да, хочу! Хочу, чтобы вашего духу здесь не было!

Он указал Поэту на дверь:

— Марш отсюда!

Пушкин вжался в кресло:

— Но я еще не осознал своей вины! Кстати, чуть не забыл, я вам тоже стихотворение посвятил, или, точнее, эпиграмму ...

По команде Государя прибыли три гвардейцы и вытолкали Пушкина на улицу. Тот вырывался и выкрикивал гвардейцам в лицо:

— Да, были люди в наше время,

Не то, что нынешнее племя:

Богатыри — не вы!

На что один из гвардейцев заметил:

— Это не ваши стихи.

Пушкин отмахнулся:

— Пушкин, Лермонтов. Какая разница?! Я сам путаю, кто из нас сочинил «Полтаву», а кто «Бородино»...

Оказавшись на воле, Поэт огляделся и замер от восторга — Дворцовая площадь была бела от первого снега.

«В тот год осеняя погода

Стояла долго на дворе,

Зимы ждала, ждала природа.

Снег выпал только в январе...»

Трость Поэта

Однажды Петр I гулял по городу. Вдруг на него из-за угла наскочил Пушкин... Пушкин на всех наскакивал: на Кургузова, на Грибоедова, даже на Императора Александра III. Его тогда чуть не арестовали, за террориста приняли, но Пушкин на жандармов так наскакивать стал, что они испугались: еще поколотит. А Пушкин всегда с тростью ходил.

И так ловко и быстро ее в руке вертел, что у любого человека голова закружится — и хлоп в обморок. А пока человек в обмороке лежит, Пушкин на него эпиграмму настрочит... ну, такое коротенькое шутовское стихотворение. Придет человек в себя, а все над ним смеются и пальцем показывают. Вот, например, что про Кургузова написал:

Боярин Арбузов наелся кургузов

И кругленьким стал, как кургуз.

Кургузова потом долго Арбузовым называли. Обиделся Кургузов и вызвал на дуэль боярина Усачева. Он на него давно зуб точил, а тут такой повод: пришел к нему в редакцию Усачев и арбуз принес...

Итак, встретились Петр I и Пушкин. Идут, гуляют. Вдруг на них напали сто разбойников. Пушкин — за трость. А трость полая была: пустая внутри. Поэт в ней свои стихотворения хранил. С памятью у него было неважно, и он стихи сначала на бумажки записывал и в трость прятал, а потом в журнале «Современник» печатал, чтобы не забыть, значит. Отвинтил у трости набалдашник и давай вытягивать из нее бумажную ленту. Очки на нос приладил — их ему Грибоедов дал поносить — и как начал по бумажке на этих разбойников ругаться. А на ленте не стихи были, а длинное-предлинное ругательство — Пушкин давно всякие ругательства собирал. Разбойники аж рты пораскрывали. А потом как загогочит: «Ну загнул!» И отпустили с миром.

Приятели Поэта

У Пушкина было два приятеля, драчуна и дуэлянта, Усачев и Кургузов. Ну, вам эти имена, конечно, известны. А знаете ли, что они оба принадлежали к очень древним родам.

Усачев вел свое происхождение от викингов. Его далекий скандинавский предок звался Сашей Черным. Все ви-

кинги были рыжие, а Саня — черный. В детстве мальчика дразнили: «Черный, черный, конопатый, убил дедушку лопатой!» С годами он вымахал ростом под три метра, раздался в плечах, и дразнить перестали. Жenu себе выбрал под стать, настоящую великаншу.

Однажды они возвращались из Америки и попали в шторм. Мачта сломалась, как спичка. Тогда Ольга, жена Саши, встала посреди лады, ухватила за края юбки, расправила ее — а юбки носили длинные и широкие, на пошив такой юбки уходил целый тюк полотна. Ветер мгновенно надул юбку, и лада стрелой понеслась к родной гавани.

Со временем предки Усачева перебрались на Русь, в Новгород. Там каждый второй черноволосый, и Сашу стали называть Бородой — борода у него была до пояса. Скоро он совсем обрусел и помнил только одно выражение на языке викингов: «Эр хор мор туалет?», что означает «Где у вас туалет?» Потомки Саши и Ольги верой и правдой служили новгородским, а позже московским князьям. Все они звались Бородами и не знали бритвы. Но вот на Куликовом поле татарская сабля отрубила воеводе Бороде бороду, и герой битвы получил прозвище Безбородко. Пришлось Безбородкам каждое утро бриться, но зато усы могли отпускать любые, хоть трехметровые.

Как-то раз в столицу пожаловали шведские Карлы. В Швеции, как известно, все Карлы — короли, и Петр I с ними вечно воевал. Одного Карла победил, второго, третьего, четвертого... Надоело это Карлам, собрались вместе — было их человек тринадцать или даже двенадцать — и заявили в Санкт-Петербург. Перед Зимним дворцом расхаживают, своим пеньковым канатом помахивают и похваляются, мол, они вдвенадцатером любого, даже самого царя, перетянут. Хитрые, да?!

Петр вызов принял. Вышел один против двенадцати или тринадцати. Тянули-тянули... и лопнул хваленый шведский

канат. Ничья. Тут-то Безбородко и предложил свои трехметровые усы. Ухватились короли за один ус, Петр — за другой. Ка-ак дернул! Безбородко и Карлы так на него и посыпались. Наша взяла! Пожал Государь усачу руку, пожаловал ему графский титул и велел впредь называться Усачевым. Вот какой славный род!

Кургузов — русский, но первый Кургузов — из татар. Его полное имя было Кургуз Гурзуф Кара Борды, что в переводе означает Месяц Ясный, Отсекающий Черные Бороды: месяц ясный — кривая татарская сабля. Да, это он обкорнал бороду предку Усачева на Куликовом поле. И не ему одному — половине наших воинов пришлось после битвы три месяца отращивать бороды. Потом этот Кургуз Гурзуф Кара Борды перешел на службу к московскому князю и для краткости стал именоваться Кургузовым.

Прошли века, и на свет Божий появились приятели Пушкина. Друзья — вторых таких в столице не сыскать. Но иногда на них что-то находит: Кургузов не может отвести глаз от бороды Усачева, а рука Усачева невольно тянется к левому боку, нащупывая рукоять несуществующего меча. Тогда в ход идет что попало: линейки, сосновые шишки, пистолеты, диванные подушки. Кургузов мечет подушку и вопит: «Подушка вымочена в слюне бешеного шакала!» В ответ летит подушка, «пропитанная ядом кураре». Ничего, оба живы-здоровы. Через минуту опять вместе:

— Айда к Пушкину?

— Айда!

Гости Поэта

Пушкин жил на даче и сочинял. Писалось как никогда. Стихи, сказки, поэмы вылетали, как пробки из шампанского. Наталья Николаевна каждый Божий вечер уезжала на балы, как на работу. Дети с утра до вечера гоняли на вели-

ках. Перед обедом Пушкин их вылавливал и заставлял мыть с мылом руки — в столице объявилась холера. Он очень баловал своих ребятешек. На сон грядущий рассказывал им страшные истории про скелеты и привидения — и бежал на веранду записывать, брызгаясь чернилами. Читал детям за едой, так что скоро они ложку не могли поднести ко рту без чтения. Читал даже, когда гости сидели за столом.

Приезжал Грибоедов. Пригнал из Персии целое стадо ишаков. Лучшего подарка автор «Горя от ума» и придумать не мог. Дети тотчас пересели с велосипедов на ишаков, «казаки» напялили зимние шапки, «разбойники» повязали на голову цветастые платки — и война закипела. Они так шумелись, что выжили настоящих разбойников. Те прятались по оврагам вдоль дороги и грабили купцов. Впопыхах разбойники кое-как зарыли награбленное, ребята нашли эти несметные сокровища, и Пушкин расплатился с половиной своих долгов.

По выходным, как обычно, гостили Кургузов и Усачев. Друзья вечно ссорились, а луг на берегу за калиткой был идеальным местом для дуэлей. Стрелялись по субботам. Стрелял, правда, один Кургузов, и вместо пуль его пистолет был заряжен разноцветным конфетти. Кургузов, как вы помните по портретам, ростом с вершок и с бородой, а Усачев, наоборот, длинный и худой, как щепка. Попасть в него очень трудно, особенно если он стоит боком, а на дуэлях всегда так становятся. Выставит Усачев правую ногу вперед и начинает сверху в Кургузова целиться. Пуля, не удержавшись в стволе, выкатывается и падает на выставленную ногу. Усачев скачет на левой ноге и ругается. Ему это надоело, и он достал где-то старинный железный ботинок. Стоит, бывало, в своем ржавом ботинке, весь обсыпанный конфетти, а Пушкин от смеха в траве валяется. Грибоедов пожалел Усачева: «Давайте, я вместо Кургузова буду с вами стреляться».

Они с Усачевым одинакового роста, тютелька в тютельку. Оба отлично стреляли и целились друг дружке в одно и то же место. Поэтому пули встречались на полпути, расплющивались в лепешку и потом еще долго висели в воздухе. Усачев на них все время натывался. Побегит за бабочкой — и непременно наткнется. Пришлось ему надевать вместо рубашки железный доспех.

По вечерам ловили рыбу и глазели на падающие звезды, желания загадывали. В один прекрасный вечер метеорит угодил Усачеву по голове. После чего наш дуэлянт стал носить рыцарский шлем с решетчатым забралом. Откуда только он эти древности выкапывал?

Однажды заехал Вальтер Скот. Поглядел на Усачева, на детей, играющих в «казаков-разбойников», и тут же настроил исторический роман, «Айвенго» называется.

Наступила осень. Ишаки ходили мокрые. Пушкин сочинял, а дожди все смывали: через пять минут ничего нельзя было прочесть. Детей увезли в город. Собаку, что по ночам чесалась в соседней комнате, — тоже. И Пушкин перестал сочинять. Зачем? Кому?

Примечание

Олег Кургузов, Андрей Усачев, Лев Яковлев, Андрей Абрамов, Михаил Есеновский, Юрий Вийра — детские писатели конца XX — начала XXI веков, живущие в Москве.

„Митяки“ — их современники, питерские художники: Владимир Шинкарев, Александр Егоренский, Оля Егоренская, Дмитрий Шагин, Владимир Толубев.

Юрий Лужков — мэр Москвы.

Часть II

Балкон

I

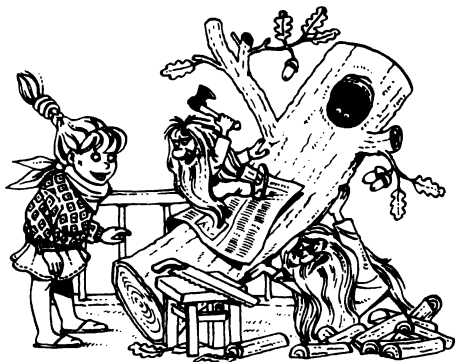
Домовые Нюхля и Дрюхля сидели на балконе. Дело было осенью. В доме холодно, отопление еще не включили, а на балконе — солнышко, можно погреть свои старые кости и даже позагорать, задрав кверху бороды.

— Благодать! — произнес Нюхля.

— Да, хорошо, — согласился Дрюхля.

— Давай жить здесь, — предложил Нюхля. — Построим избу и будем жить.

— Давай, — согласился Дрюхля.

Срубили они два вековых дуба и построили избу. Наутро Борис Михайлович и Ксения Александровна ушли на работу, а Машенька, их дочь, осталась дома. У нее горло болело, и она не пошла в школу. Стала Машенька звать домовых, а они не откликаются. Искала их, искала и обнаружила на балконе избу. Дверь избы настежь, а там домовые хозяйничают, печь березовыми полешками растапливают.

— Вам помочь? — спросила Маша.

— Не надо, — сказал Нюхля. — Лучше собери маслят, весь балкон маслятами зарос. Мы их поджарим и в сметане потушим.

Собрала Маша полную корзину маслят, и домовые сели их чистить.

— Помочь? — спросила Маша.

— Сами справимся, — сказал Нюхля. — Сходи-ка на пруд (а на балконе пруд был, с камышами и кувшинками) да налови карасей. Уху сварим.

— Только лови с этого берега, — предупредил Дрюхля, — под тем черт сидит, он тебе ржавую самоварную трубу или рванный башмак на крючок прицепит.

Вернулись Борис Михайлович и Ксения Александровна с работы, а дочери нет. Смотрят — на балконе изба выросла, а Машенька из оконца выглядывает, им рукой машет. Перебралось все семейство в избу. Стали там впятером жить-поживать, добра наживать. Вскоре к ним черт присоединился. Пришел и говорит:

— Пустите меня к себе жить. Я вам картошку варить буду. Посоветовались Нюхля, Дрюхля, Борис Михайлович, Ксения Александровна и Машенька — и пустили. Только толку от него было мало: то картошку недосолит, то переварит. Что с него возьмешь: черт есть черт!

Через пару дней Бориса Михайловича и Ксению Александровну повстречал дворник.

— Кто вам разрешил, — говорит, — избу на балконе строить?

Пригласили они дворника в избу, напоили чаем, накормили пирожками с грибами. Он и говорит:

— Что это у вас дорожка перед избой листьями засыпана. Давайте подмету.

А через день отопление включили, и они в дом вернулись. Один черт в избе остался. Не уберег ее рогатый — прознали про избу вороны, растащили по бревнышку, построили из дубовых бревен мост с фонарями, сидят теперь на тех фонарях и на прохожих пьются. А жаль — хорошая была изба!

II

Маша делала уроки, а домовые Нюхля и Дрюхля, чтобы ей не мешать, вышли на балкон. Там Нюхля лег грудью на перила и вдруг, перевесившись, грохнулся вниз. Дрюхля попытался удержать друга, но у него не хватило сил — Нюхля был в тяжелом водолазном костюме: на голове — круглый

медный шлем с окошком, на ногах — башмаки со свинцовыми подошвами. Такие башмаки водолазы надевают для того, чтобы сразу пойти ко дну. Вот он и полетел вниз, как топор. Если Нюхля был в тяжелом водолазном костюме, в котором можно спускаться даже под лед, то Дрюхля вышел на балкон совсем по-летнему: в трусах, майке и в тапках на босу ногу. Спасая Нюхлю, он потерял равновесие и тоже кувырнулся с балкона. Услышав вопли домовых, Маша выбежала на балкон, и — о ужас! — балкон рухнул вместе с ней вслед за Нюхлей и Дрюхлей.

Тем временем внизу по тротуару шел с работы Борис Михайлович. Внезапно над его головой раздались крики. Он поднял глаза и обмер, увидев, как от стены отделяется балкон, на котором стоит его дочь, а ниже один за другим падают домовые. Причем Дрюхля — почти голый. Он же простудится! Борис Михайлович подхватил на лету Нюхлю и Дрюхлю, и спустя мгновение на его ладонь опустился балкон с Машенькой. В следующую секунду на восьмом этаже распахнулась балконная дверь, которая теперь никуда не вела, и в ней показалась Ксения Александровна, жена Бориса Михайловича. Она глянула на часы, ахнула и шагнула в бездну. Руки Бориса Михайловича были заняты: в одной — домовые, в другой — балкон с Машей. Как же ловить Ксению Александровну? И тут Борис Михайлович вспомнил, что у него в портфеле есть водолазные костюмы. Он немедленно напялил на Машу и Дрюхлю эти костюмы и отправил всю троицу в реку, благо отсюда до набережной два шага. Теперь его руки были свободны, и Ксения Александровна влетела в распахнутые объятия мужа.

— Осторожно! — вскрикнула Ксения Александровна и поправила прическу, растрепавшуюся в полете. — Извини, я спешу в театр. — Она повертела головой. — Где Маша?

— Гуляет... — Борис Михайлович кивнул в сторону набережной.

— Погода хорошая — пусть погуляет подольше.

— Что-что? — спросил Борис Михайлович, приложив к уху ладонь: шум проливного дождя и раскаты грома заглушали ее слова.

— Пусть погуляет подольше!!!

Борис Михайлович поднялся домой, заварил свежий чай, укрепил на место балкон и улегся на диване с газетой. Время шло, а дочери и домовых все не было и не было. Стемнело. Вот уже Ксения Александровна вернулась из театра. Она удивилась:

— Куда Маша подевалась — как в воду канула?

Борис Михайлович успокоил ее:

— Так и есть. Вот только что там, на дне, можно столько часов делать?!

Скоро терпение родителей кончилось. Они помогли друг другу облачиться в тяжелые водолазные костюмы и отправились на поиски. Только спустились во двор, а Нюхля, Дрюхля и Маша навстречу идут, от усталости еле ноги волочат. «Заигрались, — говорят. — Под водой очень интересно: рыбы, водоросли, скелеты, затонувшие корабли...»

Сели все впятером в лифт и поехали. А лифт не двужильный, на такую тяжесть не рассчитан. Одни только башмаки со свинцовыми подошвами сколько весят! Тросс не выдержал, оборвался, и кабина пулей устремилась вниз. Если бы с ними не было Бориса Михайловича, то еще неизвестно, где бы они встретили утро следующего дня: между вторым и третьим этажами, где кабина имеет обыкновение застревать, или в Америке, если она, разогнавшись, пролетела бы сквозь земной шар. Но Борис Михайлович был рядом, и в его портфеле нашлось все необходимое для спасения: новенькая дверная ручка в промасленной бумаге, пакетик шурупов, отвертка и металлическая табличка «Выход на балкон». Двумя шурупами он приделал к дверям кабины табличку, столько же шурупов ушло на то, чтобы привин-

тить ручку. Осталось только нажать на ручку и выйти на свой балкон. На этот раз балкон не рухнул, да и балконная дверь оказалась незапертой, так что они благополучно попали домой.

Квартира встретила их тишиной и покоем: ни грабителей в масках, ни пожарников, поливавших из шлангов гладильную доску, на которой Ксения Александровна могла оставить включенный утюг. Лишь изредка слышался перестук костей — это в ожидании хозяев по квартире расхаживали скелеты, с которыми Маша познакомилась на дне реки и пригласила на чай. Да из щели между стеной и пианино доносилось сдавленное кукование — это икал от страха участковый Сеницын.

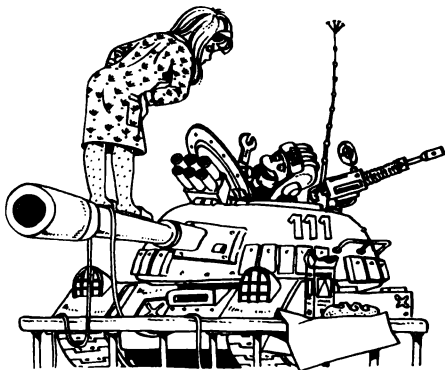
Обходя дозором этажи, милиционер зашел в дверь, которую Борис Михайлович и Ксения Александровна забыли закрыть. Он согласился вылезти только после того, как скелеты опустили обратно на дно. Сидя в щели, Сеницын сделался плоским, как коробка цветных карандашей, и ему пришлось выпить полсамовара, чтобы снова стать прежним толстяком. Но у него еще долго волосы вставали дыбом и фуражка съезжала на нос при воспоминаниях, как к нему подскочил одноногий скелет с позеленевшими от времени медяками на глазах и вежливо поинтересовался: «Сударь, вы не скажете, как имя и отчество Машиных родителей?» Другой бы на его месте ответил, дескать, извините, не знаю, а он, как мышь, шмыгнул за пианино. Ясно, что им двоим, Сеницыну и мышши, которая жила за пианино, там было тесно, и мышши пришлось уйти из дома.

Оставшись без крова, мышь выстроила на берегу шалаш, купила лодку и перевозит теперь всех желающих с берега на берег. На реке ее легко найти по красной жилетке и красным шароварам, которые она приобрела у заезжего турка. При знакомстве мышь представляется Сергеем Норушкиным и всем рассказывает о своем знатном происхождении,

мол, ее пра-пра-пра-прадедущка имел в центре города дворец с белыми колоннами, деля его на пару с князем Нарышкиным. Но в народе усатого перевозчика в басурманских шароварах кличут запросто — Серым.

III

Вышла Ксения Александровна на балкон и нахмурилась: «Это не балкон, а какая-то военная база!» А на балконе, действительно, шагу не ступить — повсюду окопы, блиндажи да военная техника. В одном углу уже лет пять стоял танк. Во время учений он приземлился сюда на парашюте, не завелся, и все эти годы танкисты его ремонтировали, разбирая и собирая двигатель. Каждые два года экипаж менялся, одни бойцы уходили, другие приходили и сразу брались за гаечные ключи. Неподалеку от танка застыл вертолет. Он тоже участвовал в учениях и должен был вывезти сломавшийся танк, но при взлете лопасти винта завязались в бантик.

Из пруда торчал перископ подводной лодки. Она собиралась всплыть в океане, среди льдов и айсбергов, но по ошибке очутилась здесь. На все лето лодка уходила на глубину, лишь перископ виднелся над гладью пруда. Лодка лежала на дне, но подводники ухитрялись выныривать из нее и до ужина играли в футбол с танкистами и разведчиками. Как разведчики проникли сюда, известно только их командирам...

Ксения Александровна шагнула на балкон и чуть не упала, споткнувшись о телефонный провод, проложенный в траве связистами. Они появились на балконе недавно по мосту, перекинутому саперами с соседнего балкона. После постройки моста саперы отдыхали и неспешно оплетали перила балкона колючей проволокой.

«Да, это не балкон, а какая-то военная база...» — хмуро повторила Ксения Александровна. Приподняв телефонный провод и перебирая его в руках, она добралась до палатки связистов. Велела им позвонить в Главный штаб и попросить к телефону военного министра. Военный министр взял трубку, выслушал Ксению Александровну и гаркнул:

— Быть такого не может!

Вскоре под окнами дома взвизгнули тормоза черного бронированного лимузина. Министр осмотрел балкон в бинокль и задумчиво произнес:

— Да-а...

Ксения Александровна не поняла, что он хотел этим сказать, и спросила:

— Так это балкон или военная база?!

Министр почесал в затылке:

— Балкон, разумеется, но...

В глазах Ксении Александровны сверкнули молнии:

— Никаких «но»! К обеду балкон должен быть очищен!

— Есть! — выпалил министр, вытянув руки по швам.

Сердце Ксении Александровны смягчилось:

— Вы хотите есть? Прошу к столу — самовар еще горячий...

К середине дня балкон опустел. С площади перед домом разошлись последние зеваки, наблюдавшие вывод войск. В ушах перестало звенеть от грохота военного оркестра, проводжавшего солдат по домам. В эти минуты они уже толпились у железнодорожных касс, выделяясь среди других военных своими новенькими рыжими чемоданами — подарком военного министра. Ксения Александровна тоже не поскупилась — вручила каждому по шоколадной медали в золотой обертке.

Стоя на пороге, она по-хозяйски оглядела балкон, подняла обгоревшую спичку — единственное, что осталось от солдатской курилки. Вот этого-то делать и не стоило. Я не хочу сказать, что спичку надо было выбросить на улицу, за шиворот прохожим. Нет, зря Ксения Александровна подняла эту спичку. Лежала она себе, никому не мешала, много места не занимала. Стоило же ее убрать, как балкон сделался таким легким, что тут же взлетел. Ксения Александровна и ахнуть не успела, как он превратился в темную точку и растаял в голубом небе. Так они и остались без балкона. Где он теперь, в каких высях, одному Богу известно.

IV

Маша делала уроки, и домовые Нюхля и Дрюхля, чтобы ей не мешать, вышли на балкон. А балкона-то не было! Улетел балкон. Но об этом никто, кроме Ксении Александровны, не знал, а она убежала по делам и даже записки не оставила. И домовые рухнули с восьмого этажа. Услышав их крики, Маша выскочила следом и тоже свалилась. Тем временем Борис Михайлович шел с работы, но до дома еще не дошел, поэтому поймать их никак не мог.

А внизу улицу мел дворник. И был этот дворник ростом с колокольню, а метла у него была — с телеграфный столб. Улицу он мел в рабочем синем халате, а халат был такого

размера, что на его пошив ушло три катушки ниток. Дворник имел привычку носить руки в карманах, поэтому карманы халата были растянуты и оттопырены. В них-то Машенька с друзьями и попадала: она — в нагрудный, домовые — в боковые карманы. А дворник и не заметил. Подмел улицу и зашел в подворотню, а там разбойники: «Скидывай халат, а то метлу поломаем!» Забрали халат и подались в Хиву — там халаты в большой цене: хороший халат на стадо верблюдов обменять можно.

Приехали, выложили товар... и затих шумный восточный базар — никто такого большого халата прежде не видывал. А дворник табак в карманы насыпал, чтобы моль не завелась. Нанюхались Машенька и домовые табачку и чихать начали. Тут-то их разбойники и сцапали, и напрямик потащили на невольничий рынок, в неволю продавать.

К этому времени терпение Машиных родителей лопнуло: сколько можно ждать?! Где Маша? Где домовые? Куда

они могли уйти? Ксения Александровна выкатила на середину комнаты глобус. Борис Михайлович взял бумагу, карандаш, циркуль. Подсчитали, измерили. Получилось, что дальше Хивы они уйти не могли. Стали родители в дорогу собираться. Ксения Александровна позвонила военному министру и велела немедленно привезти самый сильный морской бинокль.

— Бинокли у нас никудышные, слабенькие, с ними только в театр ходить, — сказал министр. — Но есть у меня дома одна старинная подзорная труба. Увеличивает аж в семьдесят семь раз!

— А если в нее с другого конца посмотреть? — спросила Ксения Александровна.

— Во столько же раз уменьшает.

— Годится! Везите!

Навела Ксения Александровна подзорную трубу на мужа и удивилась: «Ах, какой ты маленький!» Борис Михайлович тоже ахнул, еле разглядел ее в подзорную трубу.

В таком виде они взобрались на глобус и что было сил помчались в сторону Хивы. Перешагивали через параллели и меридианы, переходили вброд голубые реки и синие озера. И еле успели — цена за Машу и домовых поднялась на невольничьем рынке до двух мешков золота. Еще минута, и зарплаты Бориса Михайловича — в этот день он получил зарплату — не хватило бы, чтобы выкупить Машеньку и домовых из рабства. То-то было радости, когда они оказались вместе! Но счастье переменчиво.

На обратном пути в пустыне они чуть-чуть не попались той самой шайке, которая раздела дворника. Разбойники были хитрые и жадные — хотели догнать и захватить Машу и домовых и снова продать их. Но Борис Михайлович вовремя заметил погоню и не растерялся: вывернул свой портфель наизнанку, влез в него и, оскалившись, бросился на разбойников — а портфель был из крокодиловой кожи...

У разбойников от страха ноги отнялись и удирать им пришлось на руках, как цирковым акробатам. Но Борису Михайловичу, да и всем остальным тоже было несладко — они очень устали, их мучила жажда. А ведь до дома еще идти и идти. Но вот вдали среди песчаных барханов показалась какая-то точка. Она росла и росла, и превратилась в дом, где они жили.

Когда улетел балкон, дом не очень переживал — есть же на свете дома без балконов, — но с пропажей домовых он уже смириться не мог — какой же дом без домовых! И, снявшись с места, отправился по следам Бориса Михайловича и Ксении Александровны.

Радостно сверкая окнами, кивая на ходу башенкой со шпилем, дом приблизился и замер перед ними. Осталось лишь подняться на крыльцо, открыть тяжелую дверь и войти. К ужину дом вернулся на прежнее место и стоит там по сей день. И живут в нем на восьмом этаже Ксения Александровна, Борис Михайлович, Машенька и домовые Нюхля и Дрюхля. Живут, горя не знают. Вот только балкон у них улетел.

Часть III

Сказки народов МИРА

Счастливое имя

Жил некогда в Стамбуле мальчик по имени Паша. Подрос Паша и сказал родителям: «Схожу-ка я за три моря, на мир посмотрю».

Собрался и пошел. День шел, два шел. На третий день потемнело небо – прилетела громадная птица Рух. Клювом загнутым защелкала, когтями острыми замахала. Присел Паша, голову руками закрыл. Спросила птица:

– Юноша, как тебя зовут?

– Паша.

Птица достала из-под крыла большой мешок и уронила к ногам Паши:

– Это тебе.

А в мешке золото было. Удивился Паша:

– За что?

– Долг платежом красен. Много лет назад один турецкий паша спас мне жизнь. Я тогда только-только из яйца вылупилась и летать еще не умела. Поймали меня охотники и обрадовались: «Поджарим птичку на обед!» А этот паша мимо на верблюде проезжал. Сказал им: «Знаете, что с вами потом случится? РУХнете, как подкошенные. Это же птенец РУХ». Охотники испугались: «А мы не знали. Заберите от нас эту кошмарную птицу». Он выпустил меня на волю:

поставил в чистом поле и ногой поддал. После того я поклялась отблагодарить первого встречного пашу.

Попробовал Паша мешок приподнять — с места не сдвинул. Птица его научила: «Обхвати мешок руками, а я тебе помогу». Паша послушался. Птица пнула его своей огромной ногой — и юноша полетел в небо, только ветер в ушах засвистел.

Перелетел через три моря и шлепнулся под окном белоснежного дворца. Забрался Паша на мешок и заглянул в окно. То была спальня луноликой принцессы Земфиры. Принцесса заплетала перед зеркалом косы. Увидала в зеркале лицо неизвестного мужчины и за кинжал схватилась. Наставила на Пашу кинжал и спросила:

— Юноша, как тебя зовут?

— Паша.

— Ах! — вскрикнула Земфира и поцеловала Пашу.

Сладок был ее поцелуй. Удивился Паша:

— За что?

— Долг платежом красен. Однажды мне приснился сон, будто меня похитили дикие разбойники. Увезли в пустыню и сказали: «Рахат-лукум мы ели, халву ели, а земфиру нет. Съедем ее!» Мимо проезжал турецкий паша. Услышал речи разбойников и чуть с верблюда от смеха не упал. Паша

объяснил им: «Земфира — женское имя, а сладость называется зефиром». Вынул из седельной сумки кулек зефира и дал разбойникам попробовать по штучке. Они еще попросили, а он кулек за спину спрятал: «Я вам весь кулек отдам, а вы мне за это отдайте девушку». Отвез меня домой и на прощание трижды поцеловал. Проснувшись, я поклялась вернуть эти поцелуи первому встречному паше...

Принцесса посмотрела на красивого юношу и поспешила сказать:

— Нет, я забыла. Он меня сто раз поцеловал. Так что я должна тебе еще девяносто девять поцелуев.

На шестьдесят шестом поцелуе распахнулась дверь и в спальню ворвался разъяренный отец принцессы.

— О дочь моя! Что за мешок стоит под твоим окном? Я споткнулся об него в темноте, — падишах потер ушибленную ногу. — И кто этот юноша?

Принцесса потупила глаза:

— Это Паша.

А Паша сказал:

— Это мой мешок. В мешке золото. А Земфира должна мне еще тридцать четыре поцелуя.

Принцесса топнула ногой:

— Нет, тридцать восемь! Ты неправильно считал. Сначала я целовала вполсилы. И вообще, мы сбились со счета. А когда сбиваются, то начинают с начала.

Падишах попятился к двери:

— Ухожу, ухожу!

Наступила ночь. Падишах считал под окном золотые монеты: «Триста шестьдесят пять, триста шестьдесят шесть...» Паша вел счет поцелуям: «Триста шестьдесят семь, триста шестьдесят восемь...»

А на черном бархате небосвода одна за другой загорались звезды: триста шестьдесят девятая, триста семидесятая...

Как Па Ша взял в жены императорскую дочь

Жил некогда на берегу Хуанхэ старик по фамилии Ша. У него было три сына: Лю, Ван и Па. Однажды посадил старик сыновей в джонку, отвез на середину реки и сказал: «Сыновья, я вас сейчас буду учить плавать».

Столкнул старик в реку старшего сына. Побарахтался Лю и поплыл.

Столкнул старик среднего сына. Побарахтался Ван и чуть не утонул. Пришлось отцу его спасать, в чувство приводить. Когда Ван очухался, отец его снова столкнул. Побарахтался Ван и тоже кое-как поплыл.

Настала очередь младшего сына. Полетел он в воду и сразу пошел ко дну. Прошла минута, вторая, третья. Забеспокоился отец. Набрал побольше воздуха и нырнул на самую глубину. И что же он видит?! Ползает младший сын на четвереньках по дну, песок разгребает, а в руках у него полным-полно золотых монет. Вспомнил старик: несколько лет назад на этом месте затонула большая купеческая джонка; тюки с шелком удалось выловить, а золото кануло в реку.

Старик указал сыну пальцем вверх, дескать, всплывай. Па открыл широко рот и сказал: «Сейчас, отец. Найду еще монетку и поднимусь». У старика от удивления глаза на лоб полезли. Так Па и не научился по-настоящему плавать.

На следующий день сыновей ожидало новое испытание — отец привел во двор молодого жеребца, на котором они должны были по очереди скакать. Лю удержался в седле ровно пять минут. Ван — вдвое меньше. А младший брат скорчил перед мордой коня такую жуткую гримасу, что жеребец взвился на дыбы и умчался, не разбирая дороги. Еле поймали. Старик махнул на сына рукой: «Наездника из тебя не получится».

На третий день отец поставил в рисовом поле мишень из соломы и велел сыновьям учиться стрелять из лука. Лю поразил цель с первого раза. Ван — со второго. А все три стрелы Па улетели в кусты. Стали старшие братья над младшим насмехаться, неумехой называть, и Лю в шутку пустил в него стрелу. В полете стрела повернула в сторону и угодила отцу в лоб. Еще хорошо, что она была с резиновой присоской на конце. А вскоре крестьяне наткнулись в кустах на бездыханное тело кровожадного тигра-людоеда. Стрелы Па попали ему прямо в сердце. Этот тигр уже давно наводил страх на людей, и за его шкуру император обещал заплатить золотом. Па взвалил шкуру на плечи и отправился в Пекин за наградой.

Дворец императора был окружен высоким бамбуковым забором. Па шел вдоль забора и вдруг услышал чье-то прекрасное пение. Па нашел в заборе щель и просунул в нее голову. Видит — гуляет среди цветов девушка необычной красоты. Па окликнул ее:

— Эй, ты кто?

— Ксю Минь — дочь императора. А ты кто будешь?

— Па Ша. Я случайно убил тигра-людоеда и пришел к императору за наградой.

— Покажи шкуру, — попросила Ксю.

Юноша показал.

— Ой, какой страшный! — девушка закрыла лицо руками.

Когда она убрала руки, Па уже стоял рядом. Глянула Ксю Минь на юношу своими глубокими, как осенняя вода, очами, и Па потерял голову.

— Не надо мне никакого золота! Можно, я тебя разок поцелую?

Ксю пожала плечами:

— Целуй. Меня еще никто не целовал.

Он поцеловал.

— Ой, как приятно! — воскликнула Ксю Минь. — Целуй еще!

На тридцать третьем поцелуе в сад ворвалась охрана дворца во главе с самим императором.

— Как ты посмел дотронуться до моей дочери! — вскричал разгневанный император.

Па заковали в цепи и посадили в самое глубокое и темное подземелье. После ужина узнику зачитали приговор: на утренней заре, когда распустятся лотосы, его отвезут далеко в море, привяжут к ногам тяжелый камень и утопят.

Па попросил у тюремщиков бумагу, тушь и кисточку и написал императору стихотворное послание, в котором честно признался, что вода ему ни капельки не страшна, и описал случай на Хуанхэ. Стихи императору понравились, но он все равно не поверил. Юношу бросили в море. Па спокойно освободился от камня и всплыл.

На следующее утро Па вывели за городские ворота. Там четверо конюхов удерживали на месте полудикую кобылицу. Па должны были привязать к ее хвосту и выпустить кобылицу в чистое поле. Па рассмеялся.

— Не вижу ничего смешного, — сказал император хмуро.

— Сейчас увидите, — пообещал юноша. Он показал кобылице рожу: растянул пальцами рот, сощурил глаз, выпучил другой — и прорычал: «Хэ!»

Испуганное животное разбросало конюхов и умчалось вдаль.

Император попрощался с Па: «До завтра».

Назавтра они встретились на главной площади столицы. Па привязали к столбу. Напротив выстроилась дюжина лучников.

— Какая твоя последняя просьба? — спросил император.

— Не стреляйте в меня — вам же хуже будет.

— Это почему? Объясни, пожалуйста.

Па поведал ему, как стрела брата свернула и попала отцу в лоб.

— А если стрелы ваших лучников тоже полетят не туда, куда они нацелены?!

Император задумался: кому охота стать мишенью для дюжины стрел. Его размышления прервал пронзительный крик:

— Отец!

Толпа придворных расступилась, и к императору подлетела Ксю Минь. В гневе она была еще прекрасней.

— Отец! Тридцать три поцелуя — это тьфу, кот заплакал! Хочу тысячу поцелуев! Он убил ужасного тигра! Это так приятно!

Император расстерялся:

— Какой кот? Кто убил тигра? Ничего не понимаю!

— Отец, тебе и не надо ничего понимать. — Ксю быстро развязала Па и за руку потащила с площади.

Император прокричал им вслед:

— Ты правда убил тигра?

— Да.

— Мне понравились твои стихи! — сообщил император.

— Спасибо. — ответил Па.

— Тебе нравится Ксю? — спросил император.

— Очень...

В замужестве императорская дочь стала зваться по-иному: была Ксю Минь, стала Ксю Ша.

Тут и сказка вся.

Как Али-паша змею на груди пригрел

Жил-да-был некогда в Самарканде юноша по имени Али-паша. Однажды шел он на базар и вдруг видит — лежит на дороге большая белая змея. Юноша удивился — никогда раньше белых змей не видел. Еще больше удивился юноша, когда змея заговорила человеческим голосом:

— Я переползала дорогу и попала под колеса арбы. Вылечи меня и я тебя отблагодарю. Юноша усмехнулся:

— Знаю — вместо благодарности ты меня укусишь своими ядовитыми зубами. Недаром говорят: «Пригреть на груди змею».

Змея тяжело вздохнула и открыла пасть. У юноши глаза полезли на лоб: зубы у гадины были человеческие, белые, как сахар, а язычок розовый.

Пожалел Али-паша диковинную змею, отнес домой и занялся лечением. Накупил целую гору целебных мазей и порошков. Порошки давал три раза в день после еды, а мази втирал змее в покалеченную спину. Утром и вечером измерял температуру — змея держала градусник в пасти и, скосив глаза, наблюдала, как поднимается ртутный столбик. На третий день жар спал, но больная была еще очень слаба и еле поднимала голову. Еще три дня ухаживал за ней Али-паша: поил парным верблюжьим молоком, кормил жирным пловом и сладкой халвой.

На утро седьмого дня змея прихлопнула хвостом звенящий будильник, чтобы Али-паша мог наконец-то выспаться, и бесшумно выскользнула за порог. В полдень она вернулась и растолкала юношу:

— Я была в городе. Там паника — пошел слух, что с завтрашнего дня цены на базаре повысятся вдвое. Люди хвата-

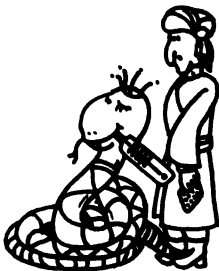
ют все подряд: соль, спички, хлопковое масло. Я успела купить мешок зеленого индийского чая. Али-паша удивился:

— Зачем нам столько?

Змея объяснила:

— Откроем чайхану.

Сказано — сделано. Открыли они свою чайхану. Змея чай заваривает и лепешки печет — Али-паша еле успевает чайники разносить да монетки в карман складывать. Под вечер выложат деньги на стол, сосчитают и в кувшин глиняный пересыпают.

Прознали про этот кувшин разбойники. Забрались ночью в чайхану, а там на ковре лежит большая белая змея и зубы белые скалит. Такое даже в дурном сне не приснится. С тех пор с наступлением темноты разбойники обходили чайхану стороной.

День идет за днем, неделя за неделей; Али-паша со змеей живут-поживают, добра наживают. Долго ли, коротко ли, стала змея замечать, что юноша ходит невесел, по ночам в постели ворочается, в потолок глядит. Однажды до утра глаз не сомкнул.

Подползла к нему змея — ее место на коврике у двери было — и спросила:

— Милый Али-паша, что тебя беспокоит? Все же у нас хорошо: денег полный кувшин, пиалки с золотой каймой для чайханы купили, занавески тюлевые повесили.

Вздыхнул Али-паша:

— Не в тюлевых занавесках счастье.

— Купим шелковые, — предложила змея.

Али-паша поморщился:

— При чем тут шелковые занавески?! Я жениться хочу. Да как найти хорошую жену? Вот сосед недавно свадьбу сыграл — теперь ругаются с утра до вечера.

Змея сузила свои и без того узкие глаза и прошипела:

— Не говори об этом человеке! Это он меня на арбе переехал. И жена ему под стать. Не горюй. Я помогу тебе найти хорошую жену. — В зубах у змеи засверкал большой изумруд. — Возьми этот камень. Он не простой. Посмотришь через него на человека и сразу увидишь, что этот человек из себя представляет.

Решил Али-паша проверить камень и направил на соседей — они сидели на крыльце и переругивались. О ужас! На заваulinke перехрюкивались свинья в платке и кабан в тибетейке. Али-паша опустил камень — к соседям вернулся человеческий облик.

Запер Али-паша чайхану на замок и отправился искать себе жену. Где он только не побывал! Самарканд, Бухару и Хиву обошел из конца в конец. Сколько девушек встретил — столько разных животных показал чудесный камень: ослиц и коров, персидских кошечек и среднеазиатских овчарок, куриц-хохлаток и орлиц-стервятников, кобр и гюрз...

В один прекрасный день юноша сказал себе: «Хватит. Пора возвращаться домой». А про себя подумал: «Как там моя змейка поживает?»

Змея встретила его радостной белозубой улыбкой:

— Ой, наконец-то! Я уже покой потеряла. Ну, нашел жену?

Али-паша замотал головой и шутки ради поглядел на змею в изумруд — и чуть не уронил камень. Он снова и снова прикладывал изумруд к глазу — видение не исчезало: змея превращалась в прекрасную девушку, подобную светящейся луне.

— Кто ты, змеюка? — спросил он хриплым голосом.

— Заколдованная принцесса, — ответила та и шаловливо показала розовый язычок.

— Как мне тебя расколдовать?

Змея потупила глаза:

— Очень просто: пригрей на груди.

Не долго думая, Али-паша сгреб змею в охапку и прижал к себе, у той аж косточки затрещали. Змея ойкнула и взмолилась:

— Не так сильно — ты меня задушишь. Теперь закрой глаза и сосчитай до пяти.

Али-паша зажмурился:

— Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать.

И он нашел у себя в объятиях прекрасную принцессу. Тут и сказке конец.

Дурак и шашки

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были три брата-казака: два умных, а младший — дурак. Умные братья делом занимались, а дурак на печи лежал да сам с собой в шашки играл. Спросят, бывало, старшие братья у младшенького:

— Ну как, выиграл?

Тот головой мотает:

— Не, опять проиграл.

Смеются над ним братья:

— Ну ты и дурак — сам у себя выиграть не можешь!

Нежданно-негаданно пошел на то царство-государство войной соседний царь-государь, а войска у него: пехота, конница да в придачу три танка, а впереди на белом коне лихой генерал: нос крючком, усы торчком.

По такому случаю умных братьев вызвали в Главный штаб и назначили майорами. А младшего брата никуда не вызвали — какой от дурака толк?! Так он сам пошел. Взял с собой шашки и тронулся в путь. Шел-шел и вышел прямо супротив вражеского войска. Не долго думая, выхватил дурак из

ножен шашку казацкую и замахал ею туда и сюда. Привстали в стременах конники вражеские, из-под ладони на дурака смотрят, в затылках чешут:

— Откуда этот дурак взялся? Еще поранит с дуру своей шашкой!

И отступила конница, а за ней и пехота попятилась.

Тут на дурака двинулись три танка. Младшенький не растерялся — достал из-за пазухи шашки дымовые и стал их швырять налево и направо. Заволокло чистое поле густым дымом. Заблудились танки в дыму, едва на своего генерала не наехали, а под конец плюхнулись в болото и завязли там. Видит генерал: дурака голыми руками не возьмешь. Надо военную хитрость применить. Выхал он к дураку на белом коне и говорит:

— Что это у тебя под мышкой — не шахматная ли доска? Может, в шашки сыграем?

Генерал был чемпионом своего царства-государства по шашкам. Дурака долго уговаривать не надо. Правда, сначала он наотрез отказался.

— Нет, — говорит, — сейчас не время в шашки играть, а время шашкой размахивать. Вот так! — и замахал шашкой.

Войско опять немного отступило, а конь генеральский встал на дыбы. Успокоил генерал своего коня и сказал дураку:

— На войне тоже бывает затишье: бойцы отдыхают, в бане моются, в шашки играют.

Огляделся дурак: вроде тихо кругом.

— Ладно, сыграем.

Разложили на траве-мураве шахматную доску, расставили шашки, а генерал: раз, два — и в дамках. Обиделся дурак, губы надул и говорит:

— Давай еще одну партию. Только просто так играть неинтересно. Может, на деньги сыграем? У тебя деньги есть?

Полез генерал в карман за кошельком. А дурак руку тянет:

— Дай.

Раскрыл дурак кошелек, а там одни сотенные, целая пачка. И фотография какой-то девушки. Засмотрелся дурак на фотокарточку и спросил:

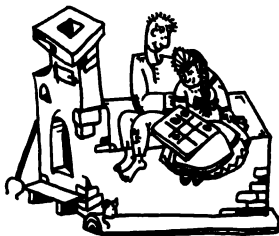
— Кто это?

— Царевна, дочка нашего царя-государя.

Замотал дурак головой:

— Не, на деньги я играть не буду — у меня их нет. Зато есть у меня шашка казацкая да шашки дымовые. Если выиграешь, все шашки твои будут. А проиграешь — ну, тогда скомандуешь своему войску: «Кругом, домой шагом марш!» И письмо отвезешь от меня вашей царевне. Только, чур, отдашь ей прямо в руки. Ну, по рукам?

Ударили по рукам. Генерал рад-радешенек: удалась его военная хитрость. Сейчас дурак проиграет, останется без оружия... Расставили на доске шашки. Не успел генерал и глазом моргнуть, как дурак устроил ему такой разгром, что даже стыдно сказать. Заикнулся, было, генерал о третьей, решающей, партии, а дурак лишь отмахнулся: мол, не мешай, видишь, человек занят — письмо царевне пишет.

Вскоре в Главный штаб поступило сообщение: уходит неприятельское войско. На радостях наградили братьев-майоров орденами и отпустили восвояси.

Вернулись братья домой, а дурак на печи лежит, в потолок глядит и вздыхает. Выпятили братья грудь с орденами и спросили разом:

— О чем, дурак, вздыхаешь?

— Как мне, братцы, не вздыхать? Полюбил я с первого взгляда соседскую царевну. Письмо ей написал, в гости пригласил. Вот и волнуюсь: придет или нет.

Братья за животы схватились, чуть от смеха не лопнули. Тут в дверь: тук-тук! Дурак попросил:

— Откройте. Это она.

Открыли. И вправду — царевна. Сарафан на ней шелковый, кокошник драгоценными камнями утыкан. А собой хороша — ну, ни словом сказать, ни пером описать! Дурак ей руку протянул:

— Забирайся сюда.

Забралась царевна на печь, огляделась:

— У тебя здесь уютно: тепло, светло и комары не кусают. А это твои шашки, да? Мне про них генерал рассказывал. Сыграем, а?

Дурак головой мотнул:

— Не хочу. — Смотрит на царевну с дурацким видом — глаз отвести не может.

Смутилась царевна под его взглядом и спросила тихо:

— А что ты хочешь?

Дурак есть дурак — ляпнул прямо:

— Люблю я тебя. Скажи, пойдешь за меня?

Царевна не сказала — головой кивнула, ресницами махнула. И пошли они под венец. Тут и сказке конец.

Вода живая и вода «отненная»

Жил-был старик-индеец, и было у него три сына: два умных, а младший — дурак. Однажды индеец простудился и заболел: лежит в вигваме, чихает, кашляет, на глазах чахнет. Позвал он сыновей и сказал им слабым голосом:

— Слыхал я в детстве от стариков, что есть где-то источник с живой водой. Седлайте коней и отправляйтесь в путь. Кто первым принесет живой воды, того я сделаю своим наследником.— Протянул старик сыновьям по мешочку золотого песка. — Это вам на дорогу, — и свалился без сил.

Оседлали братья коней и отправились в путь. Доехали они до поселка золотоискателей, а там умные братья сказали младшему:

— Если хочешь, поезжай дальше, но знай: никакой живой воды нет. Вспомни слова отца: «Слыхал я в детстве от стариков...» А что рассказывают детишкам старые индейцы? Сказки. Зато есть «огненная» вода — бледнолицые называют ее виски. За этой дверью — братья указали на дверь салуна — на это золото — они потрясли мешочками с золотым песком — мы сможем купить много-много «огненной воды», на целую неделю хватит. А через неделю вернемся и скажем, что не нашли живой воды.

Вysłушал дурак старших братьев и сказал:

— Нет, я поеду дальше. А вдруг это не сказка.

И поехал дальше. Ехал-ехал, глядь — стоит посреди прерии старый вигвам, весь в заплатах, а у вигвама на скамеечке сидит седенькая старушка. Спросил дурак у индианки про источник с живой водой. Развела старушка руками:

— Сто лет живу, но ничего про тот источник не слыхала. Поезжай дальше — там моя средняя сестра живет, ей двести лет. Авось она дорогу к живой воде знает.

Доехал индеец до другой старушки. Она тоже руками развела:

— Ничем не могу помочь. Источник с мертвой водой хоть сейчас покажу — он в соседнем овраге течет. Езжай-ка, сынок, к нашей старшей сестре. Ей триста лет, и зовут ее Глухое Ухо. Сестричка еле слышит, поэтому говорить ей надо прямо в ухо и громко.

Добрался дурак до старшей сестры. Набрал побольше воздуха и гаркнул старушке в ухо:

— Глухое Ухо, где источник с живой водой!

Старушка аж подскочила. Головой трясет, в ухе пальцем ковыряет. Потом накинулась на дурака:

— Что ты раскричался?! Я не глухая, и зовут меня Ясное Солнышко.

Смутился дурак:

— А мне ваша средняя сестра говорила...

Старушка кулачком потрясла:

— Ну, шутница! Потом спросила, зачем ему живая вода.

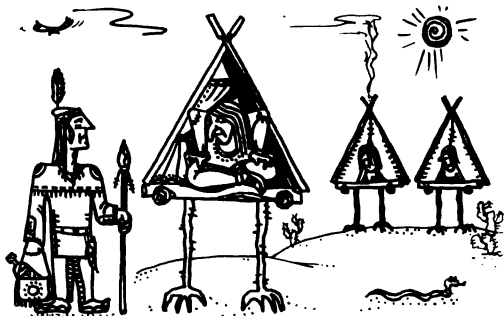
Рассказал индеец про больного отца.

— Так сколько дней ты уже в пути? — спросила индианка строго.

— Три дня, а что?

— И все это время твой отец лежит один-одинешенек и никто за ним не ухаживает?!

Засуетилась старушка: сняла со стенки вигвама кожаную сумку, украшенную разноцветными ремешками да тремя красными бусинами, и стала в эту сумку всякие сушеные травы да коренья складывать. Собрала все необходимое и сказала индейцу:

— Я к твоему отцу поспешу, а ты поезжай следом.

Забегала старушка за вигвам, перекувырнулась через голову и превратилась в ворону. Схватила сумку в клюв и взвилась над прерией.

В скором времени к ней присоединились еще две вороны. Прилетели сестры к вигваму старика-индейца, еще разок перекувырнулись — и превратились в прекрасных девушек. И кинулись больного лечить. Одна в ступке коренья толчет, другая отвар из целебных трав готовит, третья старику напиток дает. А Ясное Солнышко пуше всех хлопочет. К вечеру индеец почувствовал себя совсем хорошо. Тут и сыновья вернулись. А девушки за сундуком спрятались и одеялом накрылись.

Первым возвратился младший сын. Обрадовался, что отец выздоравливает. Обнял старика и пожаловался, что не нашел живой воды. Потом огляделся и спросил:

— Кто это порядок в вигваме навел? Не старушка ли Ясное Солнышко?

— Она самая, — подтвердил отец. — Но почему ты ее называешь старушкой?

Удивился сын:

— А как мне ее иначе называть: не старухой же? Это невежливо.

Отец усмехнулся:

— Да, старухой Ясное Солнышко никак не назовешь. А с ее сестрами ты тоже знаком?

— Разумеется. Одной бабуле сто лет, другой — двести.

Отец расхохотался:

— Ну, рассмешил! Я и не знал, что ты такой шутник, — а потом позвал девушек. — Сестрички, покажитесь!

Сбросили индианки одеяло, выбрались из-за сундука и встали смущенные перед юношей. Тот остолбенел — никогда раньше не видал он таких красавиц. И одна ему сразу при-

глянулась. Глядь — на плече у нее сумка знакомая, с ремешками разноцветными да тремя красными бусинами.

— Ты ли это, Ясное Солнышко? — спросил дурак неуверенно.

Усмехнулась девушка и ладошку к уху приложила:

— Ась?

— Ты! — закричал на радостях младшенький.

Тут ввалились в вигвам старшие братья. У одного синяк под глазом и рубаха до пупа разорвана, у другого рубаха целая, зато фонари под обоими глазами. Отец спросил у них:

— Нашли живую воду?

Братья кивнули:

— Почти нашли. Вдруг налетел страшный огнедышащий дракон и дыхнул на нас. Вот так! — братья разом дыхнули.

Отец поморщился:

— От вас разит, как из бочки с «огненной» водой. А кто вам фонари поставил? Тоже дракон?

Старший брат замотал головой:

— Нет. Я сказал в салуне, что живая вода — это сказка. А золотоискатель стукнул кулаком по стойке бара и сказал: «Не сказка!», а потом ударил меня. Разумеется, я не остался в долгу. А этот золотоискатель был с друзьями...

Тут средний брат разул глаза и воскликнул:

— Отец, ты здоров?! Братец нашел-таки живую воду, да?

Отец заулыбался:

— Нет. Зато он нашел этих трех заботливых сестер.

Братья наконец заметили девушек и зажмурились при виде их красоты. Отец обратился к девушкам:

— Я надеюсь, вы погостите у нас?

А младшенький глянул на Ясное Солнышко и попросил ласково:

— Ну пожалуйста!

Остались сестры гостить, а там и замуж за братьев вышли.

Тут и сказке конец.

Шалопай и принцесса

Жил-был старик-индус, и был у него сын-шалопай. Он даже чалму толком не умел завязывать. Накрутит кое-как на голову — и бежать. Ни минуты не мог на месте усидеть. Мачеха укоряла пасынка:

— Какой же ты индус, если чалму завязывать не умеешь?!

А он рукой отмахнется:

— Ерунда! — и плюхнет с берега в мутный Ганг — это такая река в Индии.

Мачеха прошипит:

— Чтоб тебя крокодилы съели!

А крокодилов в Ганге тьма-тьмущая, но шалопая им не поймать. Пока крокодил подплывет, пока пасть разинет, мальчишка уже на берегу. Стоит, левую ногу вперед выставит и целится камнем крокодилу прямо в глаз. Крокодил мигом — булдых! Кому охота с подбитым глазом быть?! А шалопай тем временем новым делом занят — обезьяну с дерева за хвост стаскивает, а сам глазами по сторонам — зырк-зырк! — чем бы еще заняться?

Однажды решила мачеха погубить пасынка и отправила его посреди зимы в джунгли за земляникой, и строго-настрого наказала без ягод не возвращаться. Ну откуда может быть в джунглях земляника?! Манго, инжир, дикие сливы, бананы — этого добра хоть отбавляй. А земляника в Индии никогда не росла и расти не будет, ей подавай другой климат.

Идет мальчишка по лесу, головой вертит, на лианах через поваленные деревья перелетает, палками в удавов свисающих швыряется. Вдруг слышит — пыхтение сзади. Оглянувшись, а это дикий слоненок. Такой симпатичный: уши — с суповую тарелку, а глазки добрые и грустные — наверно, он потерялся. Пожалел шалопай зверя и позвал:

— Пойдем со мной.

Слоненок сразу рядом затрусил. Вернулся мальчишка из леса, а мачеха его в дом не пускает.

— Нашел землянику? — спрашивает через дверь.

Шалопай кричит:

— Нашел!

Мачеха сразу дверь распахнула:

— Где? Покажи!

Мальчишка слоненка по спине похлопал:

— Вот. Я его Земляникой назвал.

Рассердилась мачеха и сгоряча запустила в них чашкой. А это была любимая чайная чашка старика-индуса. Испугалась мачеха, что муж рассердится. Дала пасынку денег и послала за новой чашкой. А слоненок за ним увязался и такой тарарам устроил в посудной лавке, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Прибежала соседская девчонка, известная ябеда, и рассказала мачехе про разбитую посуду. Мачеха за голову схватилась:

— За это придется платить! Не отдам свои кровные! Пусть старик сам за своего сынка расплачивается!

Собрала свои вещи и ушла из дома. А ведь могла и остаться...

Здесь нужно рассказать историю хозяина посудной лавки. Их было три брата. С детства мечтали братья о дальних путешествиях. После смерти отца старший брат унаследовал посудную лавку, среднему достался арабский конь, а младшему — ангорский кот. Пришел старший брат к младшему и попросил:

— Давай меняться: я тебе лавку, а ты мне кота.

Младший отказался:

— Зачем мне лавка?! Куплю я коту сапоги и пойдем мы с ним путешествовать.

Пришел старший брат к среднему, а тот уже коня седлает, в дорогу собирается и про лавку даже слушать не хочет. Пришлось старшему брату за прилавком стоять.

Стоит, торгует, сервизы в бумагу заворачивает, сдачу покупателям отсчитывает, а сам думает, как бы ему от лавки избавиться: продать, в кости проиграть или отдать первому встречному. Попробовал продать — никто не покупает. Сходил в игорный дом, поставил лавку на кон — и выиграл целое состояние: пришлось рикшу нанимать, чтобы выигрыш домой отвезти. Оставалось последнее — отдать первому встречному. Открыл он утром лавку и стал дожидаться первого покупателя. Им оказался моряк. Выслушал «морской волк» предложение торговца и усмехнулся:

— Поменять капитанский мостик на прилавок магазина?! Нет, я еще не совсем из ума выжил. Есть другое предложение. В полдень моя посуда выходит в море. Груз — чай. Порт назначения — Ливерпуль, Великобритания. Если желаете, я возьму вас матросом. Гуд бай!

О таком путешествии старший брат мог только мечтать. И тут над дверью звякнул колокольчик. На пороге стоял мальчик со слоненком. Что они натворили, известно. Из всей посуды уцелела одна-единственная чашка. Шалопай выудил ее из груды осколков и важно сказал:

— Я покупаю. Сдачи не надо!

Чашка стоила два рупия, а он дал три.

Довольный хозяин положил выручку в карман шароваров и помчался собирать вещи — до отплытия корабля еще оставалось время.

Прошел год, второй, третий. Шалопай вырос и превратился в стройного юношу. Чалму он так и не научился завязывать, но теперь его никто этим не попрекал. Слоненок тоже подрос и превратился в большого слона. Они были неразлучны, и слон понимал юношу с полуслова.

В один прекрасный день глашатаые объявили:

— Слушайте все! Дочь султана желает выбрать себе жениха. Завтра с утра принцесса будет сидеть на балконе двор-

ца. Кто до балкона на коне доскачет и кольцо с ее пальца снимет, за того она замуж пойдет!

Почесал юноша слона за ухом и сказал:

— До балкона нам не допрыгнуть. Давай хоть посмотрим, как дочь султана выглядит — так ли она хороша, как люди говорят.

Приехали они утром на дворцовую площадь, а там всадники туда и сюда носятся, коней шпорами колют, нагайками по бокам хлещут. Да все зря — никто даже близко к балкону подскочить не может. Посмотрел юноша на принцессу издали и сказал слону:

— Подойди к дворцу — хочу принцессу получше разглядеть.

Встал слон под балконом. Глядел юноша, глядел и воскликнул:

— Да, она прекрасна! Но я не вижу, какого цвета у нее глаза, какой длины ресницы! Пожалуйста, подпрыгни немножко.

Согнул слон ноги в коленях и подпрыгнул. Задрожала земля, и с треском обрушился балкон. Принцесса взвизгнула, зажмурилась и полетела прямо в объятия юноши. Открыла она глаза и стала вырываться:

— Отпусти меня — это неприлично!

Юноша мотнул головой:

— Не могу. Ты упадешь.

Глянула принцесса со слона и обвила руками шею юноши:

— Ой, как высоко! А как зовут твоего слона?

— Земляника.

— Какое смешное имя! Почему ты его так назвал?

Юноша рассказал про злую мачеху и спросил:

— Тебе удобно сидеть?

— Да, очень, — принцесса обняла юношу покрепче. — Расскажи еще что-нибудь смешное.

Он рассказал про посудную лавку. Принцесса долго смеялась. Вдруг молодые услышали — мужской голос зовет: «Дочь моя!» Посмотрели вниз — а там султан стоит: голову задрал, на чалме огромный алмаз сверкает. Принцесса шею вытянула:

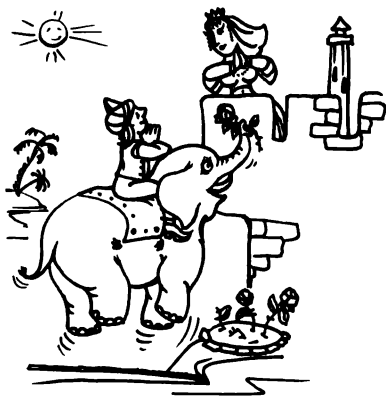
— Что, отец?

— Он кольцо снял?

Принцесса сначала не поняла:

— Какое кольцо? — Потом быстренько стянула с пальца колечко, юноше в ладонь впихнула и закивала отцу. — Снял, не беспокойся.

Тут и свадьбу сыграли. Пир был на всю Индию.

Сын лесоруба и Лесная старушка

Это случилось в стародавние времена, когда животные еще умели говорить.

Жил на севере Германии один лесоруб, и был у него малолетний сын, а у сына была привычка — пальцами щелкать, большим, средним и безымянным. Он щелкал с утра до вечера, всем на нервы действовал, особенно родителям.

Однажды пришел отец с работы, прилег на постель и попросил:

— Сынок, не шуми. Дай мне отдохнуть в тишине.

Мальчик не послушался — ходил возле постели и щелкал. Ох и рассвирепел отец! Отвел сына в самую чащу леса и оставил там. Дело было зимой, в лютый мороз. Сбежались волки, хотели мальчика растерзать, а он на высокую сосну забрался. Волки ему кричали:

— Слезай! Все равно замерзнешь и свалишься.

А мальчик в ответ только пальцами щелкал да шишками в них пулял.

Под утро разошлись волки по норам. Только вожак остался. Лежит под деревом, с мальчика глаз не сводит. А тот знай себе пальцами — щелк-щелк! Через час от этого щелканья у вожака разболелась голова. Завыл он жалобно. Собрались волки под деревом, сонные-пресонные. Они от щелканья заснуть не могли, лежали в норах, ворочались, мальчишку нехорошими словами поминали. Взмолились волки:

— Перестань щелкать! Мы знаем, где разбойники в лесу сундук с золотом закопали. Забирай его и оставь нас в покое.

Выкопал мальчик клад и домой отправился. А волки по норам разбежались и в минуту заснули. Вернулся мальчик домой, поставил перед отцом сундук, крышку откинул и показал на монеты: «Считай!»

А у них был сосед, богатый и жадный. Вышел он утречком на крыльцо. Видит, у соседей окно приоткрыто, а из окна слышится: «Айнс, цвай, драй...» — это по-немецки «раз, два, три». Разобрало богача любопытство, что они считают? Пробрался по сугробам в соседский двор и в окно заглянул. Заглянул и обмер — он никогда столько золота не видел. Спросил богач, откуда у них такое богатство. Мальчик ему все рассказал: и про волков, и про шелканье, и про разбойничий клад. «Отведите меня к тому дереву, — попросил богач, — может, волки и мне сундучок подарят».

Отец с сыном отвели его в чащу леса, на дерево помогли забраться — он был довольно грузный и неловкий — и домой вернулись деньги досчитывать. Вскоре волки окружили сосну и спросили у богача:

— Что вы там делаете? Яблоки собираете?

Волки выпались и были в хорошем настроении.

Тот обиделся:

— Шутить изволите, да?! Сейчас вы, как миленькие, принесете мне сундук с золотом, — и пальцами толстыми защелкал.

Переглянулись волки и закивали головами:

— Принесем, принесем. А вам какой, побольше или поменьше?

Богач обрадовался и закричал:

— Самый большой!

Принесли волки большой сундук. Хотел богач крышку открыть, но волки мордами замотали:

— Не получится. Домой сундук принесете, по крышке три раза стукнете — он сам откроется.

Как волки сказали, так оно и вышло. Притащил он сундук домой, постучал по крышке, и она открылась. У богача глаза на лоб полезли — вместо золота в сундуке лежала маленькая сухонькая старушка. Старушка открыла глаза и воскликнула:

— Ах, как я проголодалась! Не найдется ли у вас пары ложек супа, кружок колбасы и полкружки молока?

Богач нахмурился. Старушка его успокоила:

— Деньги у меня есть. Этого достаточно? — она протянула пустую ладонь. Щелкнула пальцами, и в руке появились три золотых.

Богач хмыкнул, попробовал монеты на зуб, не фальшивые ли, и отправился за едой. В кладовке нашел кастрюлю позавчерашнего супа, налил полную тарелку и усмехнулся: «Не жалко — все равно выбрасывать». На полке стояла крынка с молоком, утром молочница принесла. Он плеснул молока в кружку и разбавил водой: «Жирное старикам вредно». Из миски с остатками вчерашнего ужина выудил кусочек колбасы. Хозяин любовно оглядел кладовку: полки ломились от мисок и горшков с всевозможными кушаньями, под потолком висели копченые колбасы и окорока...

Старушка уже сидела за столом и, пощелкивая пальцами, вертела головой, рассматривая расписные тарелки, развешанные по стенам. От супа она отказалась:

— Я передумала. Надо беречь фигуру. — Запила колбасу молоком и поднялась из-за. — Спасибо. Все было очень вкусно. Особенно телятина с брусникой — не хуже, чем у барона.

— Какая телятина?! — пробурчал богач. — Нет у меня никакой телятины.

Старушка пожала плечами:

— Нет так нет. Прощайте.

Она щелкнула пальцами и исчезла. И сундук пропал, будто его и не было. Лишь теперь богач догадался, кто у него побывал.

Люди называли ее Лесной старушкой. Говорили, что она живет в лесу и водит дружбу с волками.

Как-то раз Лесная старушка заявила на пир к барону и попросила стаканчик вина. Барон накричал на нее, назвал пьяницей и побирушкой. Старушка развернулась и ушла, а через несколько минут все бочки в винном погребе оказались пустыми. Пришлось наливать в кубки воду из колодца.

Богача бросило в жар. Он распахнул кладовку — хоть шаром покати! От припасов не осталось ни следа, лишь с потолка свешивались веревочки от колбас. А золотые монеты, которыми гостья расплатилась за обед, превратились в желуди. Он пересчитал их: «Айнс, цвай, драй».

Тут и сказке конец.

Старушка из носа

Жил в городе Бремене школьник по имени Ганс. Однажды он весь урок проболтал с соседом по парте, и учитель записал ему в дневник замечание: «Ганс — ужасный болтун».

Вернулся Ганс из школы и задумался, что ему делать: показать родителям дневник и получить взбучку или уйти из дома и стать уличным музыкантом. «Эх, если бы кто подсказал, как поступить!» — сказал себе Ганс и вдруг почувствовал, что у него зачесалось в носу, в правой ноздре. Он почесал нос, но легче не стало — наоборот, зачесалось еще сильнее. «Может, там прыщ вскочил?» — подумал мальчик и достал отцовское зеркальце для бритья. Это зеркальце было с одной стороны обыкновенное, а с другой — увеличительное. Поглядел он в увеличительное зеркальце и не поверил своим глазам: в его носу махонькая старушка мела махонькой метлой махонькие красные и желтые листья — дело было осенью. Старушка оторвалась от работы и поманила мальчика рукой:

— Заходи.

Теперь Ганс не поверил своим ушам.

— Куда заходить?!

Старушка сказала:

— Сюда. — Она высунула из носа метлу. — Держись.

Ухватился Ганс за метлу двумя пальцами, старушка потянула... и мальчик оказался в осеннем носу. Здесь царило «бабье лето», было тепло и сухо. Под ногами среди опавших листьев валялись желуди и каштаны.

— Тебе нужен мой совет? — спросила старушка.

Ганс кивнул:

— Да. Скажите, что мне делать: показать родителям дневник с замечанием или уйти из дома и стать уличным музыкантом?

Старушка поразилась:

— И ты еще спрашиваешь?! Конечно, идти в музыканты. Свобода! Никаких уроков, никаких домашних заданий! Утром дрыхнешь в постели сколько угодно, а спать можно ложиться хоть в час ночи. Ты на каком инструменте играешь в школьном оркестре?

— На бас-гитаре. А Гретель у нас солистка.

— Обойдемся без Гретель! Я буду петь, а ты аккомпанировать мне на гитаре, — старушка ухватила метлу наподобие микрофона и с чувством запела. — Я в весеннем носу пил березовый сок...

Ганс перебил ее:

— А как же родители?

Старушка пожала плечами:

— Известное дело: погорюют, погорюют и забудут про тебя. С глаз долой — из сердца вон.

Мальчик возмутился:

— Что вы такое говорите? — и стремглав кинулся назад. Он влетел в гостиную и протянул отцу дневник.

Отец отложил газету «Бременер цайтунг» и прочитал замечание учителя: «Ганс — ужасный болтун». Усмехнувшись, отец приписал под замечанием: «Ах, если бы Вы послушали его мать!» — и размашисто расписался.

Королева и сын мельника

Слушайте! В давние времена жил в Англии мельник, у него была водяная мельница на Темзе, и был у мельника малолетний сын, а у сына была плохая привычка — пальцем в носу ковыряться. Родители твердили мальчику: «Не смей ковыряться — это неприлично!» А он ковырялся и ковырялся. И доковырялся — палец застрял. Мельничиха хотела вызвать доктора, но отец воспротивился: «Никаких докторов! Сам засунул — пусть сам и вытаскивает».

Три дня проходил мальчик с пальцем в носу, а на утро четвертого дня увидел в небе стаю гусей и закричал:

— Смотлите! Гуси! — он тогда еще «Р» не выговаривал.

Отец замотал головой:

— Не вижу. Покажи пальцем.

Мальчик поднатужился, вытащил палец и ткнул в небо:

— Вот гуси!

Показал и засунул палец обратно в нос.

А тем временем к мельнице подплыла флотилия разукрашенных лодок. Это Ее Величество королева со свитой совершала водную прогулку по Темзе. Лодки были битком набиты баронами и баронессами, графами и графинями, герцогами и герцогинями. Ее Величество любовалась природой и вдруг почувствовала восхитительный аромат свежеподжаренной яичницы с беконом. Королева принялась и определила, что запах исходит из дома, стоящего рядом с мельницей. То мельничиха готовила завтрак. Ее Величество ступила на берег и воскликнула:

— Ах, какой симпатичный домик! — дом был наполовину увит ярко-зеленым плющом. — Ах, какой смешной мальчик! — на берегу стоял сын мельника и ковырялся в носу.

— Пливет, — сказал мальчик. — Вы моя тетушка из Лондона? — в Лондоне жила сестра его матери.

Королева рассмеялась:

— Да, я твоя голодная тетушка. Веди меня поскорей на кухню.

Подкрепившись яичницей с беконом, Ее Величество поднялась из-за стола и повелела, чтобы все, кроме сына мельника, покинули столовую. Когда они остались одни, королева шепнула мальчику:

— Давай вместе поковыряемся в носях. О, как давно я об этом мечтала!

Вскоре они присоединились к придворным. Настроение у королевы было прекрасное. Она взяла меч и посвятила мальчика в рыцари.

— Какой у меня будет герб? — спросил юный рыцарь.

Королева улыбнулась:

— Самый красивый.

И тут же придумала ему герб: на зеленом щите — палец в носу. Напрасно придворные переглядывались и пожимали плечами — Ее Величество знала, что делает.

Сын мельника вырос и стал первым мечом Англии, победителем бесчисленного числа турниров, героем многих битв. В историю он вошел под именем графа Вноссингэмского. А дуб, под сенью которого королева посвятила мальчика в рыцари, зеленеет до сих пор, его называют Королевским. Есть примета: если постоять под этим дубом и поковыряться в носу — это к счастью, к удаче.

Красные перчатки королевы

Жила-была одна маленькая принцесса. У нее была старушка-няня, которая знала много страшных историй: про красную руку и деревянную ногу, про гроб на шести колесах, про скелеты и привидения. Она рассказывала их принцессе перед сном, и та спокойно засыпала.

Однажды во дворце был бал. Горели тысячи свечей. Играли оркестры. Прогуливались наряженные кавалеры и дамы в вечерних туалетах. Принцесса танцевала, запускала в парке змея. А какие торты стояли на столах! Один точь-в-точь как замок, с шоколадным подъемным мостом и марципановыми рыцарями на стенах и башнях. В другом торте сидел живой полисмен и свистел в свисток...

Когда часы пробили десять, принцесса подошла к трону, поцеловала родителей и отправилась в постель. Ей не спалось. Из зала слышалась музыка. «Когда вернется няня?» — думала принцесса. Няня уехала в гости и обещала вернуться к концу бала.

Наконец, музыка в зале стихла. Наступила тишина. За окном сияла полная луна, заливая спальню серебристым светом. Принцесса прижимала к себе любимую куклу и прислушивалась к каждому шороху. В парке трижды прокричала сова. В углу спальни заскреблась мышь. Вдруг принцесса увидела, что ручка двери медленно опускается. Чем ниже опускалась ручка, тем выше принцесса натягивала на себя

одеяло. Когда дверь стала открываться, из-под одеяла виднелись одни глаза. В темной дверной щели показались красные пальцы... Красная рука протягивалась в спальню! «Мама!» — закричала принцесса и накрылась с головой одеялом. Знакомый голос спросил: «Зачем ты закрылась с головой? Комары заели?» Принцесса посмотрела в щелку и увидела подол маминого красного платья. Королева была на балу во всем красном: красные туфли на высоком каблучке, красное бархатное платье со шлейфом... и длинные красные кружевные перчатки. Принцесса обняла маму и спросила: «Когда же вернется няня? Я не могу уснуть без страшной истории».

В следующую секунду с грохотом распахнулось окно, и в спальню на метле влетела старушка-няня. Отбросила в сторону метлу и кинулась к принцессе: «Бедняжка, уже полночь, а ты еще не спишь! Сейчас расскажу тебе самую страшную историю...» Королева поспешила оставить их одних.

У няни были длинные белоснежные зубы, почти достававшие до подбородка. Правый глаз горел красным огнем, левый — зеленым, что нередко приводило к авариям и пробкам на дорогах. Водители принимали глаза за светофор, видели одновременно красный и зеленый свет и в растерянности жали на тормоза. Один полисмен даже задержал и оштрафовал ее на десять фунтов. Няня рассвирепела, уменьшила полисмена в тридцать три раза и на полдня поместила в бисквитный торт. Причем полисмен ничего этого не заметил — вместе с ним во столько же раз был уменьшен и перенесен в торт весь перекресток, где бобби дежурил, с домами, машинами, пешеходами и ларьками мороженого. Как только торт разрезали, полисмен пулей вылетел вон, измазавшись с головы до ног кремом. Кометой пронесся над городом, обрел в полете обычные размеры и очутился у порога своего дома. Неприятности начались за порогом —

ревнивая жена приняла сливочный крем за губную помаду и устроила ему хорошенькую взбучку.

Обычно на плечах у няни сидели две кошки. Одна черная в красную клетку, гладкошерстная — шотландской породы. Другая белая, как снег, пушистая, в платочке — сибирская. В Сибири, как известно, всегда очень холодно, по улицам ходят белые медведи в шапках-ушанках, а кошкам на головы повязывают теплые пуховые платки. Нянины кошки были добрые и мышей не трогали.

То, что обвивало ее шею, можно было принять за широкий кожаный воротник. На самом деле это была чертова дюжина, то есть тринадцать летучих мышей-вампиров со сложенными кожистыми крыльями. Из всех летучих мышей только два вида, десмодус и дифилла, сосут кровь. Они обитают в джунглях Южной Америки. Остальные совершенно безобидны. На шее у няни гнездились дифиллы. Она называла своих мышек кровососиками. Сначала принцесса их боялась. Тогда няня уколола ей палец веретеном, выжала каплю крови и поднесла к мордочке мыши. Та понюхала и отвернулась. Няня объяснила: «Ты же принцесса, а голубая кровь им не по вкусу».

Вместо правой ноги у старушки были сухие белые кости, берцовые и бедренная, даже без сухожилий. Как только она могла ходить?! А няня не просто ходила или ковыляла — скакала на одной костяной ножке не хуже школьницы. Скакала и оглядывалась по сторонам, нет ли поблизости короля и королевы — несолидно пожилой женщине играть с маленькой принцессой в классики...

Няня подоткнула принцессе одеяло и начала страшную историю: «Жила-была королева, ну, как твоя мама. У нее были длинные красные кружевные перчатки. Ложась спать, она вешала их на спинку стула. Однажды ночью королева проснулась и увидела, что перчаток на стуле нет. Вдруг за дверью послышался сдавленный крик. Она открыла дверь

— там, на полу в коридоре, корчился бандит в черной маске. Одна красная перчатка зажимала ему нос, другая... Ты меня слушаешь?» Няня поглядела на принцессу — та улыбалась во сне. Няня широко зевнула, с хрустом потянулась, устроилась поудобнее в кресле-качалке и через минуту так захрапела, что заколыхались на окнах зановески, а в дворцовом парке с деревьев посыпались яблоки.

Непослушные дочери

Жила-была на окраине Сиднея вдова, и было у нее три дочери: Одноглазка, Двуглазка и Троеглазка.

Раньше у Одноглазки было три глаза. Не слушалась дочка матери, по лесу бегала, два глаза сучком выколола. Двуглазка тоже с тремя глазами была. По ельничку с сестричкой носилась, один глаз на сучок наколола. Троеглазка же матушку во всем слушалась — и осталась с глазами, третий глазок у нее во лбу был.

Пролетал мимо Змей о трех головах, взял в жены Троеглазку и унес к себе в замок на край света, на остров Тасмания.

Осталась матушка с двумя непослушными дочерьми. Однажды сказала им: «Не купайтесь в лесном озере. Там водяной сидит, на дно утащит». Не послушались дочери, побежали наперегонки в том озере купаться. Двуглазка первой прибежала. Утащил ее водяной, свадьбу шумную справил: озеро бурлило, как вода в котле.

Осталась матушка с одной Одноглазкой. Однажды сказала ей: «Не ныряй в море-океан в незнакомом месте, там могут быть коряги». Не послушалась Одноглазка, нырнула с высокого берега в незнакомом месте. На корягу не напоролась, зато попала акуле в зубы. Зубы у акулы, как набор кухонных ножей, один другого больше, и все острые-преострые. Откусила акула ногу, и стала Одноглазка Одноножкой.

Однажды сказала ей мать: «Не подходи на улице к незнакомым мужчинам, не слушай их речей медовых, лживых». Не послушалась... Остановил ее на улице первый встречный, конфетку протягивает и шепчет что-то. «Говорите громче», — просит Одноглазка и Одноножка. А он рукой манит. Подскочила к нему на одной ножке и ухо подставила: «Ась?» А он — цап! — и откусил ухо под корень. Стала Одноглазка и Одноножка Одноушкой.

Сидит, бывало, на крылечке, ножкой покачивает, глазом каждого прохожего провожает. Бегут мимо аборигены с копьями, едут фермеры на фургонах — никто на Одноглазку Одноножку Одноушку даже не посмотрит, не оглянется. Кому такая нужна?!

Вдруг трах! бах! — вошли в гавань Сиднея сто кораблей. На главном — сам адмирал Нельсон. Молодой, красивый, в битвах покалеченный: одной ноги нету, ухо саблей отрублено, вместо глаза черная повязка, к другому подозрная труба приставлена. Разглядел в трубу красну девицу и руки ей протянул. И она ему руки протянула. Их руки встретились. Сжал ее пальцы нежно и взмолился: «Будь моей женой, Двуручка!» Побежала непослушная дочка к матери за советом, выходить за Нельсона или нет. Сказала ей мать со слезами: «Не выходи, доченька». На следующий день свадьбу сыграли. Невеста была во всем белом, на двух глазах белые повязки; жених — во всем черном, на глазу черная повязка. У нее ножка — из белой березы, у него — из черного железного дерева.

Пир был на весь Сидней, три дня никто глаз не смыкал!

Хик-Пятый Причал

Жил некогда в Сиднее муравьед по прозвищу Хик-Пятый Причал. Он на пятом причале на погрузке-разгрузке подрабатывал. И ночевал тут, на причале. Из вещей у него было: будильник без стрелок да рваное одеяло. Зато каких только

невероятных историй про него не рассказывали. Не рассказывали, например, такую.

Наступила зима. Повалил снег. Ударил первый трескучий морозец. Полопались у муравьев в погребнице банки с зелеными ананасами. Пришла к муравьям стрекоза и взмолилась: «Дайте поесть. Умираю с голода». Спросили муравьи: «Чем ты летом занималась, почему корм на зиму не запасала?» Она ответила: «Некогда было: песни пела». Засмеялись муравьи и говорят: «Если летом пела, зимой попляши». Упала стрекоза на землю и умерла от голода. Еще громче засмеялись муравьи. Так хохотали, что разбудили глуховатого муравьеда. Пришел Хик-Пятый Причал и съел всех муравьев до единого. Прожевал последнего и сказал: «Не брючный ремень красит муравьеда, а его одеяло».

Или такую историю не рассказывали. Один дед-абориген сажал яблоню. Выкопал ямку, поставил саженец, присыпал землицей, полил водицей. Стоит, делом своих рук любит.

— Дедушка, поиграй со мной, — просит внучок.

Отвечает дед:

— Некогда, внучок. Видишь, яблоню посадил. Пройдут годы — вырастет она большая-пребольшая. Каждую осень ты будешь собирать с нее мешок яблок, вкусных-превкусных.

Отдохнул дед и стал сажать грушу. Выкопал ямку, поставил саженец, присыпал землицей, полил водицей. Стоит, любит.

— Дедушка, ну поиграй со мной, пожалуйста!

— Некогда, внучок. Видишь, грушу посадил. Пройдут годы — вырастет она большая-пребольшая. Каждую осень ты будешь собирать с нее два мешка груш, сочных-пресочных.

Отдохнул и стал сажать абрикос. Выкопал ямку, поставил саженец, присыпал землицей, полил водицей. Стоит, любит.

— Ну, дедушка, пожалуйста, поиграй со мной!

Погладил дед внучонка по голове и ласково сказал:

— Некогда, внучок. Видишь, абрикос посадил. Прой... — не договорил дед-абориген, упал на сырую землю. — Ох-ох-ох!

Однажды в студеную зимнюю пору сумчатые зайцы обглодали кору на яблоне, и деревце замерзло, а весной сумчатые мыши погрызли корни у груши.

Абрикос же оказался не абрикосом, а баобабом. По сей день зеленеет на окраине Сиднея столетний баобаб-великан. Птицы выют гнезда в его густой кроне, сумчатые белки скачут, запасаясь на зиму баобабовыми желудями и орехами; сумчатые медведи коала висят вниз головой; жучки и паучки ползают по извилинам толстой коры — и все ежедневно славят деда-садовода.

А внучок, у которого на уме были одни лишь игры да забавы, — о нем жучки и паучки даже не вспоминают.

Муравьед Хик-Пятый Причал любил сидеть по субботам в тени баобаба, трясти у уха будильником без стрелок и говорить: «Все хорошо, что хорошо».

Часть IV Беседки

Как у папы вырос глаз

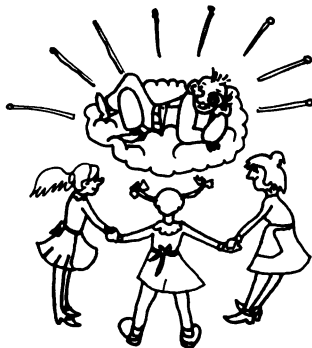
Однажды третьеклассница Маша пожаловалась отцу:

— Я упала на физкультуре и расшибла коленку, — она по-морщилась от боли.

Отец пожалел ее:

— Не расстраивайся. Заживет. Думаешь, у меня в твои годы не случилось несчастий. Сколько угодно. Почти каждый день.

В первом классе играли во дворе в мушкетеров, и мне выкололи глаз. Правый... или левый. Уже не помню. Новый

вырос. Еще краше старого: большой, голубой. Ресницы — вот такие. Десять сантиметров. Точно помню. Девчонки мерили себе на переменах ресницы, спички на них укладывали. У кого три ляжет, у кого четыре. У Маши Медниковой — пять. А я целый коробок мог поставить. Гляну на какую-нибудь девчонку своим голубым глазом — она одной рукой за сердце хватается, другой — записку строчит: на свидание приглашает.

— Почему же у тебя теперь оба глаза зеленые? — спросила Маша.

— От лимонов. Я очень лимоны любил. Если смешать голубую краску с желтой, какой цвет получится? Зеленый. Во втором классе я без ноги остался. Акула откусила. Мы тогда у Средиземного моря жили, в Ялте...

— Папа, Ялта на Черном море!

— Я перепутал: не в Ялте, а в Сан-Ремо. Мама говорила: «Не ныряй в Средиземное море в незнакомом месте». Я не послушался и нырнул, а там — акула. Через неделю новая нога отросла: длинная, красивая. Под партой не помещалась, я ее в проходе между парт вытягивал. В Сан-Ремо кинофестивали проводят. Так мне чуть премию «Оскар» не дали, «за лучшую иностранную ногу года»...

Маша рассмеялась.

Отец сказал:

— Смеешься, да? И правильно делаешь. Дай я тебя обниму.

Маша прислушалась:

— Что это стучит?

— Сердце. Переживаю за тебя.

— Папа, — девочка прижалась к отцу, — не расстраивайся!

— Постараюсь...

О вреде и пользе чистки зубов

Один мальчик был очень послушный. Мама ему говорит:

— Почисти, пожалуйста, зубы.

И он чистит. Чистит и чистит, пока мама не скажет:

— Сколько можно зубы чистить?! Иди завтракать — в школу опоздаешь.

Однажды она сказала:

— Не забудь почистить зубы, — и на работу убежала. Вернулась вечером домой, а он все чистит, третий тюбик зубной пасты доканчивает. Вот какой послушный мальчик. И все у него было хорошо, учился на одни четверки и пятерки.

А другой мальчик был непослушный. Мама ему говорила почистить зубы, а он корчил рожи перед зеркалом. Конечно, зубы у него болели и скоро один за другим выпали. Но не все. Два зуба остались, те самые, что называются клы-

ками. И что самое удивительное, эти зубы продолжали расти. И росли не по дням, а по часам.

Во втором классе они стали как бивни у моржа. Уткнется зубами в парту и смотрит печальными глазами на доску. Учительницу это очень смешило, она не могла нормально вести урок и снижала мальчику оценку по поведению. Зато ребята к его виду быстро привыкли и даже гордились, что у них в школе есть такая своеобразная личность. В конце сентября оба вторых класса собрались на экскурсию в Звенигород. Учительница сказала:

— Воду с собой не берите. В Звенигороде есть старинный Успенский собор на Городке. Собор стоит на высоком холме, а из холма бьют родники с вкусной и чистой водой. Запаситесь в дорогу бутербродами, можете консервы взять...

Ребята набрали целую гору консервов, а нож консервный забыли. Так мальчик вскрыл их клыками за пять минут.

Друзья знали — с ним можно ничего не бояться. Идут, бывало, из школы. Рюкзаками друг дружку по головам лупят. Вдруг из подворотни вылезает огромная дворняга, помесь овчарки и бизона. Рычит, пеной из пасти брызгает, зубы свои громадные показывает. Мальчик ей свои зубы пока-

жет — и собака сразу убежит. Сидит за воротами, лапой голове блохастую чешет и мечтает: «Эк, мне бы такие клыки!»

Или возвращались они однажды с приятелем с катка, это было уже в третьем классе. Вдруг на бульваре подходят к ним трое, лет на десять старше и на три головы выше.

— Закурить не дашь? — спрашивают у мальчика.

— Не курю.

Он, правда, не курил.

— А выпить не найдется?

Мальчик руками развел:

— Нету. Сам бы напился. У вас, кстати, какая группа крови?

Пацаны удивились:

— А тебе какое дело?

Мальчик объяснил:

— Понимаете, после второй группы крови у меня утром голова болит.

Они еще больше удивились:

— Не понимаем!

Он шарф размотал, клыки свои показал:

— Вампир я, понимаете?

Они моментально домой заспешили. Вспомнили, наверное, что у них завтра контрольная по алгебре, формулы надо повторить...

После третьего класса отец мальчика взял его с собой в экспедицию на Чукотку. Экспедиция занималась тем, что считала моржей: сколько самцов, сколько самок, сколько детенышей. Моржи людей боялись и близко к себе не подпускали, сразу ныряли в воду. А мальчика они приняли за своего. Он лежал на берегу на самом видном месте и водил пальцем: «Один папа-морж, второй папа-морж, третий папа-морж...»

А там, на Чукотке, живут эскимосы. Они ловят рыбу, охотятся на моржей, а темными зимними вечерами вырезают из

мамонтовой кости разные фигурки: северных оленей в упряжке, белых медведей с медвежатами. И еще выцарапывают на моржовых клыках картины из своей жизни. Один из таких костерезов по фамилии Тегнылькут увидел зубы мальчика и пришел в восторг: «Какие красивые клыки, однако!». И уговорил мальчика выцарапать на зубах иллюстрации к эскимосской народной сказке «Жадный мальчик». Зубы получились — просто загляденье, часами можно было рассматривать: вот жилища эскимосов — чумы стоят на берегу, вот моржи ползают на льдине, а вот охотники бросают в кита гарпун...

И так случилось, что как раз тогда на Чукотке находились ученые из США, собирали экспонаты для выставки «Сайбириан Арт — Искусство Сибири». Увидали прекрасные зубы мальчика и загалдели: «Оу, бьютифул! Оу, бьютифул!» Пришлось ему лететь в Нью-Йорк и стать главным экспонатом выставки.

А в Америке сейчас все с ума посходили с чисткой зубов. Дряют их с утра до вечера. Перед завтраком и после завтрака, перед обедом и даже между блюдами: поедят супа — и чистят, сжуют жареного цыпленка — и чистят, и после сладкого обязательно надо почистить. У них там тысячи сортов зубных паст и щеток, а стоматологов — не счесть, куда ни пойдешь, на каждом шагу таблички: «Зубной врач такой-то. Принимает с 8 до 17. Зубной врач сякой-то. Принимает круглосуточно».

Стоматологи пришли на выставку и подарили мальчику какую-то особенную зубную пасту. Мальчик почистил зубы. Зачем он это сделал, непонятно, и не прошло и трех дней, как у него выросли все остальные зубы, а клыки выпали. Один клык за несметные деньги купил Нью-йоркский музей современного искусства, другой лежит в Третьяковской галерее, неподалеку от картины Сурикова «Завоевание Сибири Ермаком».

А мальчик учится в пятом классе. По поведению у него всегда пятерка — теперь учительнице не до смеха. И на каток он с другом давно не ходил: некогда, на носу контрольная по немецкому, надо повторить падежи: «Их либе, ду либст, ер либт...»

Зубы с тех пор мальчик больше не чистит, но они все равно сверкают белизной, как у голливудских кинозвезд. Каждую минуту он трогает языком клыки. И вот сегодня левый клык, кажется, чуть-чуть подрос...

О вреде и пользе страха перед темнотой

— Папа, в моем возрасте ты боялся темноты?

— Я всего боялся: и темноты, и света... Когда меня утром будили и зажигали в комнате свет, я кричал: «Ой, боюсь! Выключите! Я посплю еще пять минуток». А вечером кричал из постели: «Ой, боюсь! Не выключайте свет! Я еще прочитаю пять минут».

— А чего ты боялся больше, темноты или света?

— Одинаково. Но больше всего я боялся двоек. Когда учительница поставила мне в дневник первую двойку, я спрятался под парту и завопил на весь класс: «А-а-а! Мне страшно! Зачеркните немедленно эту гадину!» Учительница спросила: «Почему?» Я объяснил: «Да потому, что двойка похожа на змею с поднятой головой! Однажды в детстве я несся сломя голову по цветущему лугу и провалился в ста-

рый сухой колодец. А в колодце было полным-полно змей. С тех пор я боюсь всего, что похоже на змей. Пожалуйста, поставьте тройку! Тройки похожи на чаек, а я люблю бегать по берегу моря и бросать чайкам хлебные крошки». Учительница исправила отметку, а на следующий день забыла про вчерашнее и опять вкатила мне пару. На этот раз я вылез из-под парты только после того, как двойка превратилась в пятерку с плюсом.

— Разве пятерка тоже похожа на чайку?

— Нет. Зато ее хвостик напоминает развевающийся переломанный флагок. «Миру — мир!», «Май — мир — труд!»

— А почему с плюсом?

— Тогда я мечтал о складном швейцарском ножике. А какой значок стоит на этих ножах?! Плюс. У Швейцарии такой флаг: белый крест на красном фоне.

— И больше тебе двоек не ставили?

— Нет.

— Ага, папочка, теперь мне ясно, что означает твоя тройка по-английскому за одиннадцатый класс!

— Дочка, ты ошибаешься! Это твердая тройка! Ю андес-тенд ми?

— Понимаю. Чего ты еще боялся?

— Больше ничего. Только темноты, света и двоек. Даже циклопа не боялся.

— Циклопа?! Это же сказка?!

— Для кого сказка, а для меня сама жизнь. Однажды в пятилетнем возрасте я копался в песочнице и выкопал пластмассовой лопаткой длинный-предлинный подземный ход.

— Под землей было темно?

— Разумеется.

— И ты не боялся темноты?

— Так у меня с собой был фонарик: китайский, с двумя батарейками. Копал я, значит, копал и докопался до како-

го-то небольшого острова в Средиземном море. Знаешь, как я догадался, что это Средиземное море? Выбрался из подземного хода, огляделся — там земля, там земля, а СРЕДИ ЗЕМЛИ — море. Как оно может называться? СРЕДИЗЕМНОЕ, не иначе. А посреди острова была скала, а в той скале — пещера, темная-претемная! Я вошел в нее и затрясся от страха.

— Но у тебя же был фонарик?

— Фонарик остался в подземном ходе — я же не знал про пещеру. А в этой пещере жил циклоп.

— Одноглазый?

— Да. Глаз у него, как и положено у циклопов, находился на лбу.

На других островах Средиземного моря циклопы давно вымерли, а этот сохранился. Там из скалы вытекает источник с минеральной водой, а в той воде очень много ВИТАМИНОВ. Знаешь, как переводится латинское слово «вита»?

— Жизнь.

— Правильно. Циклоп пил целебную воду и дожил до наших дней. Это был настоящий великан и притом людоед.

— Ты испугался?

— Нет. Я же тебе говорил: темноты я боялся, а циклопов нет. Увидев циклопа, я мгновенно успокоился. Он облизнулся и протянул ко мне свои волосатые руки. Не долго думая, я выхватил из кармана пистолет и скомандовал: «Стой! Стрелять буду!» Циклоп остановился. Я нажал на курок. Великан взревел — я попал ему точно в глаз. А пистолет был, конечно, игрушечный. Он заряжался такой маленькой пластмассовой стрелкой с резиновой присоской. На какое-то время циклоп потерял зрение — присоска плотно накрыла ему глаз. Я попятился и уперся спиной в буфет...

— Буфет в пещере?!

— Да, представь себе! В этом буфете хранилась гордость циклопа — коллекция хрусталя: всевозможные вазочки и конфетницы, фужеры и рюмки.

Наконец циклоп освободился от присоски. При этом глаз у него покраснел и чуть не вылез из орбиты. Разъяренный великан вооружился огромной дубиной. Я прижался к стеклянной дверце буфета. Циклоп махнул рукой, дескать, отойди от буфета. Я замотал головой. Затем медленно открыл дверцу и, не сводя глаз с циклопа, достал с полки какую-то хрустальную посудину. Это оказался кувшин для морса. Я подкинул кувшин на руках. Циклоп сразу опустил дубину. Я спросил: «Сдаешься?» Циклоп закивал: «Сдаеся-сдаеся!»

— Как японец, да?! А что дальше было?

— Ничего особенного. Я искупался в Средиземном море и вернулся по подземному ходу на детскую площадку.

— А с кем ты гулял на площадке?

— С отцом.

— И он не заметил, что тебя долго не было?!

— Конечно, заметил. Поругал немножко... Доченька, ты знаешь, сколько сейчас времени?! Пять минут двенадцатого! Немедленно спать!

— Ой, боюсь! Не выключай свет!.. Я почитаю пять минут, а?

— Хитрюга! Ладно, читай. Свет сама потушишь.

О вреде и пользе чтения

— Папа, сегодня на уроке чтения Зинаида Ивановна проверяла с секундомером, как быстро мы читаем. Я за минуту прочитала девятнадцать знаков.

— Это много?

— Ты что?! Очень мало. Антон Савельев читает сто двадцать.

— А я знал одного мальчика, который читал двести сорок. Глянет раз, глянет два и переворачивает страницу. Он

читал с утра до вечера. И ночью читал, накрывшись одеялом, при свете карманного фонарика. И стал таким ученым, что на любой вопрос мог ответить. Спросишь у него: «Как отчество Александра Македонского?» «Александр Филиппович.» — отвечает. «Как по-настоящему звали Марка Твена?» — «Сэмюель Клеменс.» «Сколько спутников у Марса?» — «Два: Деймос и Фобос.» Вот какой умный мальчик. Ну, прямо ходячая энциклопедия.

Читал он, читал и совсем испортил зрение. Повели его к врачу в поликлинику. Показал ему доктор таблицу с разными буквами — ни одной не разглядел, даже самой большой. Выписали мальчику очки с толстыми выпуклыми стеклами. В них он хоть что-то видел на улице.

Однажды мальчик катался на лыжах. Поехал с горки, а там был трамплин. Мальчик полетел в одну сторону, очки — в другую. Долго искал очки, весь снег кругом изрыл. Не нашел. И пошел домой наугад, на ощупь. Шел, шел и вдруг ка-ак стукнется! Пришел в себя и видит: лежит перед ним девушка — да какая! Носик длинный. Коса до пояса. О-о-о!

Очнулась девушка и спрашивает:

— Где я?

— Не знаю.

— А вы кто?

— Не знаю.

— Что же вы знаете?

— Знаю, что краше вас не видел девушек.

— И много вы девушек видели?

— Мало. У меня очень плохое зрение. — Говорит мальчик, а сам удивляется: каждую веснушку на ее лице сосчитать может.

Потер глаза. И она трет.

— Что это со мной? — спрашивает девушка. — Я ведь тоже очень плохо видела. Каталась на коньках, потеряла очки и заблудилась.

Оглядела себя и залилась краской: «Ой!» Юбка еле-еле ноги прикрывает, и свитер совсем мал — живот голый, руки по локоть из рукавов торчат. Мальчик опустил глаза, посмотрел на свои ноги и ахнул: лыжные ботинки «каши просят», пальцы целиком вылезли, а ногти?! Давным-давно не стрижены, загибаются, как когти у зверя. «Сколько же времени я шел?» — подумал мальчик. «Теперь в куклы не поиграешь», — подумала девочка. Уставились друг на друга, глаз отвести не могут. Ясное дело — любовь. Долго стояли: у него усы под носом выросли, у нее коса еще на полметра длиннее стала. Что им оставалось?! Сыграли свадьбу.

Вот до чего чтение доводит!

О Бранденбургских Воротах

— Папа, сегодня на уроке немецкого мы изучали, где что в Берлине находится: разные дворцы, музеи, театры. А ты бывал в Берлине?

— Сто раз.

— И Бранденбургские ворота видел?

— Конечно. Стоял и глазел на эти Бранденбургские ворота, как баран на новые ворота.

— Не Бранденбургские, а Бранденбургские!

— Я пошутил.

— А что тебе еще в Берлине понравилось?

— Все.

— В город ты вошел, разумеется, через Бранденбургские ворота?

— Разумеется. Широким шагом.

— И ворота были открыты? Подъемный мост опущен?

— Ну. Я же днем проходил.

— И стражники взяли за вход пять марок?

— Взяли. Одну российскую с Ту-154 и четыре египетских, треугольных, с пирамидами.

— Почтовых?

— А каких же еще?!

— Папа, скажи честно, ты не бывал в Берлине, да?

— А как ты узнала?

— Очень просто. Бранденбургские ворота находятся в центре города, на Унтер дер... ой, забыла, как улица называется!

— ... ден Линден.

— Да, на Унтер ден Линден. Ворота никогда не запираются. И моста там никакого нет. И стражники не стоят. А марки — это у немцев деньги.

— Ясно. Поедем в Берлин — возьмем с собой все мои марки. Знаешь, сколько их у меня?! Два толстых альбома. Монгольские, венгерские, кубинские, польские... До девятого класса собирал.

— Папа, ты не понял. Марками называются деньги. У нас рубли, у американцев доллары, а в Германии марки.

— Теперь ясно... Но почему марки? Назвали бы рублями. А то с почтовыми марками можно перепутать.

— Не беспокойся, никто не путает... Между прочим, герб Берлина похож на герб Новгорода...

— Новгорода? Какого: Нижнего, Среднего или Верхнего?

— Папа, не шути. Есть только два Новгорода: Великий и Нижний. На гербах Новгорода Великого и Берлина нарисован медведь. Понятно?

— Ну.

— Перестань нукать. Ой, до чего же ты, папа, темный!

— Ничего удивительного. У нас в роду все были темноволосыми: и отец, и дед, и прабабушка... И не маши, пожалуйста, рукой — вывихнешь ненароком. Я в газете читал: в Подмоскovie один медведь вот так лапой махал и по носу себя стукнул. Нюх отшиб. Тут-то его звероловы и сцапали. Теперь проживает в «Зoo»...

- В Берлинском зоопарке?!
- Клетка просторная, с кондиционером. Трехразовое питание. Все кругом вежливые: «Данке... битте... я-я...» Не жизнь, а малина.
- Бедный мишка. Папа, тебе его жалко?
- Жалко. Небось, по берлоге скучает.
- Ну.

О страхе перед лифтом

- Папа, ты боишься ездить в лифте?
- Очень. Когда я в него вхожу, у меня ноги начинают трястись. Лучше со мной вместе не ездить.

Однажды я ехал с двумя парнями из охраны. У нас на одиннадцатом этаже находится какая-то иностранная фирма. Эти люди ее охраняли. Такие здоровенные, под два метра. Они спускались с одиннадцатого этажа, а я присоединился к ним на восьмом. От страха перед лифтом у меня сразу затряслись поджилки. Дрожь передалась лифту, и кабину стало швырять из стороны в сторону. Для меня это привычное дело, а парни чуть не плакали — боялись, что трос оборвется.

Разумеется, мы доехали благополучно. Тросы у лифтов прочные, из стальной проволоки.

— Папа, помнишь, как мы застряли между этажами с двумя американцами. Они были из этой фирмы, да?

— Точно. Один был американец, миллионер. Другой — пуэрториканец, его секретарь.

— Я тогда тоже перетрусила. Закричала: «Спасите!» Я же маленькая была.

— Да, ты ходила в первый класс. А помнишь, как этот миллионер остался тогда без одного из своих миллионов?

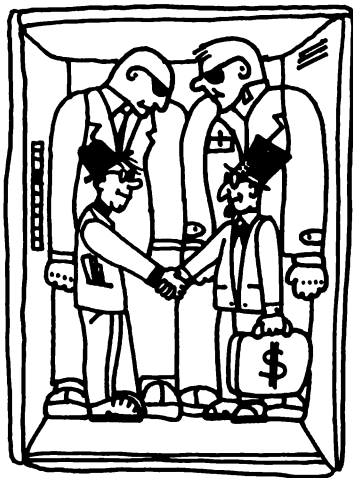
— Не помню. Расскажи.

— Американцы очень любят держать пари. Когда кабина застряла между этажами, я заключил с ним пари, что через три минуты мы спустимся вниз. Он сказал, что это невозможно: пока придут ремонтники, пока найдут неисправность... Пospорили на миллион и ударили по рукам. После чего я нажал на кнопку «стоп», а потом сразу на кнопку первого этажа. И через три минуты ему пришлось выписать чек на миллион долларов.

— Откуда ты знал, что надо нажимать на эти кнопки?

— Дело в том, что лифт не сломался, он просто остановился. Там было тесно: мы с тобой везли санки, а у них был большой чемодан. Ты прижалась к стенке и случайно задела головой кнопку «стоп»...

— Ты это видел?

— Нет, догадался. Такая же история случилась со мной раньше. Я нечаянно облокотился на кнопку «стоп», и лифт остановился. Нажал на кнопку «вызов», и дежурная объяснила по микрофону, как сделать, чтобы снова поехать.

— Хитрюга!.. А если бы ты ошибся, и лифт сломался по-настоящему, например, из-за перегрузки?

— Кто не рискует, тот не выигрывает.

— А куда делся этот миллион?

— Пропорил американцу. Он оказался не так прост. Не моргнув глазом, подмахнул чек на миллион долларов и предложил: «Спорим еще на один миллион, что я быстрее произнесу алфавит». Пospорили. На счет «три» я затараторил, как из пулемета: «А, б, в, г, д, е, ё, ж, з...» А он спокойно произнес: «Ал-фа-вит». Как я мог забыть этот детский розыгрыш?!

— Папа, ты давно боишься лифта?

— С детства. Я же вырос в маленьком сибирском городке. У нас самый высокий дом был двухэтажный. Первый раз я увидел лифт, когда мне было пять лет. Мой старший брат Борис поступил в Московский университет...

— Разве у тебя есть брат?

— Двоюродный, сын дяди Толи и тети Иды. Поступил, значит, Глеб в университет...

— Борис.

— Не перебивай. Поступил Борис в МГУ и прислал домой уйму денег половину своей стипендии. И мы всей семьей поехали в Москву. Сначала на санях до станции, а потом четверо суток на поезде. На вокзале Борис нас почему-то не встретил, я уже не помню, почему. Пришлось самим добираться до Университета на Воробьевых горах. А Борис жил в общежитии на тридцать восьмом этаже. Столпились мы перед лифтом, глазами хлопаем...

— Сколько вас было?

— Считай сама: дедушка, бабушка, отец, мать, дядя Толя, тетя Ида, шестеро братьев, включая меня, и семеро сестер, тоже двоюродных.

Сколько получилось?

— Девятнадцать.

— Стоим, значит, в девятнадцати затылках чешем. Лифты в МГУ огромные, как целая комната, только без окон. Двери раздвигаются и сдвигаются, как в капкане. Отец махнул рукой: «Айда пешком!» И потопали мы на тридцать восьмой этаж. По дороге к нам еще много людей присоединилось. Видят — валит вверх по лестнице толпа. Ясное дело — опять лифт сломался. Топаем и топаем, как альпинисты: двадцатый этаж, двадцать первый...

— И дедушка топал?

— Не отставал. И меня за руку тащил. Между прочим, он был в нашем районе лучшим пимокатом. Так в Сибири называются мастера, которые делают валенки. Настоящие валенки должны быть легкими и упругими. Знаешь, как проверяют валенки? Бросают об пол. Хороший валенок должен подпрыгнуть несколько раз. Дедушкины валенки скакали целый день. В избу нельзя было войти. Скачут валенки и скачут. Мы их наволочками ловили.

— А до Бориса-то вы добрались?

— Добрались. А на следующий день я впервые прокатился на лифте. Вот страха натерпелся!

— Папа, но ты же ни капельки не боишься, когда едешь со мной?!

— Ну, с тобой мне ничего не страшно. Ты же меня защитишь. Правда?

— Защищу... Папа, если честно, я тоже иногда боюсь ездить в лифте, особенно одна.

— Я это сегодня утром заметил. Лифт стоял на нашем этаже открытый, двери заело, и ты топталась перед ним,

не решаясь войти. Не бойся, входи и нажимай кнопку нужного тебе этажа — двери закроются. А можно их закрыть, и не входя. Просунь в кабину руку и нажми на любую кнопку — они тоже закроются. Но при этом надо успеть отдернуть руку, иначе двери могут ее прищемить. Это еще полбеды. А если лифт поедет и потащит руку за собой?! Со мной однажды такое случилось.

Ты тогда была совсем маленькой и, конечно, этого не помнишь. Мое счастье, что я отправил лифт не далеко, с восьмого этажа на пятый. Он ехал, а рука все вытягивалась и вытягивалась. На пятом этаже двери наконец раздвинулись. В ту же секунду кто-то завизжал на весь дом. Это кричала мама Филиппа — в лифте ей привиделась волосатая рука. А мы с тобой весь вечер играли в прятки. Ты пряталась, а я искал. Сидел на кухне, пил чай с баранками, а моя трехэтажная рука ползла из комнаты в комнату, как удав. Когда она оказывалась совсем близко, ты не могла сдержаться смеха, а я тебя хватал и щекотал. К утру рука стянулась и стала почти такой, как другая. Вот посмотри: правая чуть длиннее, сантиметра на два... Видишь?

— Да, вижу. Бедный папа! У тебя и правый глаз в два раза больше. Ты в лифт не заглядывал, когда на кнопку нажимал?

О босоногом детстве и астронавте Армстронге

— Папа, ты высокий?

— Нет. Метр семьдесят пять считается средним ростом.

— А ты выше своего папы?

— Да, на несколько сантиметров.

— А своего дедушки?

— Ну, дедушка был совсем маленький: метр пятьдесят «с кепкой». В нашей деревне все были невысокого роста. Девушки, чтобы казаться выше, к валенкам «шпильки» приделывали.

— И ты носил высокие каблуки?

— Я не девушка. Между прочим, в твоём возрасте я круглый год ходил босиком — жили мы бедно, всем детям на обувь денег не хватало.

— Как же ты зимой ходил в школу?

— Зимой я не ходил в школу, а ездил. На лыжах. В Сибири снег выпадает в начале ноября и лежит до конца апреля. То есть полгода мы с утра до вечера гоняли на лыжах. Ох, какие у нас там были горки, с трамплинами — дух захватывало!

— Папа, ты же сказал, что зимой ходил босиком?!

— Да, в школе. Сменная обувь была родителям не по карману. Еле-еле наскребали на лыжные ботинки фирмы «Adidas»...

Школа у нас была хорошая и учителя очень хорошие: Вера Ивановна и Клара Карловна.

— Только две учительницы?

— Да. Остальные не дошли, повернули назад. Знаешь, сколько километров от нашей деревни до ближайшей железнодорожной станции?! Ровно сто. И никаких дорог, только тропки. Кругом суровая сибирская природа, непроходи-

мая тайга, незамерзающие бурные реки, бурые медведи, голодные волки, кровожадные пираньи...

— Пираньи?!

— Ой, я оговорился: не пираньи, а рыси. До места добрались только самые лучшие. Вера Ивановна окончила физкультурный институт. Она преодолела эти сто километров с рекордным временем — за двое суток. А Клара Карловна ориентировалась в пути по звездам — она была учительницей астрономии.

— У вас было всего два урока: физкультура и астрономия?

— Да. В школе мы изучали астрономию по учебникам, а вечера проводили за телескопами — они торчали почти из каждой форточки.

— Откуда вы взяли телескопы?

— Сами сделали. Отрежешь голенище от старого отцовского валенка, запихнешь туда несколько линз — и телескоп готов.

— А линзы откуда?

— Из магазина. Их по ошибке к нам завезли. На станцию прибыло два ящика. В одном находились линзы для астрономов, в другом — куклы для нашего магазина...

— Как можно перепутать куклы с линзами?!

— Можно. На игрушечной фабрике каждой новой кукле дают имя. На ящике с линзами было написано «Линзы», на другом — «Лизы». Представь, как обрадовались дети астрономов, получив столько Лиз... Кстати, половина всех космонавтов и астронавтов — ученики Клары Карловны и Веры Ивановны.

— И американцы, скажешь?!

— Ну. Вспомни, как фамилия первого человека, ступившего на Луну?

— Армстронг.

— Знаешь, как Армстронг переводится на русский язык? Арм — рука, стронг — сильная. До отъезда в Америку он звался Коляном Сильная Рука.

Помню, в третьем классе у нас был утренник, и мы с ребятами построили на сцене пирамиду. Так будущий астронавт левую руку вперед вытянул, а на руке стояла Маша Медникова с флажком и воздушным шариком.

Есть ещё одна причина, почему наших деревенских с радостью берут в космонавты. Из-за роста. В космических кораблях довольно тесно. Высоким людям там просто не вернуться, а нашим — хоть кадриль танцуй.

— Кадриль? Что это такое?

— Танец. Только не спрашивай, как его танцуют. Не помню. Зато я прекрасно помню, как Федя Дворянчиков открыл жизнь на Марсе. Он влетел в школу прямо на лыжах. Дежурная попыталась его задержать: «Вы почему без сменной обуви?» А он ей взволнованно: «На Марсе есть жизнь!» — и фотографию показал. Снимок он сделал с помощью телескопа. Примотал изолентой к телескопу фотоаппарат и щелкнул марсианина.

— Папа, ты не шутишь? Какой еще марсианин?

— Самый обыкновенный. Мужского пола. Среднего роста. Волосы темные. Глаза серые, пронизательные. В руках школьный дневник...

— Папа, не читай!

— «Отвлекалась на уроке немецкого языка». Что это значит?

— Мы с Аней Манасян смеялись. Ничего страшного. У тебя что, никогда замечаний в дневнике не было?!

— Не помню.

— Вот-вот! Не знаешь, а говоришь. Или все марсиане такие забывчивые?

О последнем мамонте

— Папа, разбуди меня завтра без пяти восемь, хорошо?

— Ладно. А почему так рано?

— Почему-почему?! Я сегодня опять опоздала.

— И тебе влетело?

— Нет. Первым уроком был русский, а Ольга Анатольевна за опоздание не ругает; говорит, что она сама опаздывала.

— Ольга Анатольевна?! Удивительно — мою учительницу по русскому тоже звали Ольгой Анатольевной, и она тоже не ругалась.

— А ты опаздывал?

— Конечно. Как сейчас помню, войдешь в класс после звонка, извинишься, а Ольга Анатольевна скажет: «Постарайся завтра прийти вовремя — у нас будет диктант». Потом оглядит класс и руки потрет от удовольствия: «О, Петрова нет! Подождем еще минутку — интересно, какую историю он сегодня придумает?!» Вскоре из коридора слышится знакомый топот, и в класс ворвется Пашка Петров: волосы взъерошены, щеки пылают, глаза горят: «Ой, вы знаете почему я опоздал?!» Ольга Анатольевна его остановит: «Не торопись. Пройди к доске и подробно расскажи, что с тобой приключилось». И Пашка рассказывал. При этом он размахивал руками, крался вдоль доски, прыгал с воображаемой скалы или стоял, уронив голову на грудь и заложив руки за спину, изображая, как он мужественно вел себя на допросе у пиратов, или резко нагибался, когда вражеские пули — «Пиу-пиу!» — или бесшумные индейские стрелы проносились над его головой. Мы тоже втягивали головы в плечи и вместе с учительницей переживали: успеет Пашка вернуться в Москву к первому уроку или погибнет в джунглях Амазонки от индейских стрел, пропитанных ядом кураре.

— Папа, он погибал, да?

— Нет, но опаздывал частенько. Помню, например, такую Пашкину историю.

Пришел он однажды домой и видит — отец сидит в кресле и вздыхает, а рядом стоит расстегнутый Пашкин портфель.

— Что случилось? — спросил Пашка с тревогой. — Ты посмотрел мой дневник?

Отец мотнул головой:

— Нет, я почитал твою тетрадь по истории. Оказывается, мамонты вымерли.

Пашка перевел дух:

— Папа, разве ты об этом не знал?

Отец пожал плечами:

— Как-то из головы вылетело. И эта трагедия случилась четвертого сентября, да? А в каком году?

Пашка не понял отца:

— Какая трагедия?

Отец показал запись в тетради: «Четвертое сентября. Потепление климата. Вымерли мамонты...»

Пашка рассмеялся:

— Папа, ты все перепутал. Четвертого сентября мы изучали каменный век. А вымерли мамонты примерно десять тысяч лет тому назад.

Отец вздохнул:

— Понятно. А я-то подумал, как наука далеко шагнула — с точностью до одного дня знают, когда что произошло: «Одиннадцатое сентября — зарождение искусства и религиозных верований; первое октября — распад родового строя...» Как ты думаешь, что могло случиться с последним мамонтом?

Пашка пожал плечами:

— Убили, наверно. Люди каменного века на них охотились.

Отец погрозил кулаком:

— Гады! Не могли последнего пожалеть! — и тут он хлопнул себя по лбу. — Давай спасем этого мамонта, не дадим его погубить!

Пашка сразу загорелся:

— Давай!

Они с отцом были, как говорится, два сапога — пара. Если что решили, то кровь из носа, но сделают.

Помню, в пятом классе у Пашки по немецкому была тройка с минусом. Ну, ты сама знаешь, что такое тройка с минусом. Это двойка. И вот за месяц до окончания учебного года втемяшил он себе в голову: выучу немецкий на пятерку! И выучил. День и ночь бубнил по-иностранному — чуть родной язык не забыл. Мама зовет его завтракать, а Пашка спрашивает: «Вас ист дас: сафтрак?» В кон-

це года принес он родителем дневник и сказал гордо: «Битте!» У них глаза на лоб полезли: по немецкому — пятерка с плюсом, а по остальным предметам — тройки с минусом.

Короче, отправились они с отцом выручать последнего мамонта.

— Папа, у них что, машина времени была?

— Не знаю. Ольга Анатольевна тоже об этом спросила, но Пашка пропустил ее вопрос мимо ушей и стал рассказывать дальше: «Добрались до места. Кругом, куда ни глянь, — каменный век. Смотрим, гора каменная, а в горе пещера. Слышим, из пещеры доносится какое-то завывание. Мы решили, что это стонет раненый мамонт. Залезли в пещеру. Идем, фонариком по стенам водим, а там везде мамонты нарисованы. Вдруг видим — художник стоит, ну, прямо как современный: с бородой, в меховой жилетке, в штанах, заляпанных краской, и босиком. У нас есть сосед-художник по фамилии Косынкин. Он тоже дома босиком ходит и поет, как раненный мамонт, когда за мольбертом стоит.

Папа спросил у древнего художника:

— Малюете?

Тот кивнул:

— Ну.

А он на стене очередного мамонта красками раскрашивал.

Мы быстренько объяснили художнику ситуацию: мол, последний на Земле мамонт, надо спасать. Он сразу все понял и рассказал, где этот мамонт обычно пасется.

Мы — туда. Нашли мамонта и потащили его в Московский зоопарк: я за бивни тянул, отец сзади толкал. Совсем упарились, у меня до сих пор руки еле сгибаются». Пашка показал, как у него руки плохо сгибаются, и постонал: «Ой-ой!»

Привели мамонта в зоопарк, а они принимать не хотят: «Вы сначала помойте зверя — вдруг у него инфекция!»! А вид у мамонта был, действительно, довольно неопрятный, особенно прическа. Видно, что он очень редко причесывался, хотя в кармашке его школьного рюкзака лежат зеркальце и расческа...»

— Папа, можешь не продолжать! Я каждый день перед уроками причесываюсь. Сегодня, правда, не успела — я же опоздала. Кстати, из-за тебя. Почему разбудил так поздно?!

О краснухе и чернухе

— Папа, я не умру?

— Нет. От краснухи еще никто не умирал.

— А ты болел краснухой?

— Конечно. В семь лет. Мы с отцом тогда путешествовали по Дикому Западу.

— По западу чего?

— Америки, разумеется. Ехали в фургоне. День был жаркий, я заснул и выпал на дорогу. Проснулся — кругом индейские дети: по плечу хлопают, играть зовут. Они меня за своего приняли — я же был весь красный от краснухи. Отец скоро спохватился, что сына нет. Развернул фургон и поехал назад. Видит — у дороги краснокожие дети играют в индейцев. Он спросил, не видели ли они меня. Мы с ребятами рассмеялись: а я уже объяснил им, что со мной случилось. Отец стоит, глазами хлопает, не понимает, что тут смешного. Потом прислушался и узнал меня по смеху.

— Ты этих ребят не заразил?

— Нет. Индейцы не болеют краснухой. Чернухой — сколько угодно, а краснухой — никогда.

— А что от чернухи делается?

— Ногти на руках чернеют.

— Ой, я недавно видела одну женщину с черными ногтями!

— Вот, больная, значит.

— А ты чернухой болел?

— Конечно. Вернулись мы с Дикого Запада. Как сейчас помню, это было тридцать первого августа. На следующий день я пошел в первый класс, а второго сентября наша учительница чуть в обморок не упала. Я писал мелом на доске букву «Б», а учительница следила за моей рукой.

Вдруг видит — у меня ногти чернеют один за другим. «Ах, чернуха!» Позвонили отцу на работу, и он приехал за мной.

— В фургоне?

— Какие в Москве фургоны?! На такси. На обратном пути купили ящик эскимо — это лучшее лекарство от чернухи. А болеют чернухой не меньше недели, прямо как краснухой. Так что каникулы продлились еще на целую неделю. Обьедаясь мороженым, играл с Малакучей в шашки...

— Малакучей?! Это кто такой?

— Индеец. Разве я тебе не рассказывал? Это один из тех американских мальчишек. Ему захотелось в Москву, и мы взяли его с собой. Смешная история приключилась, когда пришел участковый врач. Он посмотрел на мои ногти и подтвердил диагноз: «Типичная чернуха». А потом увидел Малакучу и воскликнул: «А у этого — типичная краснуха!»

Вечером позвонил Пашка Петров, мы с ним за одной партой сидели. Я рассказал про свою райскую жизнь, так он на другой день ногти черной акварельной краской покрасил. Учительница его сразу разоблачила и отправила мыть руки.

Кстати, дорогая, помой руки и садись обедать. А я полчаса полежу опять сонная болезнь дает о себе знать.

— Какая еще сонная болезнь?

— Обыкновенная. От мухи це-це. Она меня на Диком Западе покусала.

— Папа, муха це-це водится только в Африке!

— Залетела, значит, из Африки. Знаешь, как мухи далеко летают, ой-ой-ой!

— Ох, папочка, какой ты у нас соня!

О зимней спячке

— Папа, ты что любишь больше: закаты или рассветы?

— Закаты, конечно. Ты же знаешь, как я не люблю рано вставать.

— Я тоже. Особенно зимой: утром темно, холодно. Вот бы превратиться в медведей и всю зиму проспать в берлоге.

— И лапу сосать?

— Зачем?! Есть же вкусные сосательные конфеты. Кстати, не дорогие, по рубль семьдесят. Можно запастись на всю зиму.

— Тоже правильно. Но жить в берлоге, мне кажется, не очень уютно.

— А мы сделаем уютную берлогу: на пол ковры постелем, на стенки повесим картинки. Телевизор поставим, видик, приставку. Я буду весь день на приставке играть.

— Одна?

— Почему?! С Кириллом, с Надей. Я уверена, они тоже согласятся в медведей превратиться. Поселятся по соседству. Будем вместе на санках кататься, на лыжах.

— Медведи на лыжах?

— А что?! Медведи в цирке на мотоциклах ездят. На лыжах — проще.

— Но мама не умеет на лыжах кататься, они у нее все время переkreшиваются.

— Проложим по лесу глубокую лыжню, и мама будет по ней ездить, пока не научится.

— Разумно. И заживем в берлоге, как в сказке «Три медведя», да? Я — медведь, мама — медведица, а ты — Мишутка. А вдруг к нам заберется девочка — не помню, как ее звали, — сломает твой стульчик и завалится спать в твою кровать?

— Я ее так напугаю! Встану на задние ноги...

— Лапы.

— Да, на лапы. Протяну к ней передние лапы и зарычу: «Х-х-х!» Мигом в окно выскочит.

— По-моему, это жестоко.

— Нисколько. Кто ее просил стулья ломать и в чужую постель в одежде заваливаться. Дома надо сидеть и уроки делать, а не по лесу одной шататься. А если бы она провалилась в настоящую берлогу?!

— Ты права. Но, с другой стороны, получается как-то несправедливо: мы дрыхнем, а девочка встает в полвосьмого, идет в школу...

— Папа, откуда ты взял, что она школьница? По-моему, в сказке про это не написано. Может, ей всего-навсего пять лет. Вот пусть и гуляет с бабушкой на детской площадке: снеговиков лепит, в снежки с малышами играет. А вдруг она убежала в лес с детской площадки, и бабушка теперь с ума сходит: где ее любимая внученька? Бабушка еще мне спасибо скажет, когда девочка из леса вылетит.

— А если охотники в лес пожалуют?

— А мы таблички напишем: «Охота на медведей запрещена. Штраф один миллион рублей». Как «миллион» пишется: с одним «Л» или с двумя?

— Вот для этого ты и должна ходить в школу.

— Знаю-знаю. Кстати, можно не писать полностью «миллион», а сокращенно — «один мил. руб». И я не отказываюсь ходить в школу. Пойду весной: апрель, май — а там и каникулы.

— Еще март.

— Да, я забыла. Но март — хороший месяц: сначала Восьмое марта — Женский день, а потом весенние каникулы начнутся.

— Но весной тоже не хочется сидеть в классе: на дворе прекрасная погода...

— Папа, ты что, совсем меня за лентяйку принимаешь?! Ой, уже пять часов! Папочка, помоги мне сделать математику, а то через полчаса зайдет Кирилл: мы договорились пойти на каток.

— Много задали?

— Да, пять или шесть номеров.

— А я хотел полчасика полежать — у нас в берлоге так уютно!

— Папа, перестань зевать! Слушай условие задачи: «Из пункта «А» выехал велосипедист...»

— Ох уж эти велосипедисты, даже зимой от них покоя нет: едут и едут...

О плеваньи

— Папа, я обещаю, что больше не буду плевать из окна.

— А когда ты плевалась?

— Сегодня. Мы с Валею соревновались, кто дальше плюнет, и не знали, что внизу стоят старшеклассники. Они на-

жаловались Ольге Анатольевне, и она записала мне в дневник замечание.

— Ох и повезло тебе с учительницей! Другая бы вызвала меня в школу.

— Зачем?! Ты и так каждый день за мной заходишь.

— Тоже правильно. Но плевать — это безобразие! Только какие-нибудь дикари или неразумные дети в песочнице...

— Папа, я же сказала: больше не буду! Между прочим, я не уверена, что ты не плевался, когда был мальчишкой.

— Не помню... Зато прекрасно помню, как я один раз плюнул из окна уже в зрелом возрасте и чем это кончилось.

— Расскажи.

— Мне повезло меньше, чем тебе. Под окном стояли не старшеклассники, а верблюды. Они обиделись и плюнули в ответ. А знаешь, как верблюды умеют это делать? С десяти шагов попадают в пятикопеечную монету и могут спокойно доплюнуть до пятого этажа, а я был всего-навсего на третьем.

— Откуда эти верблюды взялись?

— Из пустыни привели. Дело было в Туркмении. Как ты знаешь, я раньше жил в Санкт-Петербурге. Однажды увидел объявление: «Зоопарку требуются водители верблюдов» и устроился туда на работу.

В зоопарке имелся один верблюд, старый-престарый. Я водил его за поводья по дорожкам и катал на нем ребят-шек. Через некоторое время меня откомандировали в Туркмению за молодыми верблюдами. Я жил в Ашхабаде в гостинице, а верблюдов пригнали из пустыни и привязали под окнами... Трудности начались в конце. Я купил одиннадцать верблюдов и одну верблюдицу.

С верблюдицей невероятно повезло. Она была совершенно белой. Это очень большая редкость. Пошел я на станцию, чтобы достать товарный вагон для перевозки верблюдов. А начальник станции руками развел: «Вагонов нет и в ближайшее время не ожидается». Стал я думать, как выйти

из положения. И придумал. Купил одиннадцать спортивных костюмов самого большого размера, столько же пар кроссовок, заставил верблюдов одеться, написал у каждого на спине мелом номер — чем не футбольная команда?! — и строем отвел в аэропорт — к счастью, с билетами на самолет проблем не было.

— Папа, а как же паспорта?

— Это давно было. Тогда документов в аэропортах не требовали.

— А верблюдица?

— Она летела отдельно. В красивом платье, в туфлях на высоком каблуке. Полет прошел нормально. Верблюды молча потягивали через соломинку минеральную воду, а верблюдица листала журнал мод.

— Ты сидел с ней рядом?

— Нет. Я прятался.

— Почему?

— Зайцем летел. После покупки билетов, спортивной формы и нарядов для верблюдицы у меня осталось всего несколько рублей. На эти деньги я приобрел в «Детском мире» карнавальный костюм зайца с длинными ушами и пушистым хвостиком и в таком виде прятался между сидений.

— И тебя не поймали?

— Наоборот — всю дорогу баловали. Идет стюардесса по самолету, везет перед собой тележку с прохладительными напитками и глазами меня ищет: «Где тут наш заяц?» Подойдет и морковкой угостит или за ухом пальчиком почешет. Под конец случилось ЧП. Откуда ни возьмись выскочил какой-то араб, стал размахивать саблей и требовать, чтобы самолет взял курс на Арабию. Тогда отличилась верблюдица. Она плавно повернула к нему свою голову и... что сделала, как ты думаешь?

— Плюнула, да?

— Точно. Террорист утерся и посрамленный выпрыгнул из самолета на парашюте. Все бросились благодарить верблюдицу. Та лишь пожала плечами и покраснела. Она стыдилась своего поступка. Белые верблюды никогда не плюются. Этим они отличаются от остальных верблюдов... и некоторых шестиклассниц.

— Папа, не сердись. Мне тоже стыдно. А что стало с верблюдицей?

Ты отвел ее в зоопарк?

— Нет. Она стала стюардессой и теперь зовется Верой Блюдцевой.

На самолетах «Аэрофлота» Вера летает в Лондон, и многие пассажиры принимают ее за настоящую англичанку. Кстати, завтра у тебя английский...

— Ой, папа, хорошо, что ты напомнил! Нам столько задали!

О вреде и пользе храпа

— Папа, я храплю ночью?

— Бывает. Особенно когда спишь на спине и у тебя нос заложен.

— А ты храпишь?

— Теперь очень редко и тихо.

— А раньше храпел громко?

— Еще как! От моего храпа стекла дрожали в окнах и люстра раскачивалась, как при землетрясении.

— Моя мама на тебя за это не сердилась?

— Наоборот! Знаешь, где прошло ее детство? В Африке, в маленькой деревушке на берегу реки Конго.

— Что она там делала?

— Росла. Твои бабушка и дедушка работали в экспедиции. Бабушка изучала африканских рыб, а дедушка писал диссертацию про слонов.

— Папа, причем тут храп?

— Очень даже причем. Берега реки Конго — самые львиные места. Львы рычат там всю ночь напролет, и твоя мама настолько к этому привыкла, что не могла заснуть без львиного рыка. Иногда родители хотели уложить ее пораньше: пели колыбельные, рассказывали сказки — хоть бы хны! — дочка вертелась в кровати, как юла. Но стоило первому льву выйти на охоту и подать об этом знак, то есть зарычать, как глазки у Машеньки закрывались, и через минуту ее из пушки было не разбудить. Так что мой храп напоминал маме о счастливом африканском детстве.

Увы, у храпа имеются и минусы. Когда я жил в Санкт-Петербурге, я работал ночным сторожем...

— Папа, раньше ты рассказывал, что был водителем верблюда!

— Да, твой отец трудился днем и ночью! Днем водил по зоопарку верблюда и катал на нем ребятшек, а по ночам сторожил пустую баржу, вмержшую в лед у Петропавловской крепости.

— И ты ходил ночным дозором, как рыцари на картине Рембрандта?

— Каким дозором?! Я дрых в кубрике. Растоплю печку, и в койку. А у нас был проверяющий. По ночам он обходил охраняемые объекты и проверял, как сторожа несут службу.

И вот однажды подошел он к моей барже и за голову схватился — такого безобразия он еще никогда не видел и не слышал. Во-первых, с баржи раздавался оглушительный храп сторожа. Во-вторых, львы рычали на весь город. Как ты помнишь, на другом берегу Невы, за Петропавловской крепостью, находится зоопарк. Львы из зоопарка приняли мой храп за рычание какого-то чужого льва, который желает поохотиться на их территории, и, естественно, подняли хай.

Мало того. От храпа баржа раскачалась, и лед вокруг нее потрескался. А на льду сидели рыбаки и занимались подледным ловом. К этому времени им стало не до рыбалки — они метались по льдинам, окруженные водой, и звали на помощь. Естественно, меня сразу уволили.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло.

Той же ночью проверяющий побывал на киностудии «Ленфильм». Сторож там не спал, а пил чай с одним звукооператором. Проверяющий рассказал им о происшествии у Петропавловки. На следующий день звукооператор сообщил о моем удивительном храпе директору киностудии, а тот как раз принимал у себя в кабинете делегацию из Голливуда. Словом, сначала меня пригласили на «Ленфильм», а потом и в Голливуд. Американцы не скупились. Если на «Ленфильме» мне предоставили каморку с продавленным диваном, то в Голливуде — целую виллу с бассейном. Ой, как я там спал!

— В бассейне?

— Нет, в бассейне я купался, а спал на роскошной широкой постели.

Звукооператоры записывали мой храп, а потом использовали его для озвучивания фильмов с участием львов, например, про Тарзана или Индиану Джонса. Вспомни эмблему кинокомпании «Метро Голдвин Майер» — рычащий лев. Это тоже я нахрапел.

— А разве нельзя записать рычание настоящего льва?

— Как это сделать? Подползти и протянуть ему микрофон? Сожрет.

— Микрофон сожрет?

— Нет, оператора ням-ням.

— А если в зоопарке?

— В зоопарке можно, но...

— Понимаю. Ты хочешь сказать, что львы в зоопарке рычат иначе, чем на воле?

- Конечно.
- И долго ты жил в Америке?
- Полтора месяца.

В один прекрасный день из Санкт-Петербурга пришла телеграмма:

СРОЧНО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ТЧК ВЕРБЛЮД БЕЗ ВАС
СКУЧАЕТ ТЧК ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПРИНИМАТЬ ПИЩУ ТЧК
ДАЖЕ ВЕРБЛЮЖЬИ КОЛЮЧКИ ТЧК ДИРЕКТОР ЗООПАРКА
ТЧК

Я все бросил — и на самолет. А вскоре твоя мама приехала в Питер на экскурсию, забрела в зоопарк, и мы с ней познакомились. Потом я приехал к ней в гости, и мне постелили в кабинете. Тогда диван стоял не у стенки, а под окном. Я заснул и захрапел так, что было слышно в других комнатах. Твоя мама радостно всплеснула руками: «Ой, как в Африке!» Бабушка прислушалась к звону хрусталия в буфете и тяжело вздохнула. А дедушка поднял палец и сказал: «Лео!»

— Что это значит?

— Лев по латыни... Что ты смеешься? Разве я не похож на льва?!

— Папа Лео, ты не забыл, что в среду у мамы день рождения? Завтра после школы пойдем покупать подарок. И не скупись, сделаем ей царский подарок — ты же царь зверей.

— Знаешь, кто самые большие любители поспать? Первое место по снанию занимают ночные сторожа, на втором — пожарники...

— Откуда ты знаешь? Разве такие соревнования проводятся?

— Представь себе, проводятся. Я сам соревновался с одним пожарником и победил. Это было в Средней Азии, в Самарканде. О, какая там красота! Мавзолей Гур-Эмир,

площадь Регистан, медресе Шер-Дар, Шахи-Зинда, Биби-Ханум...

— Папа, ты с кем разговаривашь?

— С тобой. Это я перечисляю памятники архитектуры Самарканда.

— Как ты там оказался?

— Путешествовал. Короче, из Ташкента до Самарканда я добрался на товарном поезде, очень устал и не выспался. И вот на базаре я познакомился с местными пожарниками. И вышел у нас профессиональный спор, кто кого переспит — сторож пожарника или наоборот. Спорили на сто пятьдесят рублей, по тем временам довольно большие деньги. Сравни: вафельный стаканчик пломбира стоил пятнадцать копеек. Сколько можно было купить мороженого на сто пятьдесят рублей? Тысячу порций!

Ночи в Узбекистане в конце апреля уже теплые, и мы улеглись на крыше гостиницы рядом с базаром.

Гостиница называлась «Шарк», то есть «Восток». Я завернулся с головой в «штормовку» и проспал двенадцать часов...

— Папа, это совсем немного. Я иногда по воскресеньям тоже столько сплю: ложусь в двенадцать ночи и просыпаюсь в полдень.

— Сравнила! Ты где спишь? В комнате, на диванчике. А мы — на крыше, под открытым небом. А припекать там начинает уже часов в восемь, а к двенадцати — жарища, градусов тридцать пять. Это в тени. А какая тень на крыше?! У бедного пожарника в десять часов чуть не случился солнечный удар, а меня растолкали только в двенадцать. Я еще долго потягивался и зевал. Короче, повезло — и денег заработал, и выспался...

О вреде и пользе прогулов

- Папа, ты прогуливал уроки?
- Нет. То есть...
- Значит, прогуливал. А какие уроки?
- Угадай сама, по какому предмету я учился хуже всего?
- Сейчас подумаем. С математикой у тебя все хорошо, с литературой — тоже. Историю ты любишь.... Английский, правильно?!
- Точно.
- И как ты прогуливал?
- В кино ходил, по городу гулял. Как-то раз даже в Африку от контрольной сбежал.
- Каким образом?
- У меня был сосед-летчик. Мы играли с ним в шашки на желание. Он проиграл и должен был выполнить все, что я попрошу. Разумеется, в разумных пределах. Вот я и сказал: «У меня каникулы, возьмите с собой в Африку».
- Обманул летчика, да?
- Почему обманул?! Я просто умолчал, что каникулы я себе сам устроил. И мы отправились в Африку. Летим на бреющем полете...
- Это как?
- Низко, над самым лесом, то есть джунглями. А у летчика привычка была: на бреющем полете он брился. Открыл кабину, чтобы ветерок обдувал, и зажужжал электробритвой. И вдруг в кабину залетела громадная зеленая муха цеце. А эти мухи — разносчицы сонной болезни. Укусила она летчика, и он крепко заснул. Я занял его место и посадил самолет на поляну среди девственного леса...
- Ты управлял самолетом?! Сколько тебе тогда лет было?
- Это случилось в одиннадцатом классе — значит, шестнадцать. А управлять — летчик по дороге научил.

Выбрался я из кабины и пошел прогуляться, ноги размять. И вдруг меня окружили воинственные африканцы, копья наставили и увели в глубь леса. Что они хотели со мной сделать, не знаю, но вид у них был очень кровожадный. И тут я заговорил по-английски.

— Зачем?

— Как зачем?! А на каком языке с ними объясняться? Не на финском же?

— А ты финский знаешь?

— Нет. Но негры были для меня иностранцами, а английский — единственный иностранный язык, на котором я мог связать два слова. И мне повезло — вождь этого племени оказался выпускником то ли Оксфордского университета, то ли Кембриджа, и в совершенстве владел английским.

— И вы с ним разговаривали?

— Нет, наоборот. Он услышал мое ужасное произношение и, зажав уши руками, кинулся бежать. Его соплеменники не поняли, что к чему, и дисциплинированно устремились за вождем. Я тоже дал деру, только в противоположную сторону. И очень скоро оказался окруженным другими африканцами. Вот тут-то я натерпелся!

— Тебя хотели съесть?

— Хуже. Вождь этого племени окончил Университет дружбы народов и говорил по-русски. В память о России над входом в его хижину висел выцветший бледно-розовый лозунг: «Миру — мир!»

Живя в Москве, будущий вождь фотографировался со всеми своими друзьями и подругами, а тех и других у него было тьма-тьмушая. И мы три часа без передышки смотрели фотоальбомы. Он тыкал черным пальцем с розовым ногтем очередную фотографию и, широко улыбаясь, пояснял: «Это Катя... Это Вера... Это Зоя... Это Алексей...» Потом он устроил перерыв и ушел распорядиться насчет обеда, и я удрал.

— И оказался в плену у третьего племени?

— Нет. Летчик наконец проснулся и стал подавать сигналы. Я выбрался из джунглей на поляну, и мы взлетели. Увы, на этом мое везение кончилось. До летчика вдруг дошло, что в середине апреля никаких каникул не бывает. Он повернул назад и сбросил меня на парашюте прямо во двор школы. Наш десятый «А» находился на четвертом этаже. «Англичанка» увидела за окном мою физиономию и пома-нила пальцем. За контрольную я получил «пару». Дома был скандал. Пришлось взяться за ум: зубрить слова, писать километровые «шпоры».

— И какая отметка была у тебя за год?

— Твердая тройка... с минусом. Кстати, завтра у тебя английский. Елизавета Федоровна опять, наверное, много задавала?

- Вечером сделаю.
- Вот-вот, вся в отца!
- Ладно, сейчас начну.

По дороге из школы

- Папа, привет.
- Привет. Что было в школе?
- Уроки.
- Какие?
- Разные.
- Устала?
- Немного. На алгебре даже голова немного разболелась.
- Тебе надо расслабиться. Давай потреплемся: ты спрашиваешь — я отвечаю.
- Папа, из чего делают масло?
- Какое?
- Сливочное.
- Из гусей.
- Их убивают?! Бедные птицы!
- Никто их не убивает. Масло производится из вымени гусей.

- Вымя отрезают?
- Нет. Гусей пугают. Вот так, — папа растянул рот двумя пальцами и прохрипел: «Хххаа!»

Гусь пугается и откидывает вымя, как ящерица хвост. Через неделю вырастает новое вымя, еще краше прежнего.

- Летом в Тарусе я видела много гусей, но без вымени?
- Значит, недавно отбросили. Помнишь, какое там дешевое и вкусное масло? Кстати, раньше в Тарусе гусей было еще больше. Поэт Заболоцкий написал:

*„Опротивели Марусе
Петухи да гуси.
Скільки ходит их в Тарусе,
Господи Исусе!“*

В начале прошлого века три четверти тарусян носили фамилии: Масловы, Пугачевы и Гусевы. Первые сбивали в маслобойках масло, вторые отличались зверзкими физиономиями и пугали несчастных гусей, а третьи разводили этих птиц. Одно время Городская дума даже собиралась поместить на гербе Тарусы гусыню с выменем, но потом передумала.

— Папа, но почему же на пачках масла нарисована корова?!

— Наверное, художник не сумел изобразить гуся и намалявал буренушку. Корову рисовать проще простого: четыре ноги, рога, вымя, хвост...

— Папа, кто в мавзолее лежит: Минин и Пожарский?

— Ленин и Пожарский. Ленин лежит, а Пожарский стоит.

— Ленин с ним разговаривает?

— Да. Он ему говорит: «Князь, ложитесь, в ногах правды нет». А Пожарский всякий раз гордо отвечает: «Есть!» И, задрав штанины, показывает ноги в высоких ботинках. А в ботинки запихнуты номера газеты «Правда». Для тепла и чтобы сыро не было.

— Какого сыра?

— Российского, конечно. Зачем ему в ботинках российский сыр?!

— Папа, сегодня на истории нам задали написать сочинение о Соборной площади Кремля, какие здания находятся вокруг этой площади. Колокольня Ивана Великого, Успенский собор, Архангельский, Благовещенский... Там есть еще какая-то палата. Гранатная, да?

— Точно. Это второй арсенал Кремля. В Арсенальной башне хранились бомбы, а в Гранатной палате — гранаты. Когда противник наступал, гранаты притаскивали мешками на стену и швыряли вниз: «шлеп, шлеп»!

— Почему «шлеп, шлеп»?! — «бах, бах»!

— Нет, «шлеп, шлеп». Это были не военные гранаты, а фрукты. Они падали на мостовую Красной площади, лопались и забрызгивали штурмующих гранатным соком. Враги тыкали друг в друга пальцем: «Кровь! Кровь!» и падали в обморок. Нередко обморок оказывался таким глубоким, что несчастных приходилось вытаскивать с помощью нескольких связанных лестниц и отпаивать валерьянкой...

— Папа, кончай трепаться. Я серьезно спрашиваю, как эта палата называется. Гранитная?

— Грановитая. Ее фасад облицован гранеными камнями. Конец XV века. Архитекторы — итальянцы, братья Солари. Ой, наш троллейбус!

— Ты его наконец-то купил?

— Купил.

— А если контролер зайдет?

— Не зайдет. Мы с тобой уже столько лет эти две остановки «зайцами» ездим — ни одного контролера не встречали. Побежали на остановку?!

— Папа, вперед!

О крысах и мышах

— Папа, тебе нравится крыса Ленки Осокиной?

— Как тебе сказать...

— А мне нравится. Она очень красивая, наполовину белая, наполовину светло-коричневая. У Нади не такие симпатичные.

— Сколько их у нее?

— Штук двадцать, вместе с крысятами.

- Двадцать?! Какой ужас!
- Ничего ужасного. Из них только одна злая — мамочка. Она прокусила ноготь у Надиного племянника.
- Кошмар! Это же очень больно.
- Но он сам виноват — не надо было дразнить.
- Нет, крыс я не люблю. Никаких — ни белых, ни серых, ни серо-буро-малиновых. Другое дело — мыши, особенно полевки. Кстати, одна полевка помогла нам с твоей мамой пожениться.
- Как? Ты об этом не рассказывал.
- В июне, за месяц до свадьбы я ездил на Кавказ, в Кабарду...
- Да, ты искал там «снежного человека». И не нашел, потому что его нету.
- У меня была своя кошара в горах...
- Что значит кошара?
- Это дом с загонем для овец недалеко от деревни. Пастухи живут там зимой. Летом они пасут стада на высокогорье, поэтому кошара была в моем полном распоряжении. Я готовил еду на очаге, спал на полу, на соломе. И там была мышь-полевка. Я ее приручил: она брала еду из рук и давала себя гладить. И я взял ее с собой в Москву. Потом мы с мамой поехали в Таллин знакомить ее с моими родителями...
- Ты хотел познакомить мышку с родителями?! Ой, как это трогательно!
- Да не мышку — твою будущую маму. А полевка тоже поехала, она путешествовала у меня в кармане. Съездили замечательно: и погода стояла хорошая, и родители были счастливы, и маме очень понравился город.
- В Таллине рядом с моим домом находятся развалины старинного рыцарского замка, фундамент и остатки одной башни. Есть легенда, что хозяин замка продал душу дьяволу, отдав нечистому три капли своей крови. В одно прекрасное утро мы с мамой играли на лугу перед домом в бадминтон.

Вдруг сильный порыв ветра подхватил волан и унес на развалины. Мама пошла за воланом и пропала. Я прождал ее полчаса, под конец даже выругался: «Черт возьми! Куда она провалилась?!» — и как в воду глядел.

Я забрался на развалины и увидел провал в земле. Спустился в яму и обнаружил подземный ход с каменными ступеньками, ведущими куда-то вниз. Ход привел меня сначала в одну комнату. Она была совершенно пуста, лишь на стенах висело несколько ржавых железных колец...

— Ой, как интересно! К таким кольцам обычно приковывают узников.

— Потом я прошел по коридору в другую комнату. Она была больше первой и побогаче обставлена: по углам рыцарские доспехи, на потолке люстра с тринадцатью горящими свечами. Тринадцать — это «чертова дюжина». В центре комнаты стоял черный гроб...

— .... с шестью колесиками, да? Папа, ты рассказываешь какую-то страшилку.

— Гроб был без колес. Я подошел и сдвинул крышку — внутри, свернувшись клубочком, лежала черная кошка. Кошка подняла голову, потянулась и спросила низким мужским голосом:

— Вы пришли за Машей?

От удивления я зажмурился. Когда я открыл глаза, ни кошки, ни гроба в комнате не было. Передо мной стоял мужчина в черных одеждах...

— Папа, и ты не боялся?

— Наоборот, я был спокоен, как никогда.

Мужчина в черном переспросил:

— Так вы пришли за Машей?

Я кивнул. Мужчина — ты, конечно, понимаешь, что это был сам нечистый, — провел меня в третью комнату. Там за столом в креслах с высокими спинками сидели три женщины в длинных платьях, их лица были закрыты черной вуалью.

Нечистый объяснил:

— Две из них — мои дочери. Посмотрите внимательно. Узнаете свою невесту — забирайте ее и уходите. Ошибетесь — придется вам жениться на моей дочери и навсегда остаться с нами.

Я спросил:

— А что будет с Машей?

Он усмехнулся:

— Не беспокойтесь, я сразу отпущу ее...

— И как ты узнал маму? По росту? По фигуре?

— Нет, они были совершенно одинаковыми. Я смотрел, смотрел. От напряжения у меня в глазах стало двоиться...

— Почему же мама не подала тебе знак?

— Черт пригрозил ей, если она хоть пальцем шевельнет, мне непоздоровится.

— Ой, догадалась! Ты выпустил из кармана полевку?

— Точно.

— И узнал маму по визгу?

— Нет, визжали они в один голос. Я узнал ее по ногам. Все трое забрались на стол и задрали юбки. У мамы какие ножки?

— Пухленькие.

— У мамы нормальные красивые ноги. А у чертовок какие? Кривые, волосатые и с копытами.

— И черт вас спокойно отпустил?

— Да. Через несколько дней мы снова побывали на развалинах замка и не нашли этот провал — на его месте была ровная земля.

— Может, следовало сказать «черт» или «черт возьми», и подземный ход открылся бы?

— Вот к этому я и клоню. Вчера вечером ты смотрела в кабинете телевизор и чертыхалась. Мама каждый раз вздрагивала. Только, пожалуйста, не говори, что в школе многие ругаются...

— Папа, во-первых, я не смотрела телевизор, а играла на компьютере. А там один монстр меня все время пожирал. Между прочим, ты стоишь в луже...

— Черт! Я только вчера джинсы постирал.

— Что ты сказал?!

— Что джинсы постирал.

— А перед джинсами?

— Перед джинсами я стирал мамино шерстяное платье.

— Нет, что ты сказал?

— Ладно, забудем. И ты не ругайся.

О «снежном человеке» и каратэ

— Папа, в молодости ты ездил на Кавказ ловить «снежного человека». Зачем ты это делал? Ведь никакого «снежного человека» не существует.

— Иронизируешь, да? Но, во-первых, я ездил не ловить, а искать «снежного человека». Во-вторых, откуда тебе известно, что его нет? В-третьих, почему ты решила, что я его не нашел?

— Ты его нашел?! Как?

— Элементарно. У «снежных людей» есть один недостаток — они очень любопытны. Если вблизи их обитания появляется новый человек, они в первую же ночь придут на него посмотреть. Так и случилось. Среди ночи я выглянул в окно и увидел физиономию алмасты — так в Кабарде называют «снежного человека». И мы с ним познакомились. И подружились.

— А другие участники экспедиции его тоже видели?

— Нет. Они бы его фотографировали, изучали и растрогали бы о нем на весь мир. А «снежный человек» этого не хотел.

— Почему?

— Из скромности.

— А где же были участники экспедиции, когда ты с ним встретился?

— В Москве. Они приехали позже. Двое из них поселились у меня в балке...

— В балке?

— Это такой глубокий овраг. В конце балки на холме стоял заброшенный дом, где я жил.

— А почему «снежный человек» не пришел посмотреть на них?

— Пришел, но успел спрятаться. Ночью они меня разбудили: «Вставайте! ОН в соседней комнате. Вы только распахните дверь, и мы его сфотографируем».

— Они боялись?

— Еще бы! Такая громадина, почти два метра, и весь покрыт шерстью. Они подталкивали меня к двери, а я громко ворчал, мол, у страха глаза велики, никого там нет, это скрипит оконная рама. В конце концов открыл дверь, они щелкнули фотовспышками и разочарованно оглядели пустую комнату. И тут еще мышка-полевка выскочила из сена на полу. Я развел руками — видите, это мышка шуршала.

— А где был «снежный человек»?

— За дверью стоял. Я прямо чувствовал его взгляд через щель.

— И он там остался?

— За дверью?

— Нет, на Кавказе, в Кабарде.

— Мы вернулись вместе. Помнишь, охранника в нашем сбербанке?

— Да, похож — узкий лоб, громадная челюсть...

— Нет, «снежный человек» работал там до него.

— Но для устройства на работу нужен паспорт. Откуда у него паспорт взялся?

— На Кавказе выдали, в селе Сармаково. Первым делом я отвел «снежного человека» в баню, потом в парикмахерскую, а оттуда — прямиком в местное отделение милиции.

— Но у него же не было ни фамилии, ни отчества?! Кто были предки «снежного человека?» В каком году он родился? Как звали его отца?

— Вопросы кажутся сложными, но мы с начальником милиции не долго ломали головы. Когда у нас выдают паспорт? В шестнадцать лет. Значит он родился шестнадцать лет тому назад.

— Теперь паспорт получают в четырнадцать.

— А тогда было в шестнадцать. И предки «снежного человека» тебе известны. Вспомни происхождение человека: австралопитек, олдудайский человек... Кто дальше?

— Кажется, питекантроп.

— Правильно. От питекантропа он получил имя и фамилию: Петя Канторов.

— Первый раз слышу такую фамилию.

— Это совсем нередкая фамилия. В Петербурге я знал художника Кантора и математика Канторовича.

— А отчество?

— Отчество, Алексеевич, позаимствовали у Петра Великого — они были примерно одного роста.

— Но он же не умел ни читать, ни писать, а когда устраиваешься на работу, по-моему, нужно заполнять какие-то анкеты.

— Я ему помог.

— А где он сейчас?

— В Голливуде. Снимается в кино. Играет разных первобытных людей в шкурах и с дубинами. У него это получается очень естественно. В прошлом году Петя чуть не получил премию Оскар за эпизодическую роль.

В Америке он известен под псевдонимом Пит Бигфут.

— Большая нога.

— Да. У него сорок восьмой размер.

— Но как он очутился в Голливуде?

— Какой-то продюсер увидел его по телевизору и пригласил.

— А почему его показывали по телевизору?

— На банк было совершено нападение. Петя крикнул «Кийя!» и в два счета свернул бандитов в бараний рог. И героя-охранника показали в новостях.

— Он что, занимался каратэ? «Кийя» — это возглас каратистов.

— Да, занимался, ни одного занятия не пропустил... в отличие от некоторых.

— А-а, я поняла! Ты хочешь спросить, пойду ли я завтра на каратэ? Ладно, пойду. Кстати, какой дан у твоего «снежного человека?»

— Дан? Что это такое?

— Эх, папа-папа! Ничего-то ты в каратэ не понимаешь, а говоришь.

О папиной памяти и маминых туфлях

- Папа, скажи какую-нибудь пословицу.
- Русскую?
- Да любую, хоть африканскую.
- Африканскую так африканскую: слово не муравей, вылетит не поймает.
- Не муравей, а воробей.
- В нашей пословице воробей, а у африканцев муравей, понимаешь?
- Не понимаю. Муравьи же не летают.
- Не летают рабочие муравьи, а самки и самцы еще как летают. Я прекрасно представляю себе такую картину: я стою посреди Африки, опершись на копье, полуголый, черный от загара, и вижу, как из высокого термитника вылетает облако муравьев-термитов.
- Как ты можешь это представить — ты же никогда в Африке не был?
- А мои африканские предки?!
- Папа, африканский предок был у Пушкина — «Арап Петра Великого».
- А где человек произошел от обезьяны? В Африке. Так что африканские предки есть у каждого. Время от времени в моей памяти возникают картины из африканской жизни и слышатся какие-то непонятные африканские слова: «Конго... Браззавиль...»
- Почему непонятные?! Конго — это государство в Африке, Браззавиль — его столица.
- Вот видишь! Я не был в Конго, а знаю.
- А как по-африкански «здравствуйте»?
- Сложный вопрос. Во-первых, в Африке множество племен и народов, и говорят они на разных языках и наречиях...
- Папа, не увиливай!

— Ладно, сейчас напрягу память и вспомню... Тере, тере, вана кере.

— Папа, мне кажется, это по-эстонски или по-фински.

— Да ну?! Ура! Я вспомнил язык моих финских предков.

— Папа, по-моему, ты его никогда и не забывал. Что значит это «тере, тере, вана кере»?

— Здравствуй, дорогой.

— Папа, почему ты скрестил пальцы? Это какое-то неприличное выражение?

— Нет. По-эстонски это значит «привет, привет, старикан». Однажды я пошутил. Я тогда еще жил в Санкт-Петербурге и работал на радио журналистом. Мои коллеги собрались на автобусную экскурсию в Таллин. И несколько женщин попросили, чтобы я научил их эстонским словам: здравствуйте, до свидания, спасибо, как пройти на Ратушную площадь и так далее. Я написал эти выражения русскими буквами, и женщины их заучили...

— И они так в Таллине со всеми здоровались: привет, привет, старикан?!

— Точно. А моя начальница спросила у первого встречного эстонца дорогу к универмагу. Он привел ее к парикмахерской. Она удивилась: «Зачем мне парикмахерская»? Эстонец пожал плечами и сказал с акцентом: «Вы говорить: «Кус он юксур? Ма тахан хабет аяда. Где парикмахерская? Я хочу бороду брить»?

— И что она с тобой сделала?

— Да ничего. Только шумела: «В чем я пойду на работу? Это мои единственные туфли, которые подходят к шерстяному платью!»

— Папа, какие туфли?! О ком ты говоришь?

— О твоей маме. Сегодня утром она тут бушевала, когда обнаружилось, что ты пошла в школу в ее туфлях. Я тебе говорил: не одевай!

- Но я была уверена, что она сегодня дома.
- А ее вызвали на работу. Пожалуйста, не делай этого больше.
- Хорошо. Но можно, я надену завтра в театр ее коричневую кофточку, которую подарили на Новый год? Помоему, завтра вечером мама никуда не собирается. Поговоришь с ней, а?
- Ой, не знаю, не знаю...

О скромности и законах физики

- Папа, ты скромный?
- Скромный. Не кричу на каждом углу, что я гениальный писатель.
- А зря. Надо кричать. Как же люди узнают, что ты гений?
- Я не говорил, что я не кричу. Я сказал, что кричу не на каждом углу. Сколько домов от нашего дома до станции метро «Таганская», если считать правую сторону улицы?
- Не знаю. Штук пятнадцать.
- Ты попала в самую точку — ровно пятнадцать. Пятнадцать домов и, соответственно, тридцать углов. Я прокричал у каждого десятого угла: на остановке троллейбуса, у памятника Радищеву и у входа в метро.
- Когда это было?
- Перед Новым годом, тридцать первого декабря.
- И тебя санитары не забрали?
- Нет. На остановке не было ни души, у памятника влюбленная парочка играла в снежки, они даже не оглянулись.
- Скажешь, и у метро никого не было?!
- Было. Тьма-тьмушая. А после того, когда я загородил вход и закричал, стало еще больше.
- И они вызвали «скорую помощь»?

— Да, пригрозили вызвать. Я возмутился: «Почему только «скорую?!» Вызывайте милицию, пожарников!» Увы, пожарники так и не прибыли.

— А зачем тебе потребовались пожарники?

— Как зачем?! Они бы приехали на пожарной машине, выдвинули свои длинные лестницы; я забрался бы на самый верх и прокричал в мегафон: «Я гениальный писатель!»

— А у тебя был мегафон?

— Нет, мегафон я одолжил бы у Сеницына.

— Какого Сеницына? А, это наш участковый! Ты его сделал героем своих сказок.

— Да. И территория перед входом в метро «Таганская» тоже входит в участок Сеницына. Он пробрался сквозь толпу и пожал мне руку. Потом достал из-за пазухи выдавший виды том «Подвигов Юрия Борисовича». Майор носит мою книгу вместо бронежилета, и она уже трижды спасала ему жизнь: бандитские пули застревали между семьдесят пятой и семьдесят восьмой страницами. Сеницын включил мегафон, открыл книгу и с выражением прочитал первую главу. Затем обратился к народу: «Разве это не гениально?» Толпа разразилась аплодисментами: «Гений! Качать его». Люди подхватили меня и Сеницына и стали подбрасывать.

— А Сеницына за что?

— За компанию. Потом качали санитаров скорой помощи. Они оказались чемпионами Москвы по бегу с носилками. Санитары тут же доказали, на что они способны: бежали Таганскую площадь с пустыми носилками за двенадцать минут, а с нагруженными — за девять. Роль больного исполнял грузный Сеницын.

— Что-что?! С нагруженными носилками они бежали быстрее, чем налегке? Но это невозможно!

— Возможно. Во-первых, их подстегивал профессиональный долг — куда торопиться, если на носилках никого

нет? Во-вторых, здесь, по-видимому, вступил в действие закон Диккенса и Робсона. Я не помню точно, как этот закон физики формулируется, но смысл в том, что при сложении времени в минутах результат может получиться не такой, как положено, а несколько меньше. Посчитай сама. От метро до универсама санитары добежали за две минуты, от универсама до Больших Каменщиков — за три минуты, от Каменщиков до магазина «Нумизмат» — за полторы минуты, и от «Нумизмата» до метро — за три с половиной. Сколько получилось?

— Кажется, десять.

— Точно. А секундомер показал девять. Кстати, этот закон имеет отношение и к школьным оценкам по физике. Ты мне всю прошлую четверть говорила, что получала четверки, а за четверть вышла тройка...

— Папа, между прочим, завтра у нас годовая контрольная по физике. Я хотела подготовиться, а ты меня отвлекаешь своими разговорами. Лучше приготовь мне на ужин горячие бутерброды в духовке, а я пока видик посмотрю. Кстати, писателя Диккенса я знаю, он написал мамины любимые «Записки Пиквикского клуба». А кто такой Робсон?

— Был такой негритянский певец Поль Робсон.

— Ясно. Можешь делать бутерброды.

О нашем памятнике

— Папа, здесь нет моего дня рождения?!

— А что ты читаешь?

— Газету «Вечерний клуб». Тут напечатан календарь главных событий двадцатого века.

— Понимаешь, журналисты могут ошибаться и принимать второстепенные события за главные, и наоборот. Я уверен, лет через двадцать во всех календарях будет и твой день рождения, и фотография моего памятника в Москве.

О, у меня мелькнула прекрасная мысль! Знаешь, где есть место для этого памятника? В сквере на Таганской площади.

— Это где на столбе вертится реклама кока-колы?

— Точно.

— И какой ты хочешь для себя памятник?

— Мне нравятся конные статуи.

— Что значит конные?

— Я верхом на коне. Вроде «Медного всадника».

— Папа, по-моему, это скучно. Таких памятников тысячи.

— Мой будет забавным. У коня будут двигаться ноги. Он сможет кивать головой, шевелить ушами...

— Кто, конь или ты?

— Увы, только конь. В детстве я долго тренировался перед зеркалом, но так и не научился ушами шевелить. Кроме того, мой конь будет открывать рот и ржать, как часы: в час дня — один раз, в два — два раза и так далее.

— И ночью?

— Нет. Ночью он будет отдыхать. Зачем пугать прохожих?!

— Правильно. А ты что будешь делать?

— Ночью? Молчать. А утром желать всем «доброго утра» и смеяться задорным смехом. Вот так: ха-ха-ха, хи-хи-хи!

— Это с какого часа?

— Не знаю. Часов с семи.

— В семь часов?! Папа, ты так рано никогда не встанешь!

— Я говорю про памятник. А вечером, часов в одиннадцать, мой бронзовый двойник станет широко и сладко зевать, прикрывая рукой рот. Вот так: а-а-а!

— Ой, я вспомнила стихотворение Пушкина: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа...» А как называется улица, которая спускается от Таганской площади к Москве-реке?

- Народная.
- Вот видишь: у Пушкина «тропа», а у тебя — целая улица!
- Знаешь, я об этом как-то не подумал...
- Папа, а мне на этом памятнике места не найдется?
- Разумеется, найдется. Ты будешь стоять за мной на крупе коня, как циркачка: в одной руке веер для равновесия, в другой — бронзовый дневник за седьмой класс, а в дневнике выгравировано....
- Папа, чур, он будет открыт на последней странице. Там я написала большими буквами:

Ура! Конечу!!!

А еще был случай...

Когда-то давно в Ленинграде на Миллионной улице жил молодой и красивый Юрий Вийра. Жил-поживал, а в 1975 году взял да написал сказку и понес ее на Таврическую, в редакцию журнала «Костёр». В редакции сказку прочитали и такое письмо прислали.

КОСТЁР

Ежемесячный
детский журнал

НА ВОСЕМ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
СОВЕТ
АССОЦИИРОВАННОЙ
КАПИТАЛИСТСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОСТИ
ОБЩЕСТВА
С. В. ВОЛКОВА
СОВЕТ
ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ
СССР

Ленинград С-15
Таврическая, 37
тел. 4-4-57-76

Дорогой Юрий Борисович!

Странное впечатление произвел на меня Ваш "Заяц". В нём столько блеска, фантазии и чего-то еще, не до конца мне понятного... Я - новый человек в "Костре" и, может быть, поэтому не слышал Вашей фамилии. А познакомиться хотелось бы очень. Позвоните или зайдите в редакцию с 14 до 17 в любой день. Мой телефон: 14-57-76. Зовут меня Сергей Донатович. Не скрою, Ваша фантазмагория - лучшее, вернее - самое примечательное из того, что я прочитал в "Костре" за два месяца.

Ваш

/С.Довлатов/

Тира. ЛЕНИКА, зак. 2437. т. 10.000 12.2.69

Содержание

Часть I. Кот Петра Великого

Крым	3
Москва	4
Красная площадь	4
На Красной площади	5
Китай-город	6
Кремль	6
Площадь у Кремля	7
Яуза	7
Останкино	8
Ель Юрия Долгорукого	10
Воробьевы горы	11
Лебединое озеро	12
Площадь у трех вокзалов	13
Лубянка	14
Арбат	14
Поцелуй Поэта	15
Кольцо Петра Великого	15
На дачу	19
Чистые пруды	20
Чистопрудный бульвар	22
Таганрог и Таганка	23
Крепость на Неве	25
Из Москвы в Петербург	26
Приют убогого чухонца	28
Екатеринбург	29
Ножницы Петра Великого	31
Кот Петра Великого	32
Пес Петра Великого	33
Невский	35
Литейный	36
Часы Петра Великого	37
Канал Грибоедова	38
Тезки	38
«День знаний»	40
Верблюды Поэта	41
«Медный всадник»	42
Миллионная	43
Велосипед Петра Великого	43
Как Петр Великий футбол изобрел	44
Каша Петра Великого	46
Имени Петра Великого	47
Поэт и царевна	48
Поэт и царь	50
Трость Поэта	53
Приятели Поэта	54
Гости Поэта	56

Часть II. Балкон

I	59
II	61
III	65
IV	67

Часть III. Сказки народов мира

Счастливое имя	71
Как Па Ша взял в жены императорскую дочь	74
Как Али-паша змею на груди пригреб	78
Дурак и шашки	81
Вода живая и вода «огненная»	84
Шалопай и принцесса	89
Сын лесоруба и Лесная старушка	94
Старушка из носа	98
Королева и сын мельника	100
Красные перчатки королевы	102
Непослушные дочери	105
Хик-Пятый Причал	106

Часть IV. Беседки

Как у папы вырос глаз	109
О вреде и пользе чистки зубов	111
О вреде и пользе страха перед темнотой	115
О вреде и пользе чтения	118
О Бранденбургских воротах	120
О страхе перед лифтом	122
О босоногом детстве и астронавте Армстронге	127
О последнем мамонте	130
О краснухе и чернухе	134
О зимней спячке	136
О плевании	138
О вреде и пользе храпа	141
О вреде и пользе прогулов	146
По дороге из школы	149
О крысах и мышах	151
О «снежном человеке» и каратэ	155
О папиной памяти и маминых туфлях	159
О скромности и законах физики	161
О нашем памятнике	163
А еще был случай... ..	166

